

ВИРГИЛIEBA ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ I.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 25 дня 1840 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Эней бувъ парубокъ моторный
И хлопецъ хотъ куды козакъ,
Удавсь на всее зле проворный,
Завзятійшій одъ всихъ бурлакъ.
Но Грекы якъ спалывшы Трою,
Зробымы зъ неи скирту гною,
Винъ взявши торбу, тягу давъ,
Забравшы де-якихъ Троянцивъ,
Осмаленыхъ, якъ гыря, ланцивъ,
Пятамы зъ Трои накывавъ.

Винь швидко поробившы човны,
На сыне море попускавъ,
Троянцивъ насажавшы повни,
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Роскудкудакалась якъ квочка —
Энея не любыла страхъ;
Давно уже вона хотила,
Його щобъ душка полетила
Къ чортамъ, и щобъ и духъ не пахъ.

Эней бувъ тяжко не по сердцю
Юнони, все ти гнививъ;
Здававсь гирчійшьий йй видъ перцю,
Ни въ чимъ Юноны не просывъ;
Но гирьшь за те йй не любився,
Що, бачышь, въ Трои народывся
И мамою Венеру звавъ;
И що його покійный дядько
Парысь, Прямово дытятко,
Путьвочку Венери давъ.

Побачыла Юнона зъ неба,
Що панъ Эней на поромахъ;
А те шепнула сука Геба...
Юнону взявъ велькый жахъ!
Впрягла въ грындолята павычку,
Сховала пидъ кибалку мычку,
Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шурилку,
И хлиба зъ силой на тарилку,
Къ Эолу мчалась якъ оса.

«Здоровъ Эоле пане свату!
«Ой-якъ-ся маешъ, якъ живешъ?»
Сказала якъ ввійшла у хату
Юнона: «чи гостей ты ждешъ?»
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Эоломъ дидомъ,
Сама же сила на ослинь.
«Будь ласкавъ сватоньку старыку!
«Избый Энея съ пантельку,
«Теперь плыве на мори винь.

«Ты знаешъ, винъ якый суцига,
«Пальвода и горлоризъ;
«По свиту якъ ище побига,
«Чиихсь багацько вымье слизъ.
«Пошлы на його лыхо злее,
«Щобъ люды вси, що при Энеи
«Послызлы, и щобъ винъ и самъ.
«За сее жъ дивку чорнобрыву,
«Смачную, гарну, уродлыву,
«Тоби я, далеби-що, дамъ.

«Гай, гай! ой дей же його кату!
«Эоль насупывшысь сказавъ:
«Я всебъ зробывъ за сюю плату,
«Та витры вси пороспускавъ,
«Борей недужъ лежыть съ похмилля,
«А Ноть пойихавъ на весилля,
«Зефиръ же, давній негодай,
«Зъ дивчатамы заженыхався,
«А Эвръ въ поденьщыкы нанявся;
«Якъ хочешъ такъ и помышляй!

«Та вже для тебе обищаюсь
«Энееви я ляпасъ дать;
«Я хутко, мытью постараюсь
«Въ тристя його къ чортамъ загнать.
«Прощай же! швидче убирайся,
«Обицянкы не забувайся:
«Бо послы, чуешъ, ни чычыркъ.
«С , збрешешъ, то хоча надсядся,
«На ласку послы не понадся,
«Тогда видъ мене возьмешъ чвыркъ.»

Эоль оставшысь на госпѣди,
Зибравъ всихъ витривъ до двора,
Веливъ поганій быть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразы спузырыло,
Водою мовъ въ ключи забымо,
Эней тутъ крикнувъ, якъ на пупъ;
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тымъ начесавъ ажъ струпъ.

Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве;
Слизьмы Троянци облылыся,
Энея за живить бере;
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько вѣйска тутъ пропало;
Тогди набралысь вси сто-лыхъ!
Эней крычыть: «що я Нептуну
«Пивкопы грѣшей въ руку суну,
«Абы на мори штурмъ утыхъ.»

Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
Почувъ Энеивъ голосокъ;
Шатнувся заразъ изъ запичка,
Пивкопы для його кусокъ!
И мытью осидлавшы рака,
Схватывсь на його мовъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась.
Загомонивъ на витривъ гризно:
«Чого вы гудете такъ ризно?
«До моря, знаете, вамъ зась!»

Отъ-туть-то витры схаменулысь,
И ну вси драла до норы;
До ляса мовъ Ляхы шатнулысь,
Або одъ йижака тхоры.
Нептунъ же заразъ взявъ мителку
И вымивъ море якъ свителку,
То сонце глянуло на свить.
Эн тогди якъ народывся,
Разивъ изъ-пять перехрестывся;
Звеливъ готовыты обидь.

Поклалы шальовкы соснови,
Кругомъ наставылы мысокъ;
И страву всякую, безъ мовы,
Въ голодный пхалы все кутокъ.
Туть съ самомъ галушкы лыгалы,
Лемишку и кулищъ глыталы
И брагу кухлыкомъ тяглы;
Та и горилочку хлыталы,
На сылу изъ-за столу всталы
И спаты послы вси ляглы.

Венера не послідня шльоха,
Проворна, врагъ ти не взявъ,
Побачыла, що такъ полоха
Эоль сынка, що ажъ захлявъ;
Умылася, прычепурылася
И якъ въ недилю нарядылася,
Хоть бы до дудкы на танецъ!
Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушь зъ усамы люстровый,
Пишла къ Зевесу на ралець.

Зевесь тогди кружавъ сывуху
И оселедцемъ зайидавъ;
Винъ сьому выпывшы восьмуху,
Послідкы съ кварты выльивавъ.
Прыйшла Венера искривывшысь,
Заплакавшысь и завискрившысь,
И стала хлыпать передъ нымъ:
«Чымъ предъ тобою, мылый тату,
«Сынъ заслужывъ таку мій плату?
«Йонъ, мовъ въ свинкы грають имъ.

«Куды йому уже до Рыму?
«Хиба якъ здохне чортъ въ рови!
«Якъ вернется панъ Ханъ до Крыму,
«Якъ женится сычъ на сови.
«Хибабъ уже та не Юнона,
«Щобъ не вказала макогона,
«Що й-доси слухае чмеливъ!
«Колыбъ вона та не бисылася,
«Замовкла и не камезылася,
«Щобъ ты се самъ йій извеливъ.»

Юпйтеръ, все допившы съ кубка,
Погладывъ свій рукою чубъ:
«Охъ доцю, ты моя голубка!
«Я въ правди твердый такъ, якъ дубъ.
«Эней збудуе сыльне царство,
«И заведе свое тамъ панство;
«Не малый буде винъ панокъ.
«На панцыну весь свить погонить,
«Багацько хлопивъ тамъ наплодить
«И всимъ имъ буде ватажокъ.

«Зайиде до Дидоны въ гости,
«И буде тамъ бенькетовать;
«Полюбятся ъи винъ мосци
«И буде бисыкы пускать.
«Иды, небого, не журыся,
«Попонедилкуй, помолься,
«Все буде такъ, якъ я сказавъ.»
Венера нызько поклоньмась,
И зъ пан-отцемъ своимъ простьмась,
А винъ ъи поциловавъ.

Эней прочумався, проспався,
И голодрабцивъ позбиравъ,
Зо всимъ зибрався и уклався,
И скилько выдно почухравъ.
Пльвѣ, пльвѣ, пльвѣ, пльвѣ, що ажъ обрыдло,
И море такъ йому огыдло,
Що бисомъ на його дывывсь.
«Колыбъ, каже, умеръ я въ Трои,
«Уже бъ не пывъ сеи гирькои,
«И марне такъ не волочывсь.»

Потимъ до берега приставшы
Зъ Троянствомъ голымъ всимъ своимъ,
На землю съ човнивъ повстававшы,
Спытавсь, чи е що йисты имъ?
И заразъ чогось попойилы,
Щобъ на пути не ослабилы:
Пишлы куды хто запопавъ.
ей по берегу попхався,
И самъ не знавъ, куды слонявся,
Ажъ гулькѣ—и въ городъ причвалавъ.

Въ тимъ городи жыла Дидона,
А городъ звався Карфагенъ,
Розумна пани и моторна,
Для неи трохы сыхъ именъ:
Трудяща, дуже працьовыта,
Весела, гарна, сановыта,
Бидняжка,—що була вдова;
По городу тогди гуляла,
Колы Троянцивъ повстричала,
Таки сказала имъ слова:

«Видкиль таки се гольтипакы?
«Чи рыбу зъ Дону везете?
«Чи може выходци бурлакы?
«Куды прочане вы идете?
«Якый васъ врагъ сюды направывъ?
«И хто до города прычалывъ?
«Якажъ ватага розбышакъ!»
Троянци вси замурмоталы,
Дидони нызько въ ноги палы,
А вставшы йй мовлялы такъ:

«Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеный,
«Волочымся безъ талану,
«Мы въ Трои, знаешъ, порожденны,
«Эней пустывъ на насъ ману;
«Далы намъ Грекы прочухана,
«И самого Энея пана
«Въ тры-вырвы выгналы видтиль;
«Звеливъ покынуты намъ Трою,
«Лидмовывъ плаваты съ собою.
«Теперь, ты знаешъ, мы видкиль.

«Помылуй, пани, благородна!
«Не дай загынуть головамъ,
«Будь мылостыва, будь не злобна,
«Эней спасыби скаже самъ.
«Чи бачышъ, якъ мы обидралысь!
«Убрання, постолы порвалысь,
«Охлялы, нибы въ дощъ щеня!
«И жухы, свыты погубылы,
«И зъ голоду въ кулакъ трубылы.
«Така намъ лучылась пеня.»

Дидона гирько зарыдала,
И зъ билого свого лыця
Платочкомъ слезы обтырала:
«Колыбъ, сказала, молодця
«Энея вашого злапала;
«Ужебъ тогди весела стала,
«Тогди великъ-день бувъ бы намъ!»
Туть плюсь Эней, якъ будто зъ неба:
«Ось-озьде я, колы вамъ треба!
«Дидони поклонюся самъ.»

Потимъ зъ Дидоною обнявшысь,
Поццловалысь гарно въ смакъ;
За рученькы биленьки взявшысь,
Балакалы то сякъ, то-такъ.
Пишлы къ Дидони до господды
Черезъ вельки переходы,
Ввійшлы въ свитльцю, та й на пиль;
Пылы на радощахъ сывуху
И йилы симьяну макуху,
Покиль клькнулы ихъ за стилъ.

Туть йилы розныи потравы
И все съ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарныи прыправы,
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ:
Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину,
Потимъ съ пидлевою индыкъ;
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулькъ.

И кубкамы пылы сльвянку,
Медъ, пиво, брагу, сиривецъ,
Горилку просту и калганку,
Курывсь для духу яловець.
Бандура горльци брынчала,
Сопилка зуба затынала,
А дудка грала по балкахъ;
Санжаривкы на скрипци гралы,
Кругомъ дивчата танцьовалы,
Въ дробушкахъ, въ чоботахъ, въ свиткахъ.

Сестру Дидона мала Ганну,
Навспражкы дивку, хоть куды,
Проворну, чепурну и гарну;
Прыходьла и ся сюды,
Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стьонжкахъ, въ намысти и ковткахъ;
Туть танцьовала выкрутасомъ,
И предъ Энеемъ выхьясомъ
Пидъ дудку была третяка.

Эней и самъ такъ расходывся,
Якъ на аркани жеребець;
Що трохы не увередывся,
Пиповшы съ Гандзею въ танецъ,
Въ обохъ пидкивки забряжчалы,
Жыжки одъ танцивъ задрижалы,
Выстрыбовавшы гоцака.
Эней матню въ кулакъ прыбравшы
И не до солы прымовлявшы,
Садывъ крутенько гайдука.

А послы танцивъ варенухы
По фылыжанци пиднеслы;
И молодьци цокотухы
Туть баляндрасы понеслы;
Дидона крипко заурьла,
Горщокъ съ вареною розбыла,
До дуру вси тогди пылы.
Ввесь день весело прогулялы,
И пъяни спаты полягалы;
Энейжъ ледве повелы.

Эней на пичь забрався спаты,
Зарывся въ просо, тамъ и лигъ;
А хто схотивъ, побривъ до хаты,
А хто въ хливець, а хто пидъ стигъ.
А де-яки такъ-такъ хлыснулы,
Що де упалы, тамъ заснулы,
Соплы, харчалы и хроплы;
А добри молодци кружалы,
Покы ажъ пивни заспивалы—
Що здужалы, то все тяглы.

Дидона рано исхопылась,
Пыла съ похмилля сиривецъ;
А послы гарно нарядылась,
Якъ бы въ оренду на танецъ.
Взяла караблыкъ бархатовый,
Спидньцю и карсетъ шовковый
И начепыла ланцюжокъ;
Червони чоботы обула,
Та и запаскы не забула,
А въ руки зъ выбійкы платокъ.

Эней же съ хмелю якъ проспався,
Изъйивъ солоный огирокъ;
Потимъ умывся и убрався,
Якъ парубійка до дивокъ.
Йому Дидона пидослала,
Що одъ покійныка украла,
Штаны и пару чобитокъ;
Сорочку и каптанъ съ кытайкы,
И шапку, — поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ.

Якъ одяглысь, то изійшлыся,
Съ собою стали розмовлять;
Найлыся и прынялыся,
Щобъ по вчорашньому гулять.
Дидонажъ тяжко сподобала
Энея, такъ, що и не знала
Де дитыся, и що робыть;
Точыла всякіе балясы,
И пидпускала разни лясы,
Энею тилькобъ угодыть.

Дидона выгадала грыще,
Эней щобъ веселишый бувъ,
И щобъ вертився зъ нею блыжче
И лыха щобъ свого забувъ:
Соби очыци завъязала,
И у панаса граты стала,
Энея бь тилько уловыть;
Эней же заразы догадався,
Коло Дидоны терся, мьявся,
Бы щобъ тилько вдоволныть.

Туть всяку всячыну игралы,
Хто якъ и въ вищо захотывъ;
Туть ынчи журавля скакалы,
А хто одъ дудочки потывъ.
И въ хрещыка, и въ горюдуба,
Неразы доходыло до чуба,
Якъ загулялыся въ джгута;
Въ хлюста, въ пары, въ визка игралы
И дамкы по столу совалы;
Чортъ мавъ порожнього кута.

Що день було у нихъ похмилля;
Пылась горилка, якъ вода;
Що день бенъкеты мовъ весилля,
Вси пьляни, хотъ посуньсь куда.
Энееви такъ якъ боляци,
Або лыхій осинній трясъци,
Годыла пани всякый день.
Булы Троянци пьяни, сыти,
Кругомъ обути и обшыти,
Хотъ голи прыбрелы, якъ пенъ.

Троянци добре тамъ курылы,
Далы прыманку всимъ жинкамъ,
По вечерныцямъ вси ходылы,
Просвитку не було дивкамъ.
Та-й-самъ Эней, сподарь, и паню
Пидмовывъ парытыся въ баню...
Ужежъ було не безъ гриха!
Бо страхъ вона його любыла,
Ажъ розумъ весь свій погубыла,
А бачця не була плоха.

Оттакъ Эней живъ у Дидоны,
Забувъ и въ Рымъ щобъ мандровать.
Тутъ не боявся и Юоны,
Пустывся все бенъкетовать;
Дидону мавъ винъ мовъ за жинку,
Убывшы добру въ неи гринку,
Мутывъ якъ на сели москаль!
Бо хринъ його не взявъ, моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый якъ на бритви сталь.

Эней зъ Дидоною возымысь,
Якъ зъ оселедцемъ сирый кить;
Ганялы, бигалы, казымысь,
Ажъ лывся де-колы и пить.
Дидона жъ мала разъ роботу,
Якъ зъ нымъ побигла на охоту,
Та гримъ загнавъ ихъ въ темный льохъ....
Лыхый ихъ зна, що тамъ робылы,
Було не выдно съ за могылы,
Въ льоху жъ сьидилы тилько въ двоухъ.

Не такъ-то робится все худко,
Якъ швидко окомъ измыгнешь;
Або якъ казку кажешъ прудко,
Перомъ въ папери якъ пыснешь.
Эней въ гостяхъ проживъ не мало, —
Що зъ головы його пропало,
Куды його Зевесъ пославъ.
Винъ годивъ зо два тамъ просыдивъ,
А мабудъ бы и бильшь проныдивъ,
Якъ бы його врагъ не спиткавъ.

Кольсь Юпитеръ не нарокомъ
Зъ Олыпна глянувъ и на насъ;
И кынувъ въ Карфагену окомъ,
Ажъ тамъ троянскій мартоплясь....
Розсердився и розкрычався,
Ажъ цильй свить поколыхався;
Энея лаявъ на весь ротъ:
«Чи такъ-то, гадивъ сынъ, винъ слуха?
«Убрався въ патоку мовъ муха,
«Засивъ буцимъ въ болоти чортъ.

«Пйдить гинця мыни клыкните,
«До мене заразъ щобъ прыйшовъ,
«Глядитъ же, цупко прыкрутите,
«Щобъ винъ въ шынокъ та не зайшовъ!
«Бо хочу я кудысь послаты.
«Йонъ, йонъ же вража маты!
«Але Эней нашъ зледащивъ;
«А то Венера все свашкуе,
«Энеечка свого муштруе,
«Щобъ винъ зъ ума Дидону звивъ.»

Прыбигъ Меркурій засапавшысь,
Въ тры ряды питъ зъ його котывъ;
Ввесъ реминьямы обвьязавшысь,
На голову брыль наложывъ;
На грудяхъ съ бляхою ладунка,
А съ заду съ сухарямы сумка,
Въ рукахъ нагайскій малахай.
Въ такимъ наряди влизшы въ хату,
Сказавъ: «готовъ уже я тату,
«Куда ты хочешъ, посьмай.

«Бижы лышь швидче въ Карфагену,»
Зевесъ гинцеви такъ сказавъ,
«И пару розлучы скажену,
«Эней Дидонубъ забувавъ.
«Нехай лышь видтиль уплитае,
«И Рыма строиты чухрае—
«А то залигъ мовъ въ груби песъ.—
«Колыжъ винъ буде йще гуляты,
«То дамъ йому себе я знаты,
«Оттакъ сказавъ, скажы, Зевесъ.»

Меркурій нызько поклонився,
Передъ Зевесомъ брыль изнявъ,
Черезъ поригъ перевалывся,
До стани швидче тягу давъ.
Покынувши изъ рукъ нагайку,
Запрягъ винъ мытью чортопхайку;
Черкнувъ изъ неба, ажъ курыть!
И все кобылокъ поганяе,
Що оглобельна ажъ брыкае;
Помчалы, ажъ визокъ скрыпыть!

Эней тогда купався въ брази,
И на полу укрывшысь лигъ;
Йому не снылось о прыкази,
Якъ-ось Меркурій въ хату вбигъ!
Смыкнувъ изъ полу мовъ пся-юху.
«А що ты робышь?—пнешъ сывуху?»
Зо всего горла закрычавъ,
«А ну лышь швидче убирайся,
«Съ Дидоною не женихайся,
«Зевесъ походъ тоби сказавъ!

«Чи сежъ такы до дила робышь,
«Що й доси тута загулявсь?
«Та швидко и не такъ задробышь;
«Зевесъ не дурно похвалявсь;
«Получышь добру халазію,
«Винъ выдавить съ тебе олию,
«Отъ-тільки йще тутъ побарысь.
«Глядыжъ, сьогоня щобъ убрався,
«Щобъ ныщечкомъ видсиль укрався,
«Мене у друге не дождысь.

Эней пиджавъ хвистъ мовъ собака;
Мовъ Каинъ затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла кабака:
Уже винъ знавъ якый Зевесъ.
Шатнувся мытью самъ изъ хаты,
Своихъ Троянцевъ позбираты;
Зибравшы, давъ такый прыказъ:
«Якъ можна швидче укладайтесь,
«Зо всимы клунками збирайтесь,
«До моря швендайте якъ разъ!»

А самъ вернувшись въ будынкы,
Свое лахмиття позбравъ;
Мызеріи наклавъ дви скрынъкы,
На човенъ заразъ одиславъ,
И дожыдався тилько ночи,
Що якъ Дидона зимкне очи,
Щобъ не прощавшись тягу дать.
Хоть винъ за нею и журывся,
И свитомъ цилый день нудывся;
Та, ба! бачъ треба покыдать.

Дидона заразъ одгадала,
Чого сумуе панъ Эней,
И все на усъ соби мотала,
Щобъ умудрытться и тй;
Зъ за печи часто выглядала,
Прыкынувшысь буцимъ куняла
И мовъ вона хотила спать.
Эней же думавъ, що вже спала,
И тилько-що хотивъ дать драма,
Ажъ-ось Дидона за чубъ хватъ.

«Постій прескурвый вражий сыну!
«Зо мною перше розплатись;
«Отъ задушю, якъ злу лычыну!
«Ось-ну лышь тилько завертись!
«Отъ-такъ за хлибъ, за силь ты платышь?
«Ты всимъ привыкшы насмихатись,
«Роспустышь славу по мини!
«Нагрила въ пазуси гадюку,
«Що послы изробыла муку;
«Послала пуховыкъ свыни.

«Згадай який прыйшовъ до мене,
«Що ни сорочки не було;
«И постоливъ чортъ мавъ у тебе,
«Въ кишени жъ пусто, ажъ гуло;
«Чи знавъ ты, що таке гроши?
«Мавъ безъ матни одни холоши,
«И тилько слава, що въ штанахъ;
«Та й те порвалось и побылось,
«Ажъ глянуть соромъ, такъ свитылось;
«Свытына вся була въ латкахъ.

«Чи лжъ тобі та не годыма?
«Хиба рижна ты захотивъ?
«Десь вража маты пидкусыла,
«Щобъ хырный тутъ ты не сыдивъ.»
Дидона гирько зарыдала,
И зъ серця ажъ волосся рвала,
И покрасилася мовъ ракъ.
Запинылась, посатанила,
Ниначе дурману изъйила,
Залаяла Энея такъ:

«Поганый, мерзкій, скверный, брыдкий,
«Никчемный, ланецъ, кателькъ!
«Гульвиса, пакосный, престыдкий,
«Негидный, злодій, еретькъ!
«За кучму сю твою вельку,
«Якъ дамъ ляща тобі я въ пыку,
«То тутъ тебе лызне и чортъ!
«И очи выдеру изъ лоба,
«Тоби діявольська худоба.
«Трясешся мовъ зимою хортъ!

«Мандруй до сатаны зъ рогамы,
«Нехай тобі прыснится бись!
«Съ твоимы сучимы сынамы,
«Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ гульвисъ.
«Щобъ ни горилы, ни болилы,
«На чыстому щобъ поколилы,
«Щобъ не оставсь ни чоловикъ;
«Щобъ доброй не зналы доли,
«Булы щобъ зъ вами злыи боли,
«Щобъ вы шаталыся по викъ.»

Эней видъ неи одступався,
Покы зайшовъ черезъ поригъ,
А дали ажъ не оглядася,
Зъ двора въ собачу рысть побигъ.
Прыбигъ къ Троянцямъ засапався,
Обмокъ въ поту, якъ бы купався,
Мовъ съ торгу въ школу курохватъ;
Потимъ въ човенъ хутенько сившы
И йихаты своимъ велившы,
Не оглядася самъ назадъ.

Дидона тяжко зажурылась,
Ввесъ день ни йила, ни пыла;
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногти на рукахъ;
А дали сила на порози,
Ажъ занудыло йй небози
И не встояла на ногахъ.

Сестру клыкнула на пораду,
Щобъ горе зле розказать,
Энееву оплакать зраду,
И льготы серцю трохы дать.
«Ганнусю, рыбка, душко, любко,
«Ратуй мене моя голубко,
«Теперь пропала я на викъ!
«Энеемъ кынута я бидна,
«Якъ сама паплюга послидня,
«Эней злый змій, — не чоловікъ!

«Нема у серця мого сылы,
«Щобъ я могла його забыть,
«Куды мни бигты? — до могылы!
«Туды одынъ надежный путь!
«Я все для його потеряла,
«Людей и славу занедьбала;
«Богы! я зъ нымъ забула васъ.
«Охъ! дайте зилля мни напытысь,
«Щобъ серцю можно розлюбытысь,
«Утыхомырытысь на часъ.

«Нема на свити мни покою,
«Не льются слезы изъ очей,
«Для мене бильй свить есть тьмою,
«Тамъ ясно тилько де Эней.
«О пущьверынку Купыдоне!
«Любуйся якъ Дидона стогне....
«Щобъ ты маленькымъ бувъ пропавъ!
«Познайте молодьци гожи,
«Зъ Энеемъ бахури вси схожи;
«Щобъ врагъ зрадлывыхъ всихъ побравъ!»

Такъ бидна съ горя говорыла
Дидона, жызнъ свою кляла;
И Ганна що йй ни робыла,
Ни якой рады не дала.
Сама съ царыцей горювала
И слезы рукавомъ втырала,
И хлыпала соби въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелила, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ йй на сумоватысь въ смакъ.

Довгенько такъ посумовавши,
Пишла въ будынки на постиль;
Подумавшы тамъ, погадавшы,
Проворно скочыла на пиль.
И взявши съ запичка кресало,
И клочча въ пазуху чимало,
Тыхенько выйшла на гордъ.
Ночною се було добою
И самой тихою порою,
Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

Стоявъ у неи на горди,
Въ костри на зиму очереть;
Хоть се не по царьскій породи,
Та дежъ взять дровъ, комы все степь;
Въ костри бувъ сложенный сухенькй,
Якъ порохъ бувъ уже палкенькй,
Його й держалы на пидпаль.
Пидъ нымъ вона огонь кресала,
И въ клоччи гарно розмахала
И розвела пожаръ чималь.

Кругомъ костеръ той запалывшы,
Зо всей одежи роздяглась,
Въ огонь лахмиття все сложывшы,
Сама въ огни тимъ простяглась.
Вкругъ неи поломья палало,
Покійныци не выдно стало,
Пишовъ одъ неи дымъ и чадъ! —
Энея такъ вона любыла,
Що ажъ сама себе спалыла,
Послала душу къ чорту въ адъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ II.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

Эней поплывшы синимъ моремъ,
На Карфагену оглядавсь;
Боровсь съ своимъ сердега горемъ,
Слизьмы бидняжка обльивавсь.
Хоть одъ Дидоны пльвѣ поспишно,
Та плакавъ гирько, не утишно.
Почувшьжъ, що въ огни спеклась,
Сказавъ: » нехай йій вичне царство,
«Мини же довголитне панство,
«И щобъ друга вдова найшлась!»

Якъ-ось и море стало граты,
Вельки хвыли пиднялысь,
И витры зачалы бурхаты,
Ажъ човны на мори тряслысь.
Водою чортъ зна якъ крутыло,
Що трохы всихъ не потопыло,
Вертылысь човны мовъ дурнй.
Троянцы зъ страху задрывалы,
И що робыты вси не знали,
Стоялы мовчкы вси смутни.

Одынъ зъ Троянской ватагы,
По ихъ винъ звався Палинуръ;
Сей билше мавъ другыхъ отвагы,
Смиленькй бувъ и балагуръ;
Що-на-передъ сей схаменувся
И до Нептуна оклыкнудся:
«А що ты робышь панъ Нептунъ!
«Чи се и ты пустывсь въ ледащо,
«Що хочешъ насъ звесты ни на що?
«Хиба пивкопы и забувъ?»

А дали писля сси мовы
Троянцямъ винъ такъ всимъ сказавъ:
«Бувайте, братця, вы здоровы!
«Отъ-це Нептунъ замудровавъ.
«Куды теперь мы, братця, пйдемъ?
«Въ Италию мы не дойдемъ,
«Бо море дуже щось шпуге.
«Италиа видсиль не близько,
«А моремъ въ бурю йхать слызько,
«Човнивъ ни хто не пидкуе.

«Отъ-туть земелька есть хлопьята,
«Видсиль вона не вдалеку,
«Сыщылія земля багата,
«Вона мьни щось познаку.
«Дмухнимъ лышь, братця, мы до неи,
«Збуваты горесты своеи,
«Тамъ добрый царъ живе Ацестъ.
«Мы тамъ, якъ дома, очуняемъ
«И якъ у себе загуляемъ,
«Всього у нього вдоволь есть.»

Троянцы разомъ прынялыся
И стали весламы гребты,
Якъ стрилкы човныкы неслыся,
Мовъ зъ заду пхалы ихъ чорты.
Ихъ Сыщылійцы якъ уздрылы,
То зъ города, мовъ подурылы,
До моря биглы вси встричать.
Тутъ мижъ собою распыталыся,
Чоломкалыся и обнималыся;
Пишлы до короля гулять.

Ацестъ Энею якъ бы брату,
Вельку ласку показавъ,
И заразы попросывшы въ хату
Горилкою почастовавъ;
На закуску наклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето.
Троянцямъ всимъ далы тетери
И видпустылы на кватери:
Щобъ йшлы, куды потрапыть хто.

Тутъ заразы пиднялы бенькеты,
Замурмоталы якъ коты,
И въ кахляхъ понесли папкеты
И кислю имъ до сыты;
Гарячую, мяку бухинку,
Зразову до рижкывъ печинку,
Гречаныхъ съ часныкомъ панпухъ.
Эней съ дороги налыгався
И пинной такъ нахлыстався,
Трохы не выперся зъ його духъ.

Эней хотъ трохы бувъ пидпымый,
Та зъ розумомъ не потерявсь;
Винъ сынъ бувъ богобоязливый,
По смерты батька не цуравсь.
Въ сей день його отецъ опрягся,
Якъ чыкылдыхы обижрався, —
Анхызъ зъ горилочки умеръ.
Эней схотивъ обидъ справляты
И тутъ старцівъ нагодоваты, —
Щобъ бигъ души свій рай однеръ.

Зибравъ Троянску всю громаду,
И самъ пишовъ на двирь до ныхъ,
Просить у ихъ соби пораду,
Сказавъ имъ ричь въ словахъ такихъ:
«Панове, знаете, Трояне
«И вси хрещеныи мыряне,
«Що мій отець бувавъ Анхызъ,
«Його сывуха запалыла,
«И живота укоротыла
«И винъ, якъ муха въ зиму, слызъ.

«Зробыты помынкы я хочу,
«Поставыты обидъ старцямъ—
«И завтражъ—дали не одсрочу.
«Скажете: якъ здається вамъ?»
Сього Троянцы и бажалы
И вси у голосъ закрычалы:
«Энею Боже поможы;
«Колы же хочешъ, пане, знаты,
«И самы будемъ помагаты,
«Бо мы тоби не ворогы.»

И заразъ мытью вси пустылысь
Горилку, м'ясо куповать,
Хлибъ, бублыкы, кныши вродылысь,
Пійшлы посуды добувать;
И колыво съ кути зробылы,
Сыты изъ меду насытылы,
Договорылы и попа;
Хазяинивъ своихъ сзывалы,
Старцивъ по улыцямъ шукалы,
Пишла на дзвинъ дякамъ копа.

На другій день раненько всталы,
Огонь на двори розвелы
И м'яса въ казаны наклалы,
Варылы страву и пеклы.
Пять казанивъ стояло юшкы,
А въ чотырбохъ булы галушкы,
Борцу трохы було не съ шистъ;
Баранивъ тьма була вареныхъ,
Курей, гусей, качокъ печеныхъ,
До сыта щобъ було всимъ йистъ

Цебры сывушкы тамъ стоялы
И брагы повніи дижкы;
Всю страву въ ваганы вливалы
И роздавалы всимъ ложки.
Якъ проспивалы со святымы,
Эней обльвсь слизьмы гирькымы
И прынялыся вси трепать;
Найилыся и нахлысталыся,
Що де-яки ажъ повалялыся,
Тогди и годи помынатъ.

Эней и самъ со старшыною
Анхыза добре помынавъ;
Не здривъ ничего предъ собою,
А ще зъ застолу не встававъ;
А дали трошкы проходывся,
Прочумався, протверезывся,
Пишовъ къ народу, хотъ поблидъ. —
Съ кишени вынявшы пивкипкы,
Шшурнувъ въ народъ дрибныхъ, якъ рипкы,
Щобъ тямылы його обидъ.

Эней заболылы ногы,
Не чувъ ни рукъ, ни головы;
Напалы отъ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы,
И весь обдувся, якъ барыло,
Було на свити все немьло,
Мислите по земли пысавъ.
Зъ нудьгы охлявъ и изнемигся,
Въ одежи лигъ и не роздигся,
Пидъ лавкою до свита спавъ.

Прокынувшыся весь трусьвсь,
За серце сцало мовъ глысты;
Перевертався и нудывся,
Не здужавъ головы звесты,
Покы не выпывъ пивквартивки
Зъ имберомъ пинной горилкы,
И кухля сиривцю не втеръ.
Съ пидъ лавкы вылизъ и струхнувся,
Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся,
«Давайте, крыкнувъ, пыть теперь.»
4*

Зибравшыся вси паненята,
Изновъ кружаты началы,
Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы;
Тяглы тутъ пинненьку Троянцы,
Не вомпылы Съцьміяньци,
Черкалы добре назахвать.
Хто пывъ тутъ билшъ одъ всихъ сывухы,
И хто пывъ разомъ тры осьмухы,
То той Энееви бувъ братъ.

Эней нашъ роздоброхотався,
Игрыща вздумавъ завести
И пьяный заразь розкрычався,
Щобъ перебийцивъ прывести. —
У виконъ школяри спивалы,
Халандры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слипци;
Булы тутъ разни чуты крыкы,
Водылы въ городи музыкы,
Моторни, пьяни молодци.

Въ прысинкахъ вси паны сидилы,
На двори жъ вкругъ стоявъ народъ,
У викна де-яки глядили,
А ынчій бувъ наверхъ воротъ;
Ажъ-ось прыйшовъ и перебіецъ,
Убранный такъ, якъ компаніецъ,
И звався молодець Даресь;
На кулакы ставъ выклькаты
И перебийця вызываты,
Крычавъ опареный мовъ песъ:

«Гей, хто зо мною выйде бытысь,
«Покуштоваты стусанивъ?
«Мазкою хоче хто умытысь?
«Кому не жаль своихъ зубивъ?
«А нуте, нуте йдите швидче,
«Сюды на кулакы лышь бльжче!
«Я бебехивъ вамъ надсажу;
«На очи вставлю окуляры,
«Сюды поганци бакаляры!
«Я всякому лобъ розмижжу.»

Даресь довгенько дожыдався,
Мовчали вси, ништо не йшовъ;
Зъ нымъ всякій бытыся боявся,
Собою страху всимъ задавъ:
«Такъ вы, бачу, вси легкодухы,
«Передо мною такъ, якъ мухы
«И пудофеты на-голо.»
Даресь тутъ дуже насмихався,
Собою чванывсь вельчався,
Ажъ слухать соромъ всимъ було.

Абсестъ Троянець бувъ сердытый,
Згадавъ Ентелла козака,
Зробывся мовъ несамовытый,
Чимъ дужь давъ видтиль дропака.
Ентелла скризь пишовъ шукаты,
Щобъ все, що бачывъ, розказаты
И щобъ Дареса пидцьковать.
Ентелль бувъ тяжко смилый, дужий,
Мужыкъ плечыстый и невключий,
Тогди винъ пьяный вклався спать.

Знайшлы Ентелла сирوماху,
Що винъ пидъ тыномъ гарю спавъ;
Сього сердешного тимаху
Будыты стали, щобъ уставъ.
Вси голосно надъ нымъ крычали,
Погамы всьму роскачали,
Очьма винъ на ныхъ лупнувъ:
«Чого вы? що за вража маты
«Зибралысь не даваты спаты;»
Сказавшы се, опьять заснувъ.

«Та встань, будь ласкавъ, пане свату!»
Абсестъ Ентеллови сказавъ:—
«Пийдите лышь вы соби и къ кату.»
Ентелль на ихъ такъ закрычавъ.
А послы баче, що не шутка,
Абсестъ сказавъ, яка погудка,
Проворно скочывшы, здрыгнувсь:
«Хто, якъ, Даресь? — ну, стійте наши!
«Зварю пану Даресу каши,
«Горилкы дайте лышь напыюсь.»

Прымчалы съ казанокъ сывухы,
Ентелль ти разкомъ дмухнувъ,
И одъ сіеи винъ мокрухы
Скрывывсь, наморщывсь и зивнувъ,
Сказавъ:» Теперь ходимо, братця,
«До хвастуна Дареса ланця!
«Йому я ребра поличу,
«Зимну всього я на кабаку,
«На смерть зъувичу мовъ собаку,
«Якъ бытыся я научу.»

Прыйшовъ Ентелль передъ Дареса,
Сказавъ йому на смихъ:» гай-гай!
«Ховайсь проклята неотеса,
«Зарання видсиль утикай;
«Я роздаваю тебе якъ жабу,
«Зитру, зимну, морозъ якъ бабу,
«Що тутъ и зубы ты зитнешъ.
«Тебе діяволь не пизнае,
«Съ кисткамы чортъ тебе злыгае,
«Уже видъ мене не влызнешъ.»

На землю шапку положывшы,
По локоть руки засукавъ,
И цупко кулакы стульывшы,
Дареса бытысь вызывавъ.
Изъ серця скрыготавъ зубамы,
Объ землю тупотавъ ногамы
И на Дареса нализавъ.
Даресъ не радъ свой лыхоти,
Ентелль погягъ не по охоти
Дареса, щобъ його винъ знавъ,

Въ се время въ рай богы зибралысь
Къ Зевесу въ гости на обидъ;
Пылы тамъ, йилы, забавлямысь,
Забулы нашихъ людськихъ бидъ.
Тамъ лакомыны разни йилы,
Буханчыкы пшенишни былы,
Кысльци, ягоды, коржи.
И всяки разни вытребенькы,—
Уже лыбонь булы пьяненьки,
Понадувальсь, мовъ йоржи.

Якъ-ось знечевья вбигъ Меркурій,
Засапавшыся до богивъ;
Прыскочывъ мовъ котыще мурый
До сырныхъ въ масли пирогивъ!
«Ге, ге! отъ-туть-то загулялись,
«Що и одъ свита одцурались;
«Діаволь ма вамъ и стыда. —
«Въ Сыщліи таке творытся,
«Що вамъ бы треба подывыться,
«Тамъ крыкъ, мовъ пидступа Орда.»

Богы почувшы зашаталысь,
Изъ неба выткнулы носы,
Дывытысь на бійцивъ хваталысь,
Якъ жабы литомъ изъ росы.
Ентелль тамъ сыльно храбровався,
Ажъ до сорочки весь роздягся,
Совавъ Даресу въ нисъ кулакъ.
Даресь извомпывъ сирромаха,
Бо бувъ Ентелль непевна птаха,
Якъ чорноморській злый козакъ.

Венеру за выскы хватыло,
Якъ глянула, що тамъ Даресь;
Йій дуже се було несмыло,
Сказала:» батечку Зевесь!
«Дай моему Даресу сымы,
«Йому хвоста щобъ не вкрутылы,
«Щобъ вишь Ентелла поборовъ.
«Мене тогди весь свить забуде,
«Колы Даресь живый не буде;
«Зробы, щобъ бувъ Даресь здоровъ »

Туть Бахусъ пьяный обиззався,
Венеру лаяты начавъ,
До ней съ кулакомъ совався
И такъ изъ-пьяна йій сказавъ:
«Пійды льшь ты къ чортамъ плюгава,
«Не вирна, пакосна, халява!
«Нехай изслызне твій Даресь.
«Я за Ентелла самъ вступлюся,
«Якъ билшь сывухы натягнуся,
«То не заступить и Зевесь.

«Чи знаешъ винъ якый парныще?
«На свити трохи есть такихъ,
«Сывуху такъ, якъ брагу хлыще,
«Я въ парубкахъ кохаюсь сыхъ.
«Уже залъе за шкуру сала,
«Ни неня въ брази не скупала,
«Якъ винъ Даресови задасть.
«Уже хотъ якъ ты не вертыся,
«Зъ своимъ Даресомъ попростыся,
«Бо прыйдется йому пропасть.»

Зевесъ до речи сей дочувся,
Языкъ насылу повернувъ,
Винъ одъ горилкы весь обдувся,
И гримко такъ на ихъ гукнувъ:
«Мовчить! чого вы задрочылись?
«Чи бачъ у мене розходылись?
«Я дамъ вамъ заразъ трышя!
«Нихто въ кулачкы не мишайтесь,
«Кинця одъ самыхъ дожыдайтесь,
«Побачымъ, — визьметъ-то чя?»

Венера облызня пймавши,
Слизкы пустыла изъ очей
И якъ собака хвистъ пиджавшы,
Пишла къ порогу до дверей
И зъ Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глузовала;
А Бахусъ пинненьку лыгавъ.
Изъ Ганнимедова пuzдерка
Утеръ трохи не зъ пиввидерка;
Напивсь — и тилько, що кретавъ.

Якъ мижъ собой боги сварылись
Въ раю, попившысь въ небесахъ;
Тогда въ Сыщыи творылись,
Вельки дуже чудеса.
Даресъ одъ страху оправлявся
И до Ентелла пидбирався,
Цыбульки бь дать йому пидъ нисъ.
Ентеллъ одъ ляпаса здрыгнувся,
Разивъ изъ-пять перевернувся,
Трохи не попустывъ и слизъ.

Розсердывся и розъярився,
Ажъ пину зъ рота попустывъ,
И саме въ миру пидмостывся,
Въ высокъ Дареса затопывъ:
Зъ очей ажъ искры полетилы
И очи ясни соловины,
Сердешный объ землю упавъ.
Чмеливъ довгенько дуже слухавъ
И землю носомъ рывъ и нюхавъ,
И дуже жалибно стогнавъ.

Тутъ вси Ентелла выхвалялы,
Эней съ панамы реготавсь,
Зъ Даресажъ дуже глузовалы,
Що сымою винъ вельчавсь;
Звеливъ Эней його пидняты,
На витри щобъ поколыхаты
Одъ ляпаса и щобъ прочхавсь;
Энтелловижъ давъ на кабаку
Трохы не цилую гривняку
За те, що такъ винъ показавсь.

Эней же сымъ не вдоволнившысь,
Ище гуляты захотивъ,
И цупко пинной напившысь,
Ведмедивъ прывесты звеливъ.
Лытва на трубы засурмыла,
Ведмедивъ заразь зъупыныла,
Заставыла ихъ танцьовать.
Сердешный звирь перекидыався,
Пльгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддерать.

Якъ панъ Эней такъ забавлявся,
То лыха винъ соби не ждавъ,
Не думавъ и не сподивався,
Щобъ хто зъ Олыпна кучму давъ.
Но те Юнона повернула
И въ голови такъ коверзнула,
Щобъ заразь учынить ярмизъ;
Набула безъ панчихъ патынky,
Пишла въ Ирысыни будынкы,
Бо хытра ся була якъ бись.

Прыйшла, Ирыси пидморгнула,
Черкнулы разомъ въ хыжу въ двохъ,
И на ухо щось йій шепнула,
Щобъ не пидслухавъ якый богъ;
И пальцемъ цупко прыкрутыла,
Щобъ заразы все то изробыла
И йій бы прынесла лепортъ;
Ирыся нызько поклоньмась
И въ лижныкъ заразы нарядьмась,
Побигла зъ неба якъ бы хортъ.

Въ Сыщылію якъ разъ спустьмась,
Човны Трояньски де булы;
И мижъ Троянокъ помистьмась,
Котори човнивъ стерегли.
Въ кружку сердешни си сидилы,
И кысло на море глядилы;
Бо ихъ не клыкалы гулять,
Де чоловикы ихъ гулялы,
Медокъ, сывушку попывалы
Безъ просыпу недиль изъ-пять.

Дивчата зъ лыха горювалы,
Нудыло тяжко молодьць;
Лышь слынку зъ голоду ковталы,
Якъ хочеться кому кысльць.
Своихъ Троянцывъ прокльналы,
Що черезъ ихъ такъ горювалы;
Дивкы крычалы на весь ротъ:
«Щобъ имъ хотилось такъ гуляты,
«Якъ хочеться намъ дивоваты,
«Кольибъ замордовавъ ихъ чортъ.»

Троянцы волокмы съ собою
Старую бабу, якъ ягу,
Лукаву видьму, злу Берою,
Искорчывшуюся въ дугу.
Ирыся нею изробьмась,
И якъ Бероя нарядьмась
И пидступыла до дивокъ;
И щобъ къ нымъ лучше пидмостыться
И предъ Юноной заслужыться,
То пиднесла имъ пырижокъ.

Сказала:» помагай-Бигъ, диты!

«Чого сумуете вы такъ?

«Чи не остыло тутъ сидиты?

«Отце гуляють наши якъ!

«Мовъ божевильныхъ насъ морочать,

«Симъ литъ якъ по морямъ волочать;

«Глузують якъ хотять изъ васъ.

«Але съ другымы бахурують,

«Своижъ жинкы нехай горюють,

«Колы водылось се у насъ?

«Послушайте льшь молодьци,

«Я добрую вамъ раду дамъ;

«И вы дивчата билольци,

«Зробимъ кинець своимъ бедамъ,

«За горе мы заплатимъ горемъ —

«А докы намъ сидитъ надъ моремъ?

«Прыймимось, човны попалимъ.

«Тогди и мусять тутъ остаться;

«И нехота до насъ прыжаться;

«Ось такъ на лидъ ихъ посадимъ.»

«Спасеть же Бигъ тебе бабусю!»

Троянкы въ голосъ загулы:

«Такоиць рады пайматусю,

«Мы изгадаты не могли.»

И заразь прыступылы къ флоту

И прынямыся за роботу,

Огонь кресаты и несты

Скипкы, трискы, солому, клочча;

Була тутъ всяка зъ ныхъ охоча,

Пожаръ щобъ швыдче розвесты.

Розжеврилось и загорилось,

Пишовъ дымокъ до самыхъ хмарь,

Ажъ небо все зачервонилось,

Велькый тяжко бувъ пожаръ.

Човны и байдакы паламы,

Соснови поромы трищалы,

Горилы дьоготь и смола.

Покы Троянцы оглядилысь,

Що добре ихъ Троянкы грилысь,

То часть мала човнивъ була.

Эней пожаръ такый уздрившы
Злякався, побиливъ якъ снигъ,
И бигты всимъ туды звелившы,
Чимъ дужъ до човнивъ самъ побигъ.
На гвалтъ у дзвоны задзвоньлы,
По улицамъ въ трещоткы былы,
Эней же на весь ротъ кричавъ:
«Хто въ Бога вируе, ратуйте!
«Рубай, тушы, гасы, лый, куйте!
«А хто жъ таку намъ кучму давъ?»

Эней одъ страху съ плыгу збывся,
Въ уми сердега помишавсь
И заразь самъ не свій зробывся,
Скакавъ, вертився и качавсь;
И изъ сього свого задору
Винъ голову поднявшы въ гору,
Крычавъ, опареный мовъ песъ.
Олимпськыхъ шпетывъ на всю губу,
Свою и неню даявъ любу,
Добувсь и въ ротъ и въ нисъ Зевесъ.

«Гей ты проклятый старыганю!
«На землю зъ неба не зыркнешъ,
«Не чуешъ, якъ тебе я ганю,
«Зевесъ! — ни усомъ не моргнешъ.
«На очихъ бильма поробылысь,
«Кольбъ до вику послыпылысь,
«Що не поможешъ ты мини,
«Чи сежъ такы тоби не стыдно?
«Що пропаду, отъ-лышъ не выдно;
«Яжъ, кажутъ люды, внукъ тоби!

«А ты зъ сидою бородою,
«Пане добродію Нептунъ!
«Сыдышъ, мовъ демонъ пидъ водою
«Изморщывшысь, старый шкарбунъ!
«Кольбъ струхнувъ хотъ головою
«И сей пожаръ зальвъ водою —
«Трызубецъ щобъ тоби зломывсь!
«Ты базарынку любышъ браты,
«А людимъ въ нужди помагаты,
«Не дуже, бачу, поспишывсь.

«И братикъ вашъ Плутонъ, поганецъ,
«И зъ Прозерпыною засивъ;
«Пекельный, гаспыдській коханецъ,
«Ище себе тамъ не нагривъ?
«Завивъ братерство зъ дьяволами
«И въ свити нашыми бедами
«Не погорюе ни на часъ.
«Не посылкуется ни мало,
«Щобъ такъ палаты перестало
«И щобъ оцей пожаръ погасъ.

«И ненечка моя ридненька
«У чорта десь теперь гуля;
«А може спить уже пьяненька,
«Або съ хлопьятамы ганя.
«Теперь йй, бачу, не до соли,
«Уже пидтыкавшы десь полы
«Фурцюе добре нависна.
«Колы сама съ кымъ не ночуе,
«То для когось уже швашкуе,
«Для сього тяжко поспишна.

«Та врагъ беры васъ, що хотите,
«Про мене те соби робить;
«Мене на лидъ не посадите,
«Пожаръ лышь тилько пагасить;
«Завередуйте по своему
«И будьте ласкавы, моему
«Зробите лыхови кинець.
«Пустить лышь зъ неба веремію
«И покажите чудасію,
«А я вамъ пиднесу ралець.»

Тутъ тилько що перемолывся
Эней и ротъ свій затульивъ;
Якъ-ось изъ неба дощъ польився,
Въ годину весь пожаръ зальивъ.
Бурхнуло зъ неба мовъ изъ бочки,
Що промочыло до сорочки;
То драла вrostычь вси дамы.
Троянцы стали вси якъ хлюща;
Имъ лучылася невсыпуца;
Не рады и дощу булы.

Не знавъ же на яку ступыты
Эней, и тяжко горювавъ,
Чи тутъ остатись, чи поплыты?
Бо врагъ не вси човны забравъ;
И мытью кынувсь до громады
Просыть соби у ней порады;
Чого собою не вбагне.
Тутъ довго тяжко раховалы,
И скільки не коверзовалы,
Та все було, що не оне.

Одынъ зъ Троянскои громады
Насупывшыся все мовчавъ,
И дослухавшысь до порады,
Ципкомъ все землю колупавъ.
Се бувъ пройдысвить и непевный
И всимъ видьмамъ бувъ родычъ кривный,
Упырь и знахуръ ворожитьъ.
Умивъ и трясцю одиентаты
И кровь Хрыстьянську замовляты
И добре знавъ гребли гатыть.

Бувавъ и въ Шльонському зъ воламы,
Не разъ ходывъ за силлю въ Крымъ,
Тарани торговавъ возамы,
Вси чумаки браталысь зъ нымъ.
Винъ такъ здавася и никчемный,
Та бувъ розумный, якъ пысьменный,
Слова такъ сыпавъ, якъ горохъ.
Уже въ чимъ, бачъ, пораховаты,
Що розказать, — йому вже даты;
Ни въ чимъ не бувъ страхополохъ.

Невтесомъ вси його дражнылы,
По нашому жъ то звавсь Охримъ;
Мини такъ люды говорылы —
Самомужъ не знакомый винъ.
Побачывъ, що Эней гнивывся,
До його заразъ идмостывся,
За билу рученьку и взявъ
И вывившы Энея въ сины,
Самъ поклонывся, ажъ въ колыны,
Таку Энею ричь сказавъ:

«Чого ты сыльно зажурывся
«И такъ надувся, якъ индыкъ?
«Зо всимъ охлявъ и занудывся,
«Мовъ по болотови кулькъ?
«Чимъ билшь журытыся— все гирше
«Заплутаешся въ лиси билше,
«Покынь лышь горе и заплюй.
«Пиды, вкладься гарно спаты,
«А послы будешъ и гадаты,
«Спочынь, та вже тогда мыркуй.»

Послухавшы Эней Охрима,
Укрывшысь на полу лигъ спать;
Но лупавъ тилько все очыма,
Не мигъ ни крыхты задримать.
На вси бокры перевертався,
До люльки разивъ тры прыймався;
Знемигсяжъ, мовъ и задримавъ:
Якъ ось Анхызъ йому прыснывся,
Изъ пекла батечко явывся
И сынови таке сказавъ:

«Прокынься, мылее дытятко!
«Пробуркайся и проходишь.
«Се твій прыйшовъ до тебе батько,
«То не сполохайсь, не жахнысь.
«Мене богы къ тоби послали
«И такъ сказаты прыказали,
«Щобъ ты ни трохы не журывсь,
«Пошлють тоби щастыву долю,
«Щобъ учынивъ ты божу волю
«И швидче въ Рымъ переселивсь.

«Зберы вси човны, що осталысь
«И гарно заразь ихъ оправъ,
«Прыдержъ своихъ, щобъ не выпывалысь
«И сю Сыщылю оставъ.
«Пльвы и не журысь небоже!
«Уже тоби скрызъ буде гоже.
«Та ще послухай щось скажу:
«Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,
«Бо дило есть мини до тебе,
«Я все тоби тамъ покажу.

«И по Олимпьскому закону,
«Уже ты пекла не мынешь;
«Бо треба кланятись Плутону,
«А то и въ Рымъ не доплывешъ.
«Якусь тоби винъ казань скаже;
«Дорогу добру въ Рымъ покаже,
«Побачышь якъ жыву и я.
«А за дорогу не турбуйся,
«До пекла напростецъ прямуйся
«Пишкомъ, — не треба и коня.

«Прощай же сызый голубочокъ!
«Бо вже стае на двори свить;
«Прощай дытя! — прощай сыночокъ!...»
И въ землю провальвся дидъ.
Эней съ проссоня якъ схопывся,
Дрыжавъ одъ страху и трусывся,
Холодный лывся зъ його пить;
И всихъ Троянцевъ посклыкавши,
И лагодытись приказавшы,
Щобъ завтра поплысты, якъ свить.

Къ Ацесту заразъ самъ махнувши,
За хлибъ подяковавъ, за силь;
И тамъ не довго щось побувши,
Вернувся до своихъ видтиль.
Ввесь день збиральсь, та вкладальсь
И свита тилько що дождалсь,
То посадалы на човны.
Эней же йихавъ щось не смилло,
Бо море дуже надойило,
Якъ чумакамъ дощъ въ осены.

Венера тилько що уздрила,
Що вже Троянцы на човнахъ,
Къ Нептуну на поклонъ побигла,
Щобъ не втопывъ ихъ у волнахъ.
Пойихала въ своимъ ридвани,
Мовъ Сотника якого пани,
Баскымы конямы, якъ звирь.
И съ киннымы проводныкамы
Съ трьома на зади козакамы,
А кони правывъ машталирь.

Була на йому била свята
Изъ шаповальского сукна,
Тясомкою кругомъ обшита,
Симъ кипъ стоялася вона,
Набакыръ шапочка стримила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгий бувъ батигъ;
Имъ гримко ляскавъ винъ изъ лыха,
Скакалы кони безъ отдыха;
Ридванъ мовъ вихоръ въ поли бигъ.

Прыйихала, загримотила,
Кобыляча мовъ голова;
Къ Нептуну въ хату и влетила
Такъ, якъ изъ вырію сова;
И не сказавшы ни пив-слова,
Нехай, каже, твоя здорова
Бува Нептуне, голова!
Якъ навигенна прыскакала,
Нептуна въ губы цилувала,
Говорячы таки слова:

«Колы Нептунъ мини ты дядько,
«А я племиньця тоби,
«Та тыжъ мини хрещеный батько,
«Спасы-би заробы соби.
«Моему поможы Энею,
«Щобъ винъ зъ ватагою своею
«Щастливо йиздывъ по води,
«Уже и такъ пополякалы,
«Насылу бабы одшепталы,
«Попався въ зубы бувъ биди.»

Нептунъ моргнувши засміявся;
Венеру сесты попросивъ
И писля неи облизався,
Сывухы чарочку наливъ;
И такъ ъи почаствовавши,
Чого просыла, обіцавши,
И заразъ зъ нею попрощавсь.
Повіявъ витръ зъ руки Энею,
Простывсь сердешненькій зъ землею,
Якъ стрілочка по морю мчавсь.

Поромцыкъ ихъ що найглавнійшій,
Зъ Энеемъ йиздывъ всякій разъ,
Йому слуга бувъ найвирнійшій —
По нашому винъ звавсь Тарасъ.
Сей сьдя на корми хытався,
По саме нильзя нахлыстався
Горилочки, колы прощавсь.
Эней веливъ його прыняты,
Щобъ не пустывсь на дно нырятьы,
И въ лучшимъ мисти бы проспавсь.

Но выдно що пану Тарасу
Напысано такъ на роду,
Щобъ тилько до сього винъ часу
Терпивъ на свити симъ биду.
Бо розхытавшысь, брызнувъ въ воду,
Нырнувъ — и не спытавшы броду,
Навырынкы пишла душа.
Эней хотивъ, щобъ окошылась
Бида и билшъ не продолжылась,
Щобъ не пропалы вси съ коша.
КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ III.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Цензоръ Никитенко.

Эней сподарь посумовавши,
Насылу трохы вгамовавсь;
Поплакавши и порыдавшы,
Сывушкою почастовавсь;
Но все такы його мутьмо
И коло серденька крутьмо,
Небижчыкъ часто щось вздыхавь;
Винь моря такъ уже боявсь,
Що на богивъ не полагавсь
И батькови не довиравь.

А витры съ заду все трубылы
Въ потыльцю його човнамъ,
Що мчалыся зо всеи сылы
По чорнымъ пинявымъ водамъ.
Гребци и весла положылы,
Та сядя люлечкы курылы
И кургыкалы писеньокъ:
Козацькыхъ, гарныхъ запорожськыхъ,
А яки зналы, то Московськыхъ
Выгадовалы бриденьокъ.

Про *Сагайдачного* спивалы,
Лыбонь спивалы и про *Сичь*,
Якъ въ пикинеры набиралы,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничь;
Полтавську славылы Шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора провадыла въ походъ;
Якъ пидъ Бендерью воювалы,
Безъ галушокъ якъ помералы,
Кольсь якъ бувъ голодный годъ.

Не такъ то діється все хутко,
Якъ швидко кажуть намъ казокъ,
Эней нашъ пливъ хотъ дуже прудко,
Та вжежъ винъ плававъ не деньокъ;
Довгенько по морю щось шлялысь,
И самы о свити не зналысь;
Не знавъ Троянець ни одынь:
Куды, про що и якъ швендюють,
Куды се такъ вони мандрують,
Куды ихъ мчыть Анхызивъ сынъ.

Отъ-такъ поплававши не мало
И поблудывши по морямъ,
Якъ-ось и землю выдно стало,
Побачылы кинець бидамъ!
До берега якъ разъ прыстали,
На землю съ човнивъ повставалы,
И стали тута отдыхать.
Ся Кумською земелька звалась,
Вона Троянцямъ сподобалась,
Далось и йй Троянцивъ знать.

Розгардіяшъ наставъ Троицьцямъ,
Опять забулы горювать;
Бувае щастья скризь поганьцямъ,
А добрый мусить пропадать.
И тутъ воны не шанувались,
А заразъ вси и потаскались,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилкы,
Якому молодьци, — дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать.

Булы бурлакы си моторни,
Тутъ познакомылись той часъ,
Съ дівола швыдкы, проворни,
Пидпустятъ Москаля якъ разъ.
Зо всимы мытью побратались,
Посватались и покумались,
Мовъ зъ роду тутечка жылы;
Хто мавъ къ чому яку кибету,
Такого той шукавъ бенькету,
Вси веремію пиднялы.

Де досвіткы, де вечерньци,
Або весилля де було,
Дивчата де и молодьци,
Кому родыны надало,
То тутъ Троянцы и вродылись;
И лышь гляды, то й заходьмысь
Коло жинокъ тамъ ворожитьъ,
И чоловикивъ пидпоившы,
Жинокъ куды хто знавъ повившы,
Давай по чарци зъ ными пыть.

Якижъ булы до картъ охочи,
То не сидилы дурно тутъ;
Гулялы часто до пивночи
Въ ниска, въ пары, у лавы, въ жгутъ,
У памфыля, въ визка и въ кепя,
Комужъ изъ нихъ була дотепа,
То въ гроши гралы въ симъ лыстивъ.
Тутъ вси по воли забавлялись,
Пылы, игралы, женихались,
Ни хто безъ дила не сидивъ.

Эней оди́нь не веселывся,
Йому немыло все було;
Йому Плуто́нь, та батько снывся
И пекло въ голову ввійшло.
Оставывшы своихъ гуляты,
Пишовъ скризь по полямъ шукаты,
Щобъ хто дорогу показавъ:
Куды до пекла мандроваты,
Щобъ розизнаты, роспытаты;
Бо въ пекло стежки винь не знавь.

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудривъ
Въ три ряды капавъ пить на нись,
Якъ-ось забачывъ щось и уздривъ,
Густый пройшовшы дуже лись.
На нижци курячий стояла
То хатка дуже обветшала
И вся вертилася кругомъ;
Винь до тїи прыйшовшы хаты,
Хазяина ставъ выклькаты,
Прыщурывшыся пидъ викномъ.

Эней стоявъ и дожыдався,
Щобъ выйшовъ съ хаты хто нибудь,
У двери стукавъ, добувався,
Хотивъ бувъ хатку зъ нижкы спхнутъ.
Якъ выйшла бабыще старая,
Крива, горбатая, сухая,
Записнявила вся въ шрамахъ;
Сида, ряба, беззуба, коса,
Росхристана, простоволоса
И якъ въ намысти, вся въ жовнахъ.

Эней таку уздрившы цяцю,
Не знавь изъ ляку де стоявъ;
И думавъ, що свою всю працю,
На вики тута потерявъ.
Якъ ось до його пидступыла
Яга ся и заговорила,
Роззявившы свои уста:
«Гай, гайже слыхомъ послыхаты,
«Анхызенка у вичь выдаты,
«А якъ забривъ ты въ си миста?»

«Давно тебе я дожыдаю,
«И думала, що вже пропавъ;
«Я все дывлюсь та вызыраю,
«Ажъ-ось колы ты прычвалавъ.
«Мини вже розказали зъ неба,
«Чого тобі пылненько треба, —
«Отець твій бувъ у мене тутъ.
Эней сьому подывовався,
И бабы сучой спытався:
Якъ видьму злую сю зовуть?

«Я Кумская зовусь Сывылла,
«Ясного Феба попадя,
«Пры його храми посидила,
«Давно жыву на свити я!
«Пры Шведчыни я дивовала,
«А Татарва якъ набигала,
«То вже я замужемъ була;
«И першу сарану зазнаю;
«Кольжъ бувъ трусъ, якъ изгадаю,
«То вся здрыгнушь, мовъ бы мала.

«На свити вслчыну я знаю,
«Хоть ни куды и не хожу,
«И людамъ въ нужди помагаю:
«И имъ на звиздахъ ворожу;
«Кому чи трясцю одигнаты,
«Одъ заушныць чи пошептаты,
«Або и волосъ изигнать;
«Шепчу — урокы проганяю,
«Переполохы выльваю,
«Гадюкъ умію замовлять.

«Теперь ходимо лышь въ капльцю,
«Тамъ Фебови ты поклонись,
«И обищай йому тельцю,
«А посли гарно помолысь.
«Не пожалій лышь золотого,
«Для Феба свитлого — ясного,
«Та и мини що перекрынь;
«То мы тоби такы щось скажемъ,
«А може въ пекло шляхъ покажемъ,
«Иды, утрысь и билшь не слынь.»

Прыйшлы въ капельцю передъ Феба,
Эней поклоны быты ставъ,
Щобъ изъ блакытнаго Фебъ неба,
Йому всю ласку показавъ.
Сывыллу тутъ замордовало
И очи на лобъ позганяло,
И дыбомъ волосъ ставъ сидый;
Клубкомъ изъ рота пина былась;
Самажъ вся корчылась, кривылась,
Мовъ духъ вселывся въ неи злый.

Тряслась, кректала, побывалась,
Якъ бубенъ сыня стала вся;
Упавшы на землю качалась,
У барлози мовъ порося.
И чимъ Эней мольвися билше,
То все було Сывылми гирше;
А послѣ якъ перемольвись,
Съ Сывыллы тилько пить котывся;
Эней же на неи дывывся,
Дрыжавъ одъ страху и трусывсь.

Сывылма трохы очуняла,
Отерла пину на губахъ;
И до Энея проворчала
Прыказъ одъ Феба, въ сыхъ словахъ:
«Така богивъ Олыпськихъ рада,
«Що ты, и вся твоя громада
«Не будете по смерть въ Рыму;
«Но що тебе тамъ будуть знаты,
«Твое имення выхваляты; —
«Но ты не радуйся сьому.

«Ище ты выпьешъ добру повну,
«По всихъ усюдахъ будешъ ты;
«И долю гирьку, невгомону,
«Готовсь свою не разъ клясты,
«Юнона ще не вдовольнялась,
«Би злоба щобъ окошылась,
«Хотябъ на правнукахъ твоихъ;
«Но послѣ будешъ жыть по паньски,
«И люды вси твои Трояньски,
«Забудуть всихъ сыхъ бидъ своихъ.»

Эней похнюпывсь, дослухався,
Сывылла що йому верзла,
Стоявъ, за голову узявся,
Не по йому ся ричь була.
«Трохы мене ты не морочышь,
«Не росчовпу, що ты пророчышь.»
Эней Сывылли говорывъ:
«Діяволь знае хто зъ вась бреше,
«Трохыбъ мини було не легше,
«Якъ бы я Феба не просывъ.

«Та вже що буде, те и буде,
«А буде те, що Богъ намъ дастъ;
«Не ангелы, — такійжъ люды,
«Кольсь намъ треба всимъ пропасть.
«До мене будь лышь ты ласкава,
«Услужлива и не лукава,
«Мене до батька поведы;
«Я проходывсябъ рады скукы
«Побачыты пекельни мукы,
«А ну, на звизды погляды.

«Не першый я, та й не послідній,
«Иду до пекла на поклонъ,
«Орфей якый уже негідный,
«Та щожъ йому зробывъ Плутонъ;
«А Геркулесь якъ увальывся,
«То такъ у пекли росходывся,
«Що всихъ чортякъ порозганявъ.
«А ну! черкнимъ — а для охоты,
«Тоби я дамъ на дви охвоты...
«Та нужъ! скажы, щобъ я вже знавъ.»

«Огнемъ, якъ бачу, ты играешъ,
Йому дала Яга одвить:
«Ты пекла, бачу, ще не знаешъ,
«Не мыль тоби уже десь свить?
«Не люблять въ пекли жартоваты,
«По вить тоби дадутся знаты,
«Оттилько нись туды посунъ;
«Тоби тамъ буде не дочмыгы,
«Якъ пиднесуть и зъ оцтомъ фыгы,
«То заразъ вхопыть тебе лунь. 7

«Кольжъ сю маенгъ ты охоту
«У батька въ пекли побувать,
«Мини дай заразъ за роботу,
«То я прыймуся мусовать,
«Якъ намъ до пекла довальгысь,
«И тамъ на мертвыхъ подывыгысь;
«Ты знаешъ, — дурень не бере:
«У насъ хотъ трохы хто тямущій,
«Умис жыть по правди сущій,
«То той, хотъ зъ батька, то здере.

«Покымъ же що, то ты послухай
«Того, що я тобі скажу,
«И головы соби не чухай....
«Я въ пекло стежку покажу:
«Въ лису велькому, густому,
«Непроходьмому, пустому,
«Якеесь дерево росте;
«На нимъ кысльци не простыи
«Ростуть, якъ жаръ, вси золотыи,
«И деревце те не товсте.

«Изъ дерева сього зломыты
«Ты мусишъ гильку хотъ одну;
«Безъ нен бо ни пидступыты
«Не можна передъ сатану;
«Безъ гильки и назадъ не будышъ,
«И душу съ тиломъ ты погубышъ,
«Плутонъ тебе закабалытъ.
«Идыжъ, та пыльно прыглядайся,
«На вси чотыри озырайся,
«Де деревце те заблещытъ.

«Зломывшы жъ заразъ убирайся,
«Якъ мога швыдче утикай;
«Не становысь, не оглядайся,
«И уха чимъ позатыкай;
«Хотъ будутъ голоса крычаты,
«Щобъ ты оглянувся, прохаты,
«Гляды не озырайсь, бижы.
«Воны щобъ тилько погубыты,
«То будутъ все тебе маныты;
«Оттуть себе ты покажы »

Яга, тутъ чортъ зна, де дивалась,
Эней остався тилько самъ,
Йому все яблуня здавалась,
Покою не було очамъ,
Шукать ъи Эней попхався,
Втомывсь, засапавсь, спотыкався,
Покы прыйшовъ пидъ темный лисъ;
Коловсь сердешный обь терныну,
Пощарпався весь обь шепшыну,
Було таке, що рачкы лизь.

Сей лисъ густый бувъ несказанно
И сумно все въ йому було;
Щось выло тамъ безперестанно
И страшнымъ голосомъ ревла;
Эней молитву прочьтавши
И шапку цупко пидв'язавшы,
Въ лисную гущу и пишовъ;
Ишовъ и утомывсь чимало,
И на двори тогди смеркало,
А яблуня ще не знайшовъ.

Уже винъ начынавъ боятысь,
На вси чотыри озыравсь;
Трусывсь, та никуды диватысь,
Далеко тяжко въ лисъ забравсь;
А гирше ще його злякало
Якъ щось у очахъ засяло,
Отъ-туть-то берега пустывсь;
А послы дуже удывывся,
Якъ пидъ кыслыцей опенывся —
За гильку заразь ухватывсь.

И не подумавшы ни мало
Напьявсь, за гилечку смыкнувъ,
Ажъ дерево те затрицало
И заразь гильку одчакнувъ.
И давъ чимъ дужъ изъ лису драла,
Що ажъ земля пидъ нымъ дрыжала,
Бигъ такъ, що самъ себе не чувъ;
Бигъ швыдко, не останавлився,
Увесь обь колючкы подрався,
Якъ чортъ у репьяхяхъ весь бувъ.

Прыбигъ къ Троянцямъ утомився
И отдыхаты простягнувсь;
Якъ хлюща по́томъ весь облився,
Трохы, трохы не захлебнувсь.
Звеливъ съ бычни воливъ прыгнаты,
Цапивъ зъ вивцями прыпасаты,
Плутону въ жертву прынести,
И всимъ богамъ, що пекломъ правлять,
И гришныхъ тормошати и давять,
Щобъ гниву имъ не навесты.

Якъ тилько темна, та пахмурна
Изъ неба зслызла чорна ничь;
Годынажъ стала балагурна,
Якъ звизды повтикалы причь;
Троянцы вси заворушымысь,
Завешталысь, закамешымысь
На жертву прыгонять быкивъ;
Дякы съ попамы позбиралысь,
Зо всимъ служыты вси прыбралысь,
Огонь розкладеный горивъ.

Пипъ заразь взявъ вола за рогы,
И въ лобъ обухомъ зацидывъ,
И взявши голову мижъ ноги,
Нижъ въ черево и засадывъ;
И вынявъ тельбухы съ кышкамы,
Росклавъ гарненько ихъ рядамы,
И пыльно кендюхъ розглядавъ;
Энею послы божу волю
И всимъ Троянцямъ добру долю,
Мовъ по звиздамъ все вищовавъ.

Якъ тутъ зъ скотыною возымысь
И харамаркалы дякы,
Якъ вивци и цапы дрычымысь,
Въ ризныцяхъ, мовъ, ревы быкы;
Сывылла тутъ де не взялася,
Запинелася и тряслася
И галасъ заразь пидняла:
«Къ чортамъ вы швыдче вси изгыньте,
«Мене зъ Энеемъ тутъ покыньте,
«Не ждите, щобъ трышя дала.

«А ты! мовляла ко Энею,
«Моторный, смилый молодець,
«Прощайся зъ юрбою своею,
«Ходимъ льшь въ пекло — тамъ отецъ
«Нась твій давно вже дожыдае,
«И може безъ тебе скучае —
«А ну, пора чемчыковать.
«Возьмы на плечи съ хлибомъ клунокъ;
«Нехай йому лыхый прасунокъ,
«Якъ голодомъ намъ померать.

«Не йды въ дорогу безъ запасу,
«Бо хвистъ одъ голоду надмешъ;
«И де-где ынчого ты часу,
«И крыхты хлиба не найдешъ;
«Я въ пекло стежку протоптала,
«Я тамъ не разъ, не два бувала,
«Я знаю тамошній народъ;
«Дорожки вси, вси уголочки,
«Вси закоморочки, куточки
«Уже не первый знаю годъ.»

Эней въ сю путь, якъ разъ зибрався,
Шкапови чоботы набувъ,
Пидтыкався, пидперезався,
И поясъ цупко пидтягнувъ;
А въ руки добру взявъ дрючыну
Обороняты злу лычыну,
Якъ лучытся де одъ собакъ.
А послы за руки взялыся,
Прямцемъ до пекла поплелься,
Пишлы на прощу до чортякъ.

Теперь же думаю, гадаю,
Трохы не годи и пысать;
Изъ роду пекла я не знаю,
Не здатный, дале-би, брехать;
Хиба чытатели пождите,
Вгамуйтесь трохы, не галите,
Пиду я до людей старыхъ;
Щобъ ихъ о пекли роспытаты
И попрошу ихъ розказаты,
Що чулы одъ дидивъ своихъ.

Выргымій же нехай царствуе,
Розумненькій бувъ чоловікъ,
Нехай не вадить, якъ не чуе,
Та въ давній дуже жывъ винъ викъ.
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старыну колысь бувало
И якъ покійныкъ напысавъ;
Я може що нибудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю,
Пысну — якъ одъ старыхъ чувавъ.

Эней съ Сывыллою хваталысь,
До пекла швидче щобъ прыйти,
И дуже пыльно прыглядалысь,
До пекла двери якъ найты.
Якъ-ось передъ якуюсь гору
Прышли, и въ ній вельку нору
Знайшлы и вскочылы туды.
Пишлы пидъ землю темнотою,
Эней все щупався рукою,
Щобъ не ввалытыся куды.

Ся улыця вела у пекло,
Була вонюча и грязна;
У ній и въ день було мовъ смеркло,
Одъ дыму вся була чадна;
Жыла съ сестрою тутъ дримота,
Сестра же звалася зивота,
Поклонъ си перши оддалы
Тимаси нашому Энею
Зъ його старою попадаю —
И послы дали повелы.

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ воздала косою честь,
Напередъ стоя калавуру,
Якый у ѣи мосци есть:
Чума, война, харцьизство, холодъ,
Короста, трясця, парши, голодъ;
За сымѣжъ тутъ стоялы въ рядъ:
Холера, шолуди, бешыха,
И вси мырянъски, знаешъ, лыха,
Що насъ безъ мылосты морять.

Ище жъ не все тутъ окошлось,
Ище брела ватага лыхъ:
За смертію слидомъ валылось
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ.
Видчымы йшлы, тести скупьягы,
Зяти и своякы мотягы,
Сердыти шурыны, браты,
Зовьщи, невесткы, ятровкы—
Що все грызутся безъ умовкы—
И всяки тутъ булы каты.

Якісь злыдни ще стоялы,
Жовалы все въ зубахъ папиръ,
Въ рукахъ каламари держалы,
За уха настромлялы пиръ.
Се все десятьски, та соцькіе,
Началныкы, пъявки людскіе
И вси прокляти пысари,
Исправныкы все ваканцьови,
Судьи и стряпчи безтолкови,
Повиренни, секретари.

За сымы йшлы святи понуры,
Що не дывымысь и на свить,
Смырренои булы натуры,
Складалы руки на жывить;
Умыльно Богу все моымысь,
На тыждень дни по тры постымысь
И въ слухъ не лаялы людей;
На чоткахъ мыръ пересуждалы
И въ день николы не гулялы,
Въ ночи жъ було не безъ гостей.

На супротывъ сыхъ окаянныць,
Кварталъ бувъ цилый волоцогъ,
Моргухъ, мандрьохъ, ярыжныць, пъяныць
И бахуривъ на цилый плугъ;
Зъ обстрыженными головами,
Зъ пидризанными пеленами,
Стоялы хльоркы наголо.
И панночокъ филтифкетныхъ,
Лакеивъ гарныхъ и дотепныхъ
Багацько дуже щось було.

И молодьци молоденьки,
Що вийшли замужъ за старыхъ,
Що всякій часъ були раденьки
Потишить парнивъ молодыхъ;
И ти тутъ молодци стоялы,
Що не дотепнымъ помагали
Для нихъ симейку расплодить;
А диты гуртови крычали,
Своихъ пань-матокъ проклиналы,
Що не дали на свити жыть.

Эней хотъ сыльно тутъ дывывся
Такій великій новыни,
Та вже одъ страху такъ трусывся,
Мовъ сыдя охляпъ на кони.
Побачывшыжъ ище издали,
Яки тамъ дыва плазовалы,
Кругомъ куды ни поглядьшь,
Злякавсь, къ Сывылли прыхыльвсь,
Хватавсь за дергу и тульвсь,
Мовъ одъ ката въ комори мышъ.

Сывылла въ дальшій путь таскала,
Не баскамычывсь бы та йшовъ;
И такъ швыденько поспишала,
Эней не чувъ ажъ подошовъ,
Хватаючыся за ягою;
Якъ-ось уздрилы предъ собою
Чрезъ ричку въ пекло перевизъ:
Ся ричка Стыксымъ называлась,
Сюды ватага душъ збир ась,
Щобъ хто на той бикъ перевизъ.

И перевизчыкъ тутъ явывся,
Якъ цыганъ смуглой церы бувъ,
Одъ сонця весь винъ попалывся,
И губы якъ Арапъ отдувъ;
Очыща въ лобъ позападамы,
Сметаною позапльвалы,
А голова вся въ ковтунахъ;
Изъ рота слына все котылась,
Якъ повстка борода скомшылась,
Всимъ задававъ собою страхъ.

Сорочка звязана узламы
Держалась въ сыму на плечахъ,
Попрычепляна мотузками,
Якъ решето була въ диркахъ;
Замазана була напалець,
Засалена, ажъ капавъ смалець,
Обутий въ драни постолы;
Изъ диръ онучи волочылысь,
Зо всимъ, хотъ выжмы, помочылысь,
Пошарпани штаны булы.

За поясъ лыко одвичало,
На йому высивъ гаманецъ;
Тютюнъ и люлька и кресало,
Лежалы губка, креминецъ.
Харономъ перевизчыкъ звався,
Собою дуже вельчався,
Бо и не въ шутку бувъ божокъ:
Съ крючкомъ веселцемъ погрибався,
По стыксови якъ стрилка мчався,
Бувъ човень легкій якъ пушокъ.

На ярмарку якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товплятся мыряне,
Було на сьому такъ лугу.
Душа товкала душу въ боки
И скрыготалы мовъ сорокы;
Той пхавсь, той сунувсь, ынчий лизъ;
Вси мялыся, перебиралысь,
Крычалы, споры и рвалысь
И всякъ хотивъ, його щобъ визъ.

Якъ гуща въ сиривци играе,
Шыплять якъ кваснуть бурякы,
Якъ противъ сонця рій гуляе,
Гулы си такъ неборакы,
Харона плачучы прохалы,
До його руки простягалы,
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ;
Но сей того плачу байдуже,
На прозьбы уважавъ не дуже;
Злый съ сына бувъ старый дундукъ.
8

И знай що все весломъ махае
И въ морду тыче хочъ кому,
Одъ каюка всихъ одганяе,
А по выбору своему
По трошечку въ човенъ сажае,
И заразъ човенъ одпыхае,
На другій перевозыть бикъ;
Кого не визьме, якъ затнется,
Тому сидиты доведется,
Гляды — и цилый може вить.

Эней въ кагаль сей якъ убрався,
Щобъ зблыжытыся къ порому;
То съ Палинуромъ повстричався,
Штурмановавъ що пры йому.
Туть Палинуръ предъ нымъ заплакавъ,
Про долю злу свою балакавъ,
Що черезъ ричку не везуть:
Но баба заразъ розлучыла,
Энею въ батька загвоздыла,
Щобъ довго не базикавъ туть.

Попхалысь къ берегу поблыжче,
Прыйшлы на самый перевизъ,
Де засмальцованый дидыще
Вередовавъ якъ въ гребли бисъ;
Крычавъ, буцимъ-то навьженный
И кобенывъ народъ хрещеный,
Якъ водытся въ шынькахъ у насъ;
Доста чось родычамъ сердешнымъ,
Не дуже маявъ словомъ гречнымъ,
Нехай же зносять въ добрый часъ.

Харонъ такихъ гостей уздрившы,
Оскилкамы на ихъ дывывсь,
Якъ быкъ скаженный заревившы,
Запинывсь дуже и озлывсь:
«Видкиль такіи се мандрьохы,
«И такъ уже васъ туть не трохы,
«Якого чорта вы прыйшлы?
«Васъ треба хаты холодыты!
«Васъ треба такъ опроводыты,
«Щобъ вы и мисця не найшлы.

«Геть, пречь, вбирайтесь видсиль кь чорту,
«Я вамъ потымышныка дамъ;
«Побью всю пыку, зубы, морду,
«Ажъ не пизна васъ дидко самъ;
«И йонъ же якъ захрабровалы,
«Жыви сюды примандровалы,
«Бачъ гыряви чого хотять!
«Не дуже я на васъ покваплюсь,
«Туть зь мертвымы ось не управлюсь,
«Що такъ надъ шыєю стоять.

Сывылла бачыть, що не шутка,
Бо дуже сердытця Харонъ;
Эней же бувъ соби плохутка;
Дала старыганю поклонъ:
«Та ну, на насъ лышъ прыдывыся,
Сказала:» дуже не гнивыся,
«Не самы мы прыйшлы сюды;
«Хиба жь мене ты не пизнаешъ,
«Що такъ крычышъ, на насъ гукаешъ —
«Оце не выдани биды!

«Ось глянься, що оце такее!
«Утыхомырся, не бурчы;
«Ось деревце, бачъ, золотее,
«Теперь же, колы хочъ, мовчы.»
Потимъ все дрибно розказала,
Кого до пекла провожала,
До кого, якъ, про що, за чимъ.
Харонъ же заразь схаменувся,
Разивъ съ чотыри погребнувся
И съ каючкомъ прычалывъ кь нимъ.

Эней съ Сывыллою своею
Не мишкавшы въ човенъ ввійшлы;
Кальною ричкою сією
На той бикъ въ пекло поплылы;
Вода въ расколыны лылася,
Що ажъ Сывылла пиднялася,
Эней боявсь, щобъ не втонуть;
Но панъ Харонъ нашъ потрудывся,
На той бикъ такъ перехопывся,
Що нильзя окомъ измыгнуть.

Прыставшы, высадывъ на землю;
Взявъ пивъ-алтына за труды,
За працьовыту свою греблю,
И що сказавъ иты куды.
Пройшовшы видсиль гонивъ зъ двое,
Побравшысь за руки обоє,
Побачылы, що ось лежавъ
У бурьяни бровко муругый,
Тры головы мавъ песь сей мурый,
Винъ на Энея загарчавъ.

Загавкавъ гризно въ тры языки,
Уже бувъ кынувсь и кусать,
Эней пиднявъ тутъ крыкъ велькый,
Хотивъ чимъ-дужъ назадъ втикать.
Ажъ баба хлибъ бровку шпурнула
И горло глевтякомъ заткнула,
То винъ за кормомъ и погнавсь;
Эней же зъ бабою старою,
То сякъ, то такъ, по пидъ рукою
Тыхенько одъ бровка убравсь.

Теперь Эней убрався въ пекло,
Прыйшовъ зо всимъ на ынчій свить;
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема, ни мисяця, ни звиздъ,
Тамъ тилько туманы вельки,
Тамъ чутни жалобные крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала,
Эней съ Сывымою глядили
Якы муки тутъ терпины,
Якая кара всимъ була.

Смола тамъ въ пекли клетотила
И грилася все въ казанахъ,
Жывыця, сирка, нефть кипила;
Палавъ огонь, велькый страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сидили
И на огни пеклысь, горилы,
Хто якъ, за вицо заслуживъ.
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставылы ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очереть косылы,
Носылы въ пекло на пидпаль.
Чорты за нымы прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы,
Колы якый зъ ныхъ прыстававъ.

Огненнымъ пруттямъ отдыралы
Кругомъ на спыну и живить,
Себе що самы убывалы,
Якымъ остывъ нашъ билый свить.
Гарячимъ дьогтемъ заливалы,
Ножамы пидъ боки штрыкалы,
Щобъ не хапалысь умерать.
Робылы розныи имъ муки,
Товклы у мужчыряхъ ихъ руки,
Не важмысь щобъ убывать.

Багатымъ, та скупымъ вливалы
Ростопленнее срибло въ ротъ,
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать горячыхъ сковородъ;
Яки жъ изъ роду не женылысь,
Та по чужымъ куткамъ живылысь,
Таки повишани на крюкъ,
Зачъ тлени за тее тило,
На свити що гришыло смило,
И не боялося сыхъ мукъ.

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,
Всимъ по заслужи, якъ котамъ.
Тутъ всякые булы цехмыстры
И ратманы и бургомыстры,
Судьи, пидсудкы, пысари;
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И одбиралы хабари.

И вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудровать;
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не ганялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь зъ попадамы,
Та зналы церковъ щобъ одну;
Ксьондзы до бабъ щобъ не иржалы,
А мудри звиздъ щобъ не знималы —
Булы въ огни на самимъ дну.

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ дали,
По весилляхъ ихъ отпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де колы скакалы,
Таки сидилы вси въ шапкахъ
И съ превелькымы рогамы,
Съ зажмуренными вси очамы,
Въ кыпячыхъ сиркой казанахъ.

Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ,
И тилько знай, що ихъ хвалылы,
Кипилы въ нефти въ казанахъ;
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ нинащо,
А послы чубылы батькивъ,
И гю сымою бажалы,
Батькы щобъ швидче умералы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ.

И ти булы тамъ лыгомьинци,
Пиддурювалы що дивокъ,
Що въ викна дрались по драбынцы,
Пидъ темный тихий вечерокъ;
Що будутъ сватать ихъ брехалы,
Пидманновалы, улещалы,
Покы добралысь до кинця;
Покы дивкы одъ перечосу
До самого товстилы носу,
Що соромъ послы до винця.

Булы тамъ купчыкы проворни,
Що йиздылы по ярмаркамъ,
И на аршынецъ на пидборный,
Поганый продавалы крамъ.
Тутъ всякіе булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды, миняйлы, шынькари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ боклагахъ гарячій носятъ,
Тамъ вси пеклыся крамари.

Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныкы и вси плуты;
Ярыжныкы и вси пъянюгы,
Обманцыкы и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи,
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризницькій, коновальскій,
Кушнирьскій, ткацькій, шаповальскій,
Кыпили въ пекли вси въ смоли.

Тамъ вси невірни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы,
Була тутъ шляхта и мищане
И молоди и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прямы булы и кривоноги,
Булы выдющи и слипи,
Улы и штатски и военни,
Булы и паньски и казенни,
Булы мыряне и попы.

Гай! гай! та нигде правды диты,
Брехня жъ наробытъ лыха билшь;
Сидили тамъ скучни пінты,
Пысарчукы поганыхъ виршь,
Велькіи терпили мукы,
Имъ звязани булы и руки,
Мовъ у Татаръ терпили плинъ.
Отъ-такъ и нашъ братъ попадется,
Що пыше, не остережется.
Якый же втерпытъ його хринъ.

Якусь особу мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку,
Гарячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Кривывъ душею для прыбытку,
Чужее отдававъ въ печать;
Безъ сорома, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувшы,
Чужымъ пустывся промышлять.

Эней якъ видсиль видступывся
И дали трохы одійшовъ,
То на другее нахопывся,
Жиночу муку тутъ найшовъ.
Въ другимъ зо всимъ сыхъ каравани
Пиджарьовалы якъ у бани,
Що ажъ крычалы на чимъ-свить;
Оци-то галасъ исправлялы,
Гарчалы, вылы и пышчалы,
Писля кути мовъ на жывить.

Дивкы, бабы и молодыци
Клялы себе и весь свій ридь,
Клялы вси жарты вечерньщи,
Клялы и жызнъ и билый свить;
За те имъ такъ тамъ задавалы,
Що черезъ миру мудровалы
И верховодылы надъ всимъ;
Хот чоловикъ и не онее,
Колы же жинци, бачышь, тее,
Такъ треба угодыты йй.

Булы тамъ честни пустомолкы,
Що зналы весь святой законъ,
Мольмыся безъ остановки
И былы сотъ по пять поклонъ,
Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы
И головами все хыталы;
Якъ же булы на самоти,
То мольтовныкы ховалы,
Казылысь, бигалы, скакалы
И гирше дещо въ темноти.

Булы и тіи тамъ панянки,
Що наряжались на показъ;
Мандрьохы, хльоркы и диптянки,
Що продають себе на часъ.
Си въ сирци и въ смоли кипилы,
За те, що жырно дуже йилы
И що ихъ не страшывъ и пистъ;
Що все прыкушовалы губы;
И скалымы биленьки зубы
И дуже волочымы хвистъ.

Пеклысь тутъ гарни молодьци,
Ажъ жаль було на нихъ глядить,
Чорняви, повни, мылочьци;
И си тутъ мусилы кышитъ,
Що за мужъ за старыхъ ходымы
И мышакомъ ихъ поморымы,
Щобъ послы гарно погулять,
И съ парубкамы поводитьысь,
На свити весело нажытысь
И не голоднымъ умерать.

Якісь мучылысь тамъ птахы
Съ куделямы на головахъ;
Се честныи, не потипахы,
Булы тендитни пры людяхъ;
А безъ людей? — не можна знаты
Себе чимъ малы забавляты,
Пръ те лышь зналы до дверей.
Имъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы налиплялы,
Щобъ не дурымы такъ людей.

Бо щокы терлы манією,
А блейвасомъ и нисъ и лобъ,
Щобъ краскою, хоть не своєю
Прычаровать къ соби когобъ;
Изъ рипы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты на грихъ людей;
Пиндючылы якісь бочки,
Мостылы въ пазуси платочки,
Въ которыхъ не було грудей.

За сьмы по ряду шкварчалы
Въ распаленныхъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ;
Все тилько старыну хвалымы,
А молодыхъ товкы та былы,
Не думалыжъ яки булы,
Ище якъ самы дивовалы
Та съ хлопцями якъ гарцювалы,
Та й по дetyнцi привелы.

Видьомъ же тутъ колесовалы
И всѣхъ шептухъ и ворожокъ,
Тамъ жылы зъ ныхъ чорты моталы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На прыпичкахъ щобъ не орамы,
У комены щобъ не литалы,
Не йиздылыбъ на упыряхъ;
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожылыбъ на бобахъ.

А зводнѣцямъ таке робылы,
Що цуръ йому вже и казать,
На грихъ дивокъ що пидводылы
И сымъ учылысь промышлять;
Жинокъ одъ чоловикивъ крамы
И волоцюгамъ помагалы
Рогамы людскѣй лобъ квичать;
Щобъ не своимъ не торговалы,
Тогобъ на одкупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать.

Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кыпящихъ мученыхъ въ смоли,
Якъ съ кабанивъ топылось сало,
Такъ шкварылыся си въ огни;
Булы и свитськи и черныци,
Булы дивкы и молодыци,
Булы и паньы й панночкы;
Булы въ свѣткахъ, булы въ охвотахъ
Булы въ думьетахъ и въ капотахъ,
Булы вси гришни жиночкы.

Но се були все осужденни,
Яки померлы не теперь;
Безъ судужъ не палывъ пекельный
Огонь, недавно хто умеръ;
Си вси були въ другимъ загоны,
Якъ бы лошата, або кони,
Не знали попадутъ куда;
Эней на першыхъ подывывшысь
И о бедахъ ихъ пожурывшысь,
Пишовъ въ другии ворота.

Эней ввійшовшы въ сю кошару,
Побачывъ тамъ багацько душъ,
Вмищавшыся мижъ сю отару,
Якъ мижъ гадюкы чорный ужъ.
Тутъ розни души похожалы,
Все думалы, та все гадалы,
Куда то за грихы ихъ впруть.
Чи въ рай ихъ пустятъ веселытысь,
Чи може въ пекло пошмалытысь
И за грихы имъ носа втругь.

Було имъ вильно розмовляты
Про всякii свои дила,
И думаты и мизковаты
Яка душа, де, якъ жыла;
Багатый тутъ на смерть гнивывся,
Що винъ зъ гришмы не розличывся,
Кому и килько треба дать;
Сильый же тосковавъ, нудывся,
Що винъ на свити не нажывся,
И що не вспивъ и погулять.

Сутяга толковавъ указы,
И що то значыть нашъ Статутъ;
Росказовавъ свои проказы,
На свити що робывъ сей плуть.
Мудрець же Фызыку провадывъ
И толковавъ якыхъсь монадивъ
И думавъ видкиль взався свить?
А мартоплясъ крычавъ, смiявся,
Росказовавъ и дывовався,
Якъ добре знавъ жинокъ дурить.

Судья тамъ признавався смило,
Що съ гудзыкамы за мундырь
Таке переоначывъ дило,
Що можебъ навистывъ Сибирь;
Та смерть избавыла косою,
Що катъ легенькою рукою
Плечей йому не покропывъ.
А ликаръ скризь ходывъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабительнымъ и спермацетомъ
И чванывсь, якъ людей морывъ.

Ласощохлысты похожалы,
Вси фертыкы и панычи,
На пальцяхъ ногтыкы кусалы,
Роспрындывшысь якъ павычи;
Все очи въ гору пиднималы,
По свиту нашому вздыхалы,
Що рано ихъ побрала смерть;
Що трохи славы учынылы,
Не всихъ на свити подурылы,
Не всимъ успилы морду втерть.

Моты, картъожныкы, пьянюгы,
И весь проворный честный родъ;
Лакеи, конюхы и слугы,
Вси кухари и скороходъ,
Побравшысь за руки, ходылы
И все о плутняхъ говорылы,
Яки робылы якъ жылы,
Ікъ паней и панивъ дурылы,
Якъ по шынькахъ въ ночи ходылы
И якъ съ кишень платкы тяглы.

Тамъ прыдзыгльованкы журылысь,
Що никому вже пидморгнуть,
За ными билшъ не волочылысь,
Туть ихъ заклекотила путь;
Бабы туть билшъ не ворожылы
И простодушныхъ не дурылы.
Якижъ дивокъ охочи быть,
Зубамы зъ серця скреготалы,
Що наймычкы ихъ не вважалы
И не хотилы имъ годить.

Эней уздривъ свою Дидону
Ошмалену, мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку и знявъ;
«Здорова! — глянь.... де ты взялася?
«И ты сердешна прышлелася
«Изъ Карфагены ажъ сюда?
«Якого биса ты спеклася,
«Хиба на свити нажылася?
«Чортъ мавъ тоби десь и стыда.

«Така смашная молодьця,
«И глянь! умерла залюбки....
«Румьянна, повна, билольця,
«Хто гляне, то лызне губкы;
«Теперь зъ тебе яка утиха?
«Ни хто не гляне и для смиха,
«На вискъ теперь пропала ты!
«Я, дале-би, въ тимъ не выною,
«Що такъ розъйихався съ тобою,
«Мини прыказано втекты.

«Теперь же, колы хочъ, зльгаймось
«И нумо жыть такъ, якъ жылы,
«Тутъ закуримъ, заженыхаймось,
«Не разлучаймось николы;
«Ходы, тебе я помылюю,
«Прыжму до серця — поцилую....»
Йому жъ Дидона на отризь
«казала:» къ чорту убирайся,
«На мене билшъ не женыхайся...
«Не лизь! — бо розибью и нись.»

Сказавшы, чортъ зна де пропала,
Эней не знавъ що и робыть.
Колыбъ яга не закрычала,
Що довго годи говорыть,
То можебъ тамъ и застоювся
И може той поры дождався,
Щобъ хто и ребра поличывъ:
Щобъ съ вдовамы не женыхався,
Надъ мертвымы не наглумлявся,
Жинокъ любовью не морывъ.

Эней съ Сывыллою похався
Въ пекельную подали глушъ;
Якъ на дорози повстричався
Съ громадою знакомыхъ душъ:
Тутъ вси зъ Энеемъ обнимались,
Чоломкались и цювались,
Побачывши Князька свого;
Тутъ всякъ сміався, реготався,
Эней до всихъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцивъ ось кого:

Педька, Терешка, Шелифона,
Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сизьона,
Пархома, Йиська и Феська,
Стецька, Ониська, Опанаса,
Свырыда, Лазаря, Тараса,
Булы Деньсь, Остапъ, Овсій
И вси Троянцы, що втопльысь,
Якъ на човнахъ зъ нымъ волочылысь,
Тутъ бувъ Верныгора Мусій.

Жыдивська школа завелася,
Велькій крыкъ вси пиднялы,
И реготня де не взялася,
Тутъ всяку всячыну верзлы;
Згадамы, чортъ знае, колышне,
Балакамы уже и лышне,
И самъ Эней тутъ расходывсь;
Щось балагурылы довгенько,
Хоть изійшыся и раненько,
Та панъ Эней нашъ опизнывсь.

Сывылли се не показалося,
Що такъ пахолокъ застоавсь,
Що дытятко такъ розбрехалося,
Уже и о свити незнавсь;
На його гризно закрычала,
Залаяла, запороцала,
Що ажъ Эней весь затрусывсь.
Троянцы также вси здрыгнулы
И въ ростычь, хто куды, махнулы,
Эней за бабою пустывсь.

Ишли, и якъ бы не збрехаты,
Трохы не съ пару добрыхъ гинъ,
Якъ-ось побачьлы и хаты
И весь Плутоливъ царскій димъ.
Сывьлла пальцемъ указала,
И такъ Энееви сказала:
«Отъ тутъ и панъ Плутоиъ живе
«И съ Прозерпыною своею,
«До ихъ то на поклонъ съ гиллею
«Теперь я поведу тебе.»

И тилько що прыйшли къ воротамъ,
И въ двирь пустылыся чвалать,
Якъ баба брыдка, криворота,
«Хто йде?» ихъ стала оклыкать.
Мерзене чудо се стояло
И было пидъ дворомъ въ клепало,
Якъ въ паньскихъ водытця дворахъ;
Обмотана вся ланцюгами,
Гадюкы вымыся клубками
На голови и на плечахъ.

Вона безъ всякого обману
И щыро безъ обенякивъ,
Робыла гришнымъ добру шану,
Ремнямы драма мовъ быквивъ;
Кусала, грызла, бычовала,
Крышыла, шкварыла, щыпала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчыла, пыляла,
Вертила, рвала, шпыговала
И кровь изъ тила ихъ пыла.

Эней, бидняжка, излякався,
И весь якъ крейда побиливъ,
И заразь у ягы спытався,
Хто йй такъ мучыты веливъ?
Вона йому все розказала
Такъ, якъ сама здорова знала,
Що въ пекли есть судья Эакъ;
Хоть винъ на смерть не осуждае,
Та мучыты повеливае,
И якъ звельтъ — и мучать такъ.

Ворота самы одчыньмысь,
Не смивъ ни хто ихъ задержать,
Эней съ Сывыллою пустымысь,
Щобъ Прозерпыни честь отдать;
И пиднесты йій на болячку,
Ту суто золоту гиллячку,
Що сьмыно такъ вона бажа.
Но къ ній Энея не пустымы,
Прогналы, трохы и не бымы,
Бо хырила ихъ госпожа.

А дали вперлыся въ будынкы
Пидземного сього царя,
Ни гичь, ни гариля пылынкы,
Було все чысто якъ зоря;
Цвяховани булы тамъ стины
И викна вси зъ морьскои пины;
Шумыха, оливо, свынецъ,
Блыщалы миди тамъ и крыци,
Вси убрани булы свитльци;
По правди, паньскій бувъ дворець.

Эней съ ягою розглядалы
Вси дыва тамъ, яки булы,
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пъялы;
Промижъ собою все зглядалысь,
Всьому дывымысь, осмихалысь,
Эней то цмокавъ, то свыставъ.
 гъ-туть-то души лыковалы,
Що праведно въ мыру жывалы,
Эней и сыхъ тутъ навищавъ.

Сидилы руки поскладавши,
Для ныхъ все праздныкы булы;
Люльки курымы полягавшы,
Або горилочку пылы
Не тютюнкову и не пинну,
Но третьопробну, пёрегинну,
Настояннюю на бодянь;
Пидъ челюстами запикану
И зъ ганусомъ и до калгану,
Въ ній бувъ и перець и шапранъ.

И ласоци все тилько йилы,
Сластьоны, коржыкы, стовпци,
Варенычкы пшеньшны, били,
Пухки съ кавьяромъ буханци;
Часныкъ, рогизъ, паслинъ, кыслыци,
Козельци, тернь, глidy, полуныци,
Крутыи яйця съ сиривцемъ;
И дуже вкусную яешню,
Якусь Нимецьку, не тутешню,
А запывалы все пывцемъ.

Вельике тутъ було роздоля
Тому, хто праведно живе,
Такъ, якъ вельике безголовья
Тому, хто гришну жызнь веде;
Кто мавъ къ чому яку охоту,
Тутъ утишався тымъ до поту;
Тутъ чыстый бувъ розгардіяшъ:
Лежы, спы, йижъ, пый, веселься,
Крычы, мовчы, спивай, крутыся;
Рубайсь, — такъ и дадутъ палашъ.

Ни чванылысь, ни вельчалысь,
Ни хто не знавъ тутъ мудровать,
Крый Боже! щобъ ни догадамысь
Братъ зъ брата въ чимъ покепковать;
Ни сердылыся, ни гнивылысь,
Ни лаялыся и не былысь,
А вси жылы тутъ любязно;
Ту всякій гласно женихався,
Ревнывыхъ ябедъ не боявся,
Було въ обще все за одно.

Ни холодно було, ни душно,
А саме такъ, якъ въ сирякахъ,
И весело и такъ не скучно,
На велькодныхъ якъ святкахъ;
Колы кому що захотилось,
То тутъ якъ зъ неба и вродылось; —
Отъ-такъ-то добри тутъ жылы.
Эней се зрившы дывовався,
И тутъ ягы своей спытався
Яки се праведни булы? —

«Не думай, щобъ булы чыновни,
Сывыла сей дала отвить:
«Або що грошей скрыни повни,
«Або въ якихъ товстѣй жывить,
«Не ти се, що въ цвѣтлыхъ жупанахъ,
«Въ кармазынахъ, або сапьянахъ;
«Не тижъ, що съ книгамы въ рукахъ,
«Не рыцари, не розбышаки;
«Не ти се, що крычать и пакы,
«Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ.

«Се бидни ныщи, навѣженни,
«Що дурнямы счыслялы ихъ,
«Старці, хроми, слипорожденни,
«Зъ якихъ бувъ людскій глумъ и смихъ
«Се, що съ порожнимы сумкамы
«Жылы голодни пидъ тынамы,
«Собака дражнымы по дворахъ;
«Се ти, що *бигъ дастъ* получалы,
«Се ти, якихъ выпроважалы
«Въ потымыцю и по плечахъ.

«Се вдовы бидни, беспомощни,
«Якимъ приоту не було;
«Се дивы честни, не порочни,
«Якимъ спидныци не дуло;
«Се що безъ родычивъ осталысь....
«И сыротамы называлысь,
«А послы вбгалысь и въ окладъ;
«Се що проценту не лупылы,
«Що людямъ помагать любымы,
«Хто чимъ богатъ, то тымъ и радъ.

«Туть такъ же старшына правдыва,
«Бувають всякіе паны;
«Но тилько трохи сього дыва,
«Не квапляются на се воны!
«Бувають військови, значкови,
«И сотныкы, и бунчукови,
«Яки правдыву жызнъ велы;
«Туть люде всякого завиту
«По билому есть килько свиту,
«Котори праведно жылы.»

«Скажи жь моя голубко сыза,
Ище Эней ягы спытавъ:
«Чомъ батька я свого Анхыза
«И доси въ вичи не выдавъ?
«Ни съ гришнымы, ни у Плутона,
«Хиба йому нема закона,
«Куда його щобъ засадыть?—
«Винъ божои, сказала, крови
«И по Венереній любви,
«Де схоче, буде тамъ и жыть.»

Базикавшы зійшлы на гору,
На землю силы отдыхать,
И попотившы саме въ пору,
Тутъ прынялыся розглядать,
Анхыза щобъ не прогуляты,
Обрыдло бо и такъ шукаты;
Анхызъ же бувъ тогди въ нызу
И похожавшы по долини,
Объ мыленькій свой дытыни
Водывъ по мизку коверзу.

Якъ глядь на гору не нарокомъ
И тамъ свого сынка уздривъ,
Побигъ старый не просто, — бокомъ
И весь одъ радости згоривъ
Хватавсь зъ сынкомъ поговорыты,
О всихъ спытатысь, роспросыты
И повыдатысь хотъ часокъ;
Энес а свого обняты,
По батькивській поциловаты,
Його почуты голосокъ.

«Здоровъ сынашу, ма дытятко!
Анхызъ Энееви сказавъ:
«Чи сежъ тоби такы не стыдно,
«Що довго я тебе тутъ ждавъ.
«Ходимъ лышень къ мойй господи,
«Тамъ поговорымъ на свободи,
«За тебе будемъ мырковать.»
Эней стоявъ такъ, мовъ дубына,
Котылась зъ рота тилько слына,
Не смивъ мертцвья поциловать.

Анхызъ сю бачывшы прычыну,
Чого сыночокъ сумовавъ,
И самъ хотивъ обнять дытыну —
Та ба! уже не въ ту понавъ;
Прынявсь його щобъ научаты,
И тайности йому сказаты,
Якый Энеивъ буде плидъ.
Якіи диты будутъ жвави,
На свити зроблять скилько славы,
Якымъ то хлопцямъ буде дидъ.

Тогди-то въ пекли вечерныци
Лучылысь, бачышъ, якъ на те,
Булы дивкы, та молодыци
И тамъ робылы не пугте:
У ворона соби игралы,
Весильныхъ писеньокъ спивалы,
Спивалы тутъ и колядокъ;
Палылы клочча, ворожылы,
По спыни лещатамы былы,
Загадовалы загадокъ.

Тутъ заплиталы джерегели,
Дробушечкы на головахъ;
Скакалы по полу вегери,
Въ тиснои бабы по лавкахъ;
А въ комень суженыхъ пыталы,
У хатнихъ виконъ пидслухалы,
Ходылы въ пивничъ по пусткамъ.
До личкы ложечкы палылы,
Щытыну изъ свыни шмалылы,
Або жмурылысь по куткамъ.

Сюды прывивъ Анхызъ Энея
И мижъ дивокъ сыхъ посадывъ;
Якъ неука и дуралея
Принять до гурту, ихъ просывъ,
И щобъ обомъ имъ услужылы,
Якъ знаютъ, такъ поворожылы,
Що стринется зъ його сынкомъ:
Чи винъ хотъ трохы уродлывыи,
Къ чому и якъ Эней щастлывыи,
Щобъ всихъ спыталысь ворожокъ.

Одна дивча була гостренька
И саме ухо прехихе,
Швидка, гнучка, хвистка, порскенька,
Було зъ дївола лыхе.
Вона тутъ тилько и робыла,
Що всимъ гадала, ворожыла,
Могуща въ дили тимъ була;
Чи брехенькы яки сточыты,
Кому имення прыложыты,
То такъ якъ разъ и додала.

Привидця заразъ ся шептуха,
И прымостьмась къ старыку,
Йому шепнула биля уха,
И завела зъ нымъ ричь таку:
«Ось я сынкови загадаю,
«Поворожу и попытаю,
«Йому що буде, розкажу;
«Я ворожбу такую знаю,
«Хоть що, по правди одгадаю,
«И вже николы не збрешу.»

И заразъ въ горщечокъ наклаа
Видьомськыхъ разныхъ всякихъ травъ,
Яки на *Константына* рвала,
И те гнездо, що ремезъ клавъ:
Васьлькы, папороть, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Либыстокъ, просерень, чебрець:
И все се налыла водою
Погожею, не початою,
Сказавшы скількось и словецъ.

Горщокъ сей черепкомъ накрыла,
Поставыла його на жаръ,
И тутъ Энея прысадыла,
Щобъ огоньокъ винъ роздувавъ;
Якъ розигрилось, зашыпило,
Запарылось, заклекотило,
Ворочалоя зъ верху въ низъ;
Эней нашъ насторочывъ уха,
Мовъ чоловічий голось слуха,
Те чуе и старый Анхызъ.

Якъ стали роздувать пыльнише,
Горщокъ той дужче клекотавъ,
Почулы голось выразише,
И винъ Энею такъ сказавъ:
«Энею гиди вже журытысь,
«Одъ його мае расплодытысь
«Велькій и завзятый ридъ;
«Всимъ свитомъ буде управляты,
«По всихъ усюдахъ воюваты,
«Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.

«И Рымськіи поставыть стины,
«Въ нихъ буде жыты, якъ въ раю;
«Вельки зробыть перемины
«Во всимъ окружимъ тамъ краю;
«Тамъ буде жыть, та пожываты,
«Покиль не будутъ цюловаты
«Ноги чіеись постола.
«Но видсилъ часъ тоби вбираться
«И зъ пан-отцемъ своимъ прощаться,
«Щобъ голова тутъ не лягла.»

Сього Анхызу не бажалось,
Щобъ попрощатыся зъ сынкомъ,
И въ голову йому не клалось,
Щобъ зъ нымъ такъ бачытысь мелькомъ.
Та ба! вже ни чимъ пособыты,
Энея треба видпустыты,
Изъ пекла вывесты на свить.
 ощалыся и обнималысь,
Слизмы гирькымы облывалысь —
Анхызъ крычавъ якъ въ марти кить.

Эней зъ Сывыллою старою
Изъ пекла биглы напростецъ;
Сынокъ ворочавъ головою,
Покы ажъ не сховавсь отецъ;
Прыйшовъ къ Троянцямъ по маленьку
И крався нышкомъ, потыхеньку,
Де имъ веливъ себе пождать. —
Троянцы покотомъ лежалы
И на дозвилли добре спалы —
Эней и самъ уклався спать.
 КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ВИРГИЛIEBA ЭНЕИДА.

1842.
—
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
КАРЬКОВЪ.

—
ЧАСТЬ IV.
М. Комаревскіиъ.
ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

МАЛОРОССІЙСКИИ БЫТЪ

ИЛИ

ЭТНІЯ.
ВИРТИЛІЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчитьъ;
И заразъ тягломъ закъшкучешъ
И въ буркоти закеньдюшыть.
Кольжъ що напхомъ зъзыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ,
То на весели занутрыть;
Объ лыхо вдаромъ заземлюешъ,
И весь забудь свій зголодуешъ
И бигъ до горя зачортыть.

Та що абыщоты верзяломъ,
Не казку кормомъ соловьять:
Ось ну закалыткуй брязкаломъ,
То радости заденежать.
Колы давало спятакуюшь,
То може чуло зновынуешъ,
Якъ що съ тобою спередыть:
Куды на плавахъ човноваты,
Якъ угодыми Юонаты
И якъ Эней заминервыть.

Мене за сю не лайте мову,
Не я ъи скомпоновавъ;
Сывылму лайте безтолкову,
Ѣи се мизокъ змусовавъ:
Се такъ вона коверзовала,
Энееви пророковала,
Йому де поступатысь якъ;
Хотила мизокъ закрутыты,
Щобъ грошей билше улупыты,
Хоть бидный бувъ Эней и такъ.

Та треба зъ лыха догадаться,
Якъ прыйде узломъ до чогось;
А зъ видьмою не торговаться,
Щобъ хлыпаты не довелось.
Подяковавъ старую суку
Эней за добрую науку,
Шагивъ зъ дванадцять въ руку давъ.
Сывылла грошыкы въ калытку,
Миднявшы пелену и свытку, —
Изслызла, мовъ лыхий злыгавъ.

Эней избувшы сучу бабу,
Якъ мога швыдче на човны,
Щобъ не дала Юона швабу,
Що опынывся бъ въ сатаны.
Троянцы въ човны посадавшы,
И швыдко ихъ поодпыхавшы,
По витру гарно поплылы;
Греблы зъ дйавола вси дружно,
Що де якымъ ажъ стало душно,
По хвыли веселця гулы.

Пльвуть—ажъ витры забурчалы
И закрутылы не шутя,
Завылы ризно, засвысталы,
Нема Энееви пуття!
И зачало човны бурхаты,
То сторчъ, то на бикъ колыхаты,
Що врагъ устоить на ногахъ;
Троянцы зъ ляку задрывалы,
Якъ лыху помогты,—не знали;
Игралы тилько на зубахъ.

Якъ-ось ставъ витерь ущухаты
И хвыли трохы уляглысь;
Ставъ мисяць зъ хмары выглядаты,
И звизды на неби блысь-блысь!
Агу! Троянцямъ легче стало
И тяжке горе зъ серця спало,
Уже бо думалы пропасть.
Зъ людьмы на свити такъ буває:
Колы кого михъ налякае,
То послы торба спать не дасть.

Уже Троянцы вгамовалысь,
Могорычу вси потяглы;
И мовъ менькы повыверталысь,
Безпечно спаты заляглы;
Ажъ-ось поромцыкъ ихъ прогноза
На землю впавъ, якъ михъ изъ воза
И мовъ на пупъ репетовавъ:
«Пропалы вси мы зъ головамы,
«Прощаймось съ тиломъ и душама,
«Остатній нашъ народъ пропавъ.

«Заклятый остривъ передъ нами,
«И мы його не мынемо,
«Не проплывемъ нигде човнама,
«А на йому пропадемо;
«Жыве на острови царьця
«Цырцея, люта чаривныця
«И дуже злая до людей;
«Яки лыщъ не остережуются,
«А йий на остривъ попадутся,
«Тыхъ переверне на звирей.

«Не будешъ тутъ ходить на пари,
«А пидешъ заразъ чотырьмя;
«Пропалы! якъ сирко въ базари.
«Готовте шьи до ярма!
«По нашому хохлацьку строю,
«Не будешъ цапомъ, ни козою,
«А вже запевне що воломъ:
«И будешъ въ плузи похожаты,
«До броваря дрова таскаты,
«А може пидешъ бовкуномъ.

«Ляхъ цвенькаты уже не буде,
«Загубить чуйку и жупанъ,
«И не позволямъ тамъ забуде,
«А заблее такъ, якъ баранъ.
«Москаль, бо-дай бы не козою
«Замекекекавъ зъ бородою;
«А Прусь хвостомъ не завьявѣ,
«Якъ, знаешъ, лысь хвостомъ выляе,
«Якъ дуже *дойда* налягае
«И якъ *чухрай* угонку давъ.

«Цесарци ходять журавлямы,
«Цырцей служатъ за гусаръ
«И въ острови тимъ сторожамы.
«Италіянець же маляръ
«Исквапнѣйшый на всяки штуки,
«Спивакъ, танцюра на вси руки,
«Уміе и чыживъ ловыть;
«Сей переряженъ въ обезяну,
«Ошыйныкъ носыть изъ сапьяну
«И осужденъ людей смишыть.

«Французы жъ давнѣ сипаки,
«Головоризы — ризныки,
«Си перевернути въ собаки,
«Чужи щобъ грызлы маслаки.
«Воны и на Владыку лають,
«За горло всякого хватають,
«Грызутся и про мижъ себе:
«У ныхъ хто хытрый, то и старшій
«И знай всимъ намынае парши,
«Чупрыну всякому скубе.

«Повзуть Швейцарци червьякамы,
«Голланци квакають въ багни,
«Чухонци лазять муравьямы,
«Познаешъ жыда тамъ въ свѣни.
«Индыкомъ ходыть тамъ Гышпанецъ,
«Кротомъ же лазыть Португалець,
«Звиркуе Шведынъ вовкомъ тамъ,
«Датчанынъ добре жеребцое,
«Ведмедемъ Турчынъ тамъ танцое;
«Побачыте, що буде намъ.»

Биду побачывъ немынучу
Троянцы вси и панъ Эней,
Зибралыся въ одну вси кучу,
Подумать о биди своей,
И мытью тутъ уговорымысь,
Щобъ вси хрыстымысь и мольмысь,
Щобъ тилько остривъ имъ мынуть.
Молебень же втялы Эолу,
Щобъ витрамъ по його изволу
Въ другый бикъ повеливъ дмухнуть.

Эолъ молебнемъ вдовольнися
И витривъ заразь одвернувъ,
Троянскій плавъ переминывся,
Эней бутъ звиремъ увильнувъ.
Ватага вся повеселила,
Горилка съ пляшокъ булькотила,
Ни хто ни капли не прольвь;
Потимъ взялыся за веселца
И прыгребнулы вси одъ сердца,
Мовъ бы Эней по почти плывъ.

Эней по човну похожая,
Роменьскій тютюнецъ курывъ;
На вси чотыри розглядая,
Колыбъ чого не пропустывъ.
«Хвалите, крикнувъ, братця, Бога!
«Гребите дужче яко-мога,
«Отъ Тыбръ передъ носомъ у насъ;
«Ся ричка Зевсомъ обищана,
«И зъ берегамы намъ отдана.
«Гребы! — отъ закрычу шабась!»

Гребнули разъ, два, тры, чотыри,
Якъ на! — у берега човны;
Троянцы наши чупрындыри
На землю скиць, — якъ тамъ булы!
И заразъ стали роскладатысь,
Копаты, строить, ташоватысь,
Мовъ имъ пидъ лагерь судъ одвивъ.
Эней крычыть:» моя тутъ воля
«И килько окомъ скынешъ поля,
«Скризь - геть настрою городивъ.»

Земелька ся була Латыньска,
Завзятый царь въ ній бувъ Латынь;
Старый скупындя — скурвасыньска,
Дрыжавъ, якъ Каинъ, за алтынъ.
А также вси його пидданци,
Носылы латани галанци,
Дывывшысь на свого царя;
На гроши тамъ не козырялы,
А въ китькы крашанкамы гралы.
Не визьмешъ даромъ сухаря.

Латынь сей хоть не дуже близько,
А все Олимпськымъ бувъ ридня,
Не кланявся никому нызько,
Для його все була бридня.
Мерыка, кажуть, його маты,
До Фавна стала учащаты
Та и Латына добула.
Латынь дочку мавъ чепуруху,
Проворну, гарну и моргуху.
Одна у нього и була.

Дочка була зальотна птыця
И зъ заду, зъ переду, кругомъ;
Червона, свижа якъ кысльця,
И все ходыла павычомъ.
Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесьыва,
Гнучка, юрлыва, молода;
Хоть хто на неи не нарокомъ,
Закыне молодецькымъ окомъ,
То такъ би и вподоба.

Така дивча — кусочокъ ласый,
Заслынешся якъ глянешъ разъ;
Що ваши Гречеськи ковбасы!
Що вашъ первакъ грушевий квасъ!
Завійныця одъ неи вхопытъ,
На голову насяде хлопить;
А може тьохне и не такъ.
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспышь петривськой ночи;
Те по соби я знаю самъ.

Сусидни хлопци женихалысь
На гарну дивчыну таку,
И сватать де — яки пытамысь,
Яки хотилы, щобъ смаку
Въ Латыновій дочци добытыся,
Царя прыданымъ поживытыся,
Геть, геть — и царство за чубъ взять.
Но ненечка ти Амата,
Въ души свой була строкога,
Не всякій йий любывся зять.

Одынь бувъ Турнь царьокъ нешпетный,
Зъ Латыномъ у сусидстви живъ,
Дочци и матери прыкметный
И батько дуже зъ нымъ дружывъ.
Не въ шутку молодець бувъ жвавий,
Товстый, высокый, кучерявий,
Обточенный якъ огирокъ;
И вийська мавъ свого чимало,
И грошекивъ такы бряжчало,
Куда не кынь, бувъ Турнь царьокъ.

Панъ Турнь щось дуже пидсыпався
Царя Латына до дочкы,
Якъ зъ нею бувъ, то выправлявся
И пиднимавсь на каблучкы.
Латынь, дочка, стара Амата,
Що день видъ Турна ждалы свата,
Уже нашымы рушныкывъ,
И всякыхъ всячынъ напрыдбалы,
Яки на сватанни давалы,
Все сподивалысь старостивъ.

Колы чого въ рукахъ не маешъ,
То не хвалыся, що твое;
Що буде, ты того не знаешъ,
Утратышь може и свое.
Не розглядившы, кажутъ, броду,
Не лизъ прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмишывъ людей.
И перше въ волокъ подывыся,
Тогди и рыбою хвалыся;
Бо будешъ йолопъ, дуралей.

Якъ пахло сватаннямъ въ Латына
И ждалы тилько четверга,
Ажъ тутъ Анхызова дытына
Прыпленталась на берега
Зо всимъ своимъ Трояньскимъ племьямъ.
Эней не марно тратывъ время,
По молодецьку закуривъ:
Горилку, пиво, медъ и брагу,
Поставившы передъ ватагу,
Для збору въ трубы засурмывъ.

Трояньство, знаешъ, все голодне
Сыпнуло рысью на той клыкъ;
Якъ галычъ въ время непогодне,
Вси пиднялы великый крыкъ.
Сывушкы заразь ковтонулы
По кившыку, и не здрыгнулы,
И докосылысь до потравъ.
Все вийсько добре убирало,
Ажъ по заухамы ляцало,
Одынъ передъ другимъ хватавъ.

Вбыралы сичену капусту,
Шатковану и огиркы,
(Хоть се було въ часъ мясопусту,)
Хринъ съ квасомъ, редьку, бурякы;
Рябка, тетерю, саламаху,
Якъ не було, — поили зъ маху
И вси строцьмы сухари,
Що не було, все позъидалы,
Горилку всю повышывалы,
Якъ на вечери косари.

Эней оставивъ изъ носатку
Було горилкы про запасъ,
Но клюкнувъ добре по порядку,
Розщедривсь якъ бува у насъ,
Хотивъ послѣднимъ подилытысь,
Щобъ до кинця уже напытысь,
И добре цивкою смыкнувъ;
За нымъ и вся його голота
Тягла, покы була охота,
Що де якый и хвистъ надувъ.

Барыльця, пляшечкы, носатку,
Суліи, тыквы, боклажки,
Все высушымы безъ остатку,
Посуду потовклы въ шматкы.
Троянцы съ хмелю просыпалысь,
Скучалы, що не похмелялысь;
Пишы щобъ землю озыратъ
Де имъ показано селытысь,
Жыть, будоватыся, женытысь,
И щобъ Латынцевъ распизнать.

Ходымы тамъ, чи не ходымы,
Якъ - ось вернулись и назадъ,
И чепухы нагородымы,
Що панъ Эней не бувъ и радъ.
Сказалы: люды тутъ бормочуть,
Языкомъ дывнымъ намъ сокочуть,
И мы ихъ мовы не втнемо;
Слова свои на усъ кончаютъ,
Якъ мы що кажемъ имъ — не знаютъ.
Мижъ нымы мы пропадемо.

Эней тутъ заразъ взявъ догадку,
Веливъ побигты до дякивъ,
Купыть *Піарскую* граматку,
Полуставцивъ, октоихивъ;
И всихъ зачавъ самъ мордоваты,
Поверху, по словамъ складаты
Латыньскую тму, мну, здо, тло;
Троянске племя все засило
Коло кныжокъ, що ажъ потило
И по Латыньскому гуло.

Эней видъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всихъ прыганявъ;
И хто хотъ трохы линовався,
Тому *субиткы* и дававъ.
За тыждень такъ лацыну взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все на *усъ*:
Энея звалы *Энеусомъ*,
Уже не паномъ, — *доминусомъ*,
Себежъ то звалы *Троянусъ*.

Эней Троянщивъ похвалывшы,
Що такъ лацыну понялы,
Сывушкы въ кубочки налившы
И могорычъ вси запылы.
Потимъ зъ десятокъ що мудрйшыхъ,
Въ лацыни що найрозумнйшыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ-разъ,
Пославъ посламы до Латына
Одъ имени своего и чына,
А съ чымъ пославъ, то давъ прыказъ.

Послы прыйшовшы до стольци,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царщи
Эней прыславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, съ силью и съ другымы
Подаркамы предорогымы,
Щобъ познакомытись съ царемъ;
И якъ добьется паньской ласкы
Эней сподаръ и князь Троянскй,
То прыйде самъ въ царскй теремъ.

Латыну тилько що сказалы,
Що одъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ силью прычвалалы,
Та и подаркы прынесли,
Хотять Латыну поклоньтись,
Знакомытись и подружытись,
Якъ тутъ Латынъ и закрычавъ:
«Впусты! я хлиба не цураюсь,
«И зъ добрымы людьмы братаюсь.
«Отъ на ловця звиръ наскакавъ!»

Веливъ тутъ заразъ прыбираты
Свитльци, сины, двирь месты;
Клечання по двору сажаты,
Шпалеривъ разныхъ нанесты
И выбывать царьскую хату,
Лыбонь поклькавъ и Амату,
Щобъ и вона дала совить,
Якъ лучше, краще прыбираты,
Де, якъ, коврамы застылаты
И пидбирать до цвиту цвить.

Пославъ гинця до богомаза,
Щобъ мальовання накупить,
И такъ же розного прыпаса,
Щобъ що було и йисть и пыть.
Вродьмось реньске зъ курдымономъ
И пиво чорнее зъ лымономъ,
Сывушкы же трохы не съ спустъ;
Де не взялысь волы, телята,
Бараны, вивци, поросята;
Латынъ прыбравсь мовъ на запустъ.

Ось привезлы и мальовання
Роботы первійшыхъ майстривъ,
Царя Гороха пановання,
Патреты всихъ багатыривъ:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ и зъ вйськомъ добру хльору;
Чернецъ Мамая якъ побывъ;
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бье Половцивъ, проганяе—
Якъ Переясливъ боронивъ;

Бова зъ Полканомъ якъ водывся,
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловей Харцызъ женьвися,
Якъ въ Польци Желизнякъ ходывъ.
Патреть, бувъ Фрэнцуза Каргуша,
Протывъ його стоявъ Гарькуша,
А Ванька Каинъ въ переди.
И всякихъ всячынъ накупылы,
Вси стины нымы облипылы;
Латынъ дывывсь ихъ красоти!

Латынь такъ дома спорядывшы,
Кругомъ все въ хатахъ оглядавъ,
Свителкы, сины обходывшы,
Соби уборы добиравъ:
Плащемъ зъ клейонкы обвернувся,
Циновымъ гудземъ застебнувся,
На голову взявъ капелюхъ;
Набувъ на ноги кынди нови
И рукавыщи взявъ шкапови,
Надувсь, мовъ на огни лопухъ.

Латынь якъ царь въ своимъ наряди
Ишовъ въ кругу своихъ вельможъ,
Котори вси булы въ паради,
Надувшысь всякый зъ нихъ якъ йоржъ.
Царя на дзыглыкъ посадылы,
А самы мовчкы одступылы
Видъ покутя ажъ до дверей.
Царыця жъ сила на ослони,
Въ едымашковому шушони,
Въ караблыку изъ соболей.

Дочка Лавыся чепуруха
Въ Немецькимъ фуркальци була,
Вертилась якъ въ окропи муха,
Въ верцадло очи все пъяла.
Одъ дзыглыкажъ царя Латына
Скризь прослана була ряднына,
До самой фирткы и ворить;
Стояло вйсько тутъ зальотне,
Волове, кинне и пихотне
И весь бувъ зібраный повить.

Посливъ ввели къ царю съ пыхою,
Якъ водылося у Латынь;
Неслы подаркы предъ собою:
Пыригъ завдовжкы и зъ аршынь,
И солы крымкы и бахмуткы,
Лахмиття розного, тры жмуткы,
Эней Латыну що прыславъ.
Послы къ Латыну прыступылысь,
Тры разы нызько поклонылысь,
А старшый рацію сказавъ:

«Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
«И славный Троянорумъ князь,
«Шмыглявъ по морю якъ цыганусъ,
«Адъ те о рексъ! приславъ нункъ насъ.
«Рогамусъ домине Латыне,
«Нехай нашъ капутъ не загыне,
«Пермитте жыть въ земли своей,
«Хоть за пекуніи, хоть гратисъ,
«Мы дяковаты будемъ сатисъ
«Бенефиции твоей.

«О Рексъ! будь нашимъ Меценатомъ
«И ласкамъ туамъ покажы,
«Энеусу зробыся братомъ,
«О оптиме! не откажы;
«Энеусъ принцепсъ есть моторный,
«Формозусъ, гарный и проворный,
«Побачышъ самъ инномине!
«Велы акципере подаркы
«Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,
«Що прислани черезъ мене:

«Се кылымъ самолють чудесный,
«За Хмеля выткався царя,
«Лита пидъ облака небесни,
«До мисяця и де зоря;
«Но можна стилъ нымъ застылаты
«И передъ лижкомъ простылаты
«И тарадайку закрывать.
«Царивни буде винъ въ прыгоду,
«И то найбилшъ для того году,
«Якъ замужъ прыйдется давать.

«Ось скатерть Шльонская нешпетна,
«Би у Лыпську добулы;
«Найбилше въ тимъ вона прыкметна,
«На стилъ якъ тилько настелы
«И загадай якои стравы,
«То всяки вродятся потравы,
«Яки на свити тилько есть:
«Пывце, вынце, медокъ, горилка,
«Рушныкъ, нижъ, ложка и тарилка.
«Царыци мусимъ сю пиднести.

«А се сапьянци самоходы,
«Що въ нихъ ходывъ ище Адамъ;
«Въ старынныя пошыты годы,
«Не знаю якъ достались намъ;
«Лыбонь достались одъ Пендосивъ,
«Що въ Трои намъ утерлы носивъ,
«Про те Эней зна молодець;
«Сю вещь, якъ ридку и старынну,
«Пидносимо царю Латыну,
«Съ поклономъ нызькымъ, на ралець.»

Царыця, царь, дочка Лавына
Зглядалься про мижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякый и гребе
Яки достались имъ подаркы,
Насылу обійшлося безъ сваркы;
Якъ-ось Латынь сказавъ посламъ:
«Скажите вашему Энею,
«Латынь и зъ цілою симбею,
«Крый Боже, якъ вси рады вамъ.

«И вся моя маетность рада,
«Що Богъ васъ навернувъ сюды;
«Мни мыла ваша вся громада,
«Я не пущу васъ никуды;
«Прошу Энею поклонятысь
«И хлиба, солы не цуратысь,
«Кусокъ остатній роздилью.
«Дочка у мене одыночка,
«Хазяйка добра, пряха, швачка,
«То може и въ ридню вступлю.»

И заразъ попросывъ до столу
Латынь Энеевыхъ боярь,
Пылы горилку до изволу
И йилы бублыкы, кавьярь:
Бувъ борць до шпундривъ зъ бурякамы,
А въ ющи потрухъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба, шарпанына,
Печена съ часныкомъ свинына,
Крохналь, якый йидять паны.

Въ обидь пылы заморьки вына,
Не можна всихъ ихъ розказать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ описать:
Пылы Сыкызку, деренивку
И крымську вкусную дуливу,
Що то айвовкою зовуть.
На *вивать* — зъ мущыривъ стриламы,
Тушъ — гримко трубачи игралы,
А *многолитъ* — дякы ревуть!

Латынь по царському звичаю
Энею дары отрядивъ:
Лубеньского шмать короваю,
Корыто *Опишнянськихъ* сливъ,
Орихивъ *Кіевськихъ* смаженихъ,
Полтавськихъ пундыкивъ пряженихъ
И гусячьихъ пять кипъ яецъ;
Рогатого скота зъ *Лыпянки*,
Сывухы видерь съ пять *Будянки*,
Сто *Решетывивськихъ* овецъ.

Латынь старый и полыгався
Зъ Энеемъ нашимъ молодцемъ,
Эней и зятемъ назывався, —
Но дило красытся кинцемъ!
Эней по щастью безъ помихы,
Вдавался въ жарты, игры, смихы,
А о Юони и забувъ,
Його котора не любыла,
И скризь за нымъ, де бувъ, слидыла,
Нигде одъ неи не ввыльнувъ.

Ирыса цохля проклятуца,
Завзятійша одъ всихъ брехухъ,
Олыпська мчалка невсыпуца,
Крыкльвийша изъ щебетухъ;
Прыйшла Юони розказала,
Энея якъ Латынь прыймала,
Якый мижъ ными есть укладъ;
Эней за тестя мавъ Латына,
А сей Энея, якъ за сына,
И у дочкы зъ Энеемъ ладъ.

«Еге! Юнона закрычала:
«Поганецъ якъ же розибравъ;
«Я нарошно йому спускала,
«А винъ и ноги розиклавъ!
«Ого! провчу я высикаку
«И перцю дамъ йому и маку,
«Потямыть якова-то я.
«Пролью Троянську кровь—Латынську,
«Вмишаю Турна скурвасынську,
«Я наварю имъ кисиля.»

И на! черезъ штафеть къ Плутону
За пидписомъ своимъ прыказъ,
Щобъ фурию винъ Тезыфону
Пославъ къ Юнони той же часъ;
Щобъ ни въ берлыни, ни въ дормези,
И ни въ ридвани, ни въ портшези,
А биглабъ на перекладныхъ;
Щобъ не було въ пути препоны,
Тобъ заплативъ на три прогоны,
Щобъ на Олимпъ вродылась въ мыгъ.

Прыбигла фуриа изъ пекла
Яхыднійша одъ всихъ видьомъ,
Зла, хытра, злобная, запекла,
Робыла зъ себе скризъ содомъ.
Ввйшла къ Юнони зъ ревомъ, стукомъ,
Зъ велькымъ трескомъ, свыстомъ, гукомъ,
Зробыла объ соби лепортъ.
Якъ разъ ти взялы гайдуки
И повелы въ теремъ пидъ руки,
Хоть такъ страшна була якъ чортъ.

«Здорова люба, мыла доню,
Юнона въ радоцахъ крычыть:
«До мене швидче Тезыфоню,
И циловать ти бижыть.
«Сидай голубко!—якъ ся маешъ?
«Чи пса Троянского ты знаешъ?
«Теперь къ Латыну завытавъ,
«И крутыть тамъ, якъ въ Карфагени;
«Достанется дочки и нени,
«Латынъ щобъ въ дурни не понавъ.

«Ввесь знаетъ свить, що я не злобна,
«Людей губыты не люблю;
«Но ричь така богоугодна,
«Колы Энея погублю:
«Зробы ты похоронъ зъ весилля,
«Задай ты добре всимъ похмилля,
«Хоть бы побралы всихъ чорты.
«Амату, Турна и Латына,
«Энея гадового сына,
«Пужны по своему ихъ ты!»

«Я наймычка твоя покорна,
Ревнула фурія якъ гримъ:
«На всяку хить твою неспорна,
«Сама Троянцивъ всихъ пойимъ;
«Амату съ Турномъ я зєднаю
«И сымъ Энея укараю,
«Латыну жъ въ тимья дурь пуцу;
«Побачать то богы и люде,
«Що зъ сватання добра не буде,
«Всихъ, всихъ въ шматочки потроцу.»

И перекынулась клубочкомъ,
Кить, кить зъ Олымпя якъ стриля;
Якъ йшла черидка вечерочкомъ,
Къ Аматн шустъ, — якъ тамъ була!
Смутна Амата пирья драла,
Слизкы роньла и вздыхала,
Що Турнъ князьокъ не буде зять;
Кляла Лавыніи родыны,
Кляла кумивъ, кляла хрыстыны,
Та щожъ? — протывъ рижна не прать.

Яга пидъ пелену пидкравшысь,
Гадюкой въ сердце поповзла,
По всихъ куточкахъ позывавшысь,
Въ Аматн рай соби найшла.
Въ отравлену ъи утробу
Наклала злосты, мовъ бы бобу;
Амата стала не своя;
Сердыта лаяла, крычала,
Себе, Латына прокльнала
И всимъ давала трышія.

Потимъ и Турна навистыла,
Пресуча, лютая яга;
И изъ сього князька зробыла
Энею лышнього врага.
Турнь, по военному звичаю,
Зъ горилкою напывшысь чаю,
Сказать по просту, пьяный спавъ;
Яга тихенько пидступыла
И люте сныще пидпустыла,
Що Турнь о тимъ не помьшлявъ.

Йому, бачъ, сонному верзлося,
Буцимъ Анхызове дытя,
Зъ Лавынією десь зійшлося
И женихалось не шутя:
Буцимъ зъ Лавысей обнимався,
Буцимъ до пазухы добрався,
Буцимъ и перстень зъ пальця знявъ;
Лавыся перше мовъ пручалась,
А послѣ мовъ угамовалась,
И йій буцимъ Эней сказавъ:

«Лавысію мьмес кохання!
«Ты бачышъ якъ тебе люблю;
«Но що се наше жениханья,
«Колы тебе на вѣкъ гублю?
«Рутулець Турнь тебе вже свата,
«За нымъ, бачъ, тягне и Амата,
«И ты въ йому находышь смакъ.
«До кого хить ты билшу маешъ,
«Скажы, кого зъ насъ выбираешъ?
«Нехай я згыну неборакъ!» —

«Жывы Энеечку мій мыйый,
Царивна сей дала отвить:
«Для мене завжде Турнь остылый,
«Очамъ моимъ одынъ ты свить!
«Тебе колы я не побачу,
«То день той и годину трачу,
«Мое ты счастья, жывоты;
«Турнь швидче нагле околѣ,
«Нижъ дурень мною завладѣ,
«Я вся твоя, и панъ мій — ты!»

Туть Турнъ безъ пам'яты схватывся;
Стоявъ якъ въ землю врытый стовпъ;
Одъ злосты, съ хмелю весь трусьвсь
И сна одъ яву не росчовпъ:
«Кого?— мене; и хто?—Троянець!
«Голякъ, втикачъ, прыплентачъ, ланецъ!
«Звесты?—Лавынію отнять?
«Не князь я!—гирше шмаровоза,
«И дамъ соби уризать носа,
«Колы Эней Латыну зять.

«Лавыся, шмать не для харцыза,
«Якый пройдысвить есть Эней;
«А то,—и ты голубко сыза
«Изгынешъ одъ руки моей!
«Я всихъ поставлю вверхъ ногамы,
«Не подарю васъ душамы,
«А билшь Энею докажу.
«Латынаже старого дида,
«Прыжму незгирше якъ сусида,
«На киль Амату посажу.»

И заразъ лысть пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помирявсь сымою своею,
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кін, хоть кулакамы
Поштурхатысь по пидь бокамы,
Або побытысь и на смерть.
А также пхнувъ винъ драгомана
И до Латынського Султана,
Щобъ и сьому мордасы вгертъ.

Яхыдна фурія раденька,
Що по би все дило йшло;
До людськихъ бидь вона швиденька
И горе мыло йій було.
Махнула швидко до Троянцивъ,
Щобъ сыхъ Латынськихъ постоянцивъ
По своему осатанить.
Тогди Троянцы вси съ хортамы
Збиральсь йихать за зайцями,
Князька свого повеселить.

Но горе гришныкови суцу,
Такъ Кіевській скубентъ сказавъ:
Благыхъ дилъ вовся неимуцу.
Хто Божіи судьбы пизнавъ?
Хто де не дума, — тамъ ночуе,
Хотивъ де бигты, — тамъ гальмуе.
Такъ гришнымы судьба вертыть!
Троянъци самы то пизналы,
Зъ малои речи пострадалы,
Якъ то чытатель самъ уздрыть.

Поблызь Троянъска кочовання
Бувъ на отльоти хуторокъ,
Було въ нимъ щупле будовання,
Ставокъ бувъ, гребля и садокъ.
Жыла Аматына тамъ нянька,
Не знаю жинка, чи панянка,
А знаю, що була стара,
Скупа, и зла, и воркотуха,
Наушныця и щебетуха,
Давала чынчу до двора:

Ковбасъ десяткывъ съ тры Латыну,
Лавынѣи къ Петру мандрыкъ,
Амати въ тыждень по алтыну,
Тры хунты воску на ставныкъ;
Льнянои пряжи тры пивмиткы,
Серпанкывъ висимъ на намиткы
И двисти валяныхъ гнотивъ.
Латынъ одъ нянькы наживався,
Затежъ за няньку и вступався,
За няньку хотъ на нижъ готивъ.

У нянькы бувъ биленькій цуцькъ,
Би винъ завжде забавлявъ;
Не дуже простый — родомъ муцькъ,
Носывъ поноску, танцьвовавъ,
И паніи лызавъ одъ скукы
Частенько ноги скрызъ, и руки,
И тименьци выгрызавъ.
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась,
А царъ то часто годувавъ.

Троянцы въ рогы затрубившы,
Пустылы гончихъ въ чагари,
Кругомъ болото обступившы,
Бычамы ляскалы псари;
Якъ тилько гончи заганялы,
Загавкалы, заскавучалы,
То муцыкъ вырвавшысь на двирь,
На голось гончихъ одизався,
Чмыхнувъ, завывъ, до ныхъ помчався.
Стременный думавъ, що то звирь:

А тю його! гуджга! и крикнувъ,
И зъ своры попускавъ хортивъ;
Туть муцыкъ до земли прыльпнувъ
И духъ видъ ляку затаивъ;
Но псы донюхавшысь доспилы,
Шарпнулы муцыка, изъйилы
И посмокталы кисточки.
Якъ висть така дойшла до няньки,
То очи выпьяла якъ баньки,
А зъ носа спалы и очки.

Осатанила вража баба
И крикнула якъ на живить,
Зробылась заразь дуже слаба,
Холодный показався пить,
Порвалы маточни прыпадкы,
Истерыка и лыхорадкы,
И спазмы жылы потяглы;
Пидь нись йий кламы ассафету
И теплую на пупъ сервету,
Ище клистырь зъ ромну далы.

Якъ тилько къ памьяти вернулась,
То заразь галась пидняла;
До неи челядь вся сунулась
Для дыва, якъ весь свить кляла;
Потимъ схватывшы головешку
И выбравшысь на добру стежку,
Чкурнула просто до Троянъ;
Вси курини ихъ попалыты,
Энея заколотъ, побыты
И всихъ Троянскихъ бусурманъ.

За нею челядь покотыла,
Схватывшы хто що заполавъ:
Кухарька чаплию вхопыла,
Лакей тарилкамы шпурлявъ;
Зъ рублемъ тамъ прачка храбрвала,
Зъ дѣйницею рычка наступала,
Гуменный зъ ципомъ скрызъ совавъ;
Туть рота косаривъ зъ гребцямы
Йшли бытысь зъ косама, зъ грабляма,
Нихто одъ бою не цуравъ.

Но у Трояньского народу
За шагъ алтына не просы;
Хто Москаля обѣихавъ зъроду?
А займешъ, — ноги уносы.
Завзятого Троянцы кштальту,
Не струсятъ ни чѣйого гвалту
И носа хоть кому утрутъ;
И няньчыну всю рать розбылы,
Скаличымы, распотрошымы
И всихъ въ тисный загналы куть.

Въ сіе то нещастыве время
И въ самый штурхобочный бой,
Трояньске и Латыньске племя
Якъ умывалося мазкой;
Прыбигъ гинець зъ пысьмомъ къ Латыну,
Не радостну привизъ новыну,
Князь Турнь йому вѣйну пысавъ;
Не въ пырь, бачъ, запрошавъ напытысь,
А въ поле вызывавъ побытысь;
Гинець и на словахъ додавъ:

«Царю Латыне неправдивый!
«Ты слово царьское зламавъ;
«За те узоль дружелюбивый,
«На вики зъ Турномъ розирвавъ.
«Одъ Турна шмать той однимаешъ
«И въ ротъ Энееви соваешъ,
«Що Турнови самъ обещавъ.
«Выходъ же завтра навкулачки,
«Видтиль полизешъ мабутъ рачкы,
«Бо-дай и лунь щобъ не злызавъ.»

Не такъ розсердытса добродій,
Колы панъ возный позовъ дасть;
Не такъ лютуе голый злодій,
Колы не мае що украсть;
Якъ нашъ Латынь тутъ розгнивывся,
И на гиньця сього озлывся,
Що губы зсерця покусавъ:
И тилько одповідь мавъ дати
И гнівъ царьскый свій показаты,
Посель щобъ Турнови сказавъ;

Якъ выглянувъ въ викно зъ ненацька,
Прыйшовъ Латынь въ велькій страхъ;
Побачывъ люду скрызъ багацько
По улыцяхъ и всихъ куткахъ.
Латынци перлыся товпамы,
Шпурлялы въ гору вси шапкамы,
Крычалы въ голосъ на весь ротъ:
«Війна! війна! протывъ Троянцывъ,
«Мы всихъ Энеевыхъ поганцивъ
«Побьемъ, — искоренымъ ихъ родъ.»

Латынь старый бувъ не рубака
И воюватись не любывъ,
Одъ слова смерть винъ неборака
Бувъ безъ души, и мовъ неживъ.
Винъ стычку тилько мавъ на лижку,
Амати якъ не гравъ пидъ нижку,
И то тогди, якъ пидтоптавсь;
Безъ тогожь завжде бувъ тыхенькій,
Якъ всякій дидъ старый, слабенькій,
Въ чужее дило не мишавсь.

Латынь и серцемъ и душею
Далекій бувшы одъ війны,
Зибравшысь зъ мудростью своею,
Щобъ не попастись въ кайданы,
Зизвавъ къ соби панивъ вельможныхъ,
Старыхъ, чыновныхъ и заможныхъ,
Которыхъ рады слухавъ самъ;
И выславшы геть-пречь Амату,
Завивъ ихъ всихъ въ свою кивнату,
Таку сказавъ ричь старшынамъ:

«Чи вы одь чаду, чи зь похмиля?
«Чи чортъ за душу удряпнувь?
«Чи напымысь дурного зилля,
«Чи глуздъ за розумъ завернувь?—
«Скажить? зь чого вѣйна взялася,
«Зь чого ся мысль вамъ прыплелася?
«Колы я тишывся вѣиной?—
«Не звирь я—людську кровь промыты,
«И не харцызь, людей щобъ быты,
«Для мене гыдкѣй всякѣй бой.

«И якъ вѣину весты безъ збури,
«Безъ вѣйска, хлиба, безъ гармать,
«Безъ грошей?—Головы вы буи!
«Якѣй васъ обезглуздывь кать?
«Хто буде зь васъ провѣиантмейстерь,
«Або хто буде кригсь-цалмейстерь,
«Кому казну повирю я?
«Не дуже хочете вы бытысь,
«А тилько хочете нажытысь,
«И буде все беда моя.

«Колы сверблять изь васъ у кого
«Чи спына, ребра, чи бокры;
«На що просыты вамъ чужого?
«Мои вельки кулакы
«Почешутъ ребра вамъ и спыну,
«Кольжъ то мало, я дубыну
«Готовъ на ребрахъ сокрушыть.
«Служыть вамъ радъ малахаямы,
«Ризкамы, кнуттямъ и кѣямы,
«Щобъ жаръ военный потушыть.

«Покыньтежъ се дурне юнацтво
«И розѣйдитя по домахъ
«Панове выборне боярство;
«А про вѣину и въ головахъ
«Соби николы не кладите,
«А мовкы въ запичкахъ сьидите,
«Розгадуйте що йистъ и пыть.
«Хтожъ о вѣини проговорытса,
«Або кому вѣина прыснытса,
«Тому дамъ чортъ зна що робыть.»

Сказавшы се махнувъ рукою
И заразъ самъ пишовъ съ кивнать
Бундючно-гризною ходюю,
Що всякій бувъ соби не радъ.
Прыстыжени його вельможи
На йолопивъ булы похожи,
Ни хто зъ усть пары не пустывъ.
Не швыдко бидни схаменулись,
И въ ратушъ пидтюпцемъ сунулись,
Уже якъ вечеръ наступывъ.

Туть думу довгую держалы
И всякъ компоновавъ свое,
И въ голось гримко закрычалы:
Що на Латына всякъ плюе
И на грозьбу не уважае,
Війну зъ Энеемъ начынае,
Щобъ некруть заразъ набирать;
И не просить щобъ у Латына,
Зъ казны його, а ни алтына,
Боярськи гроши шафовать.

И такъ, Латынь заворушылась,
Задумавъ всякъ побыть Троянь;
Видкиль та храбристь уродылась
Протывъ Энеевыхъ прочанъ?
Вельможи царство збунтовалы,
Протывъ царя всихъ наущалы;
Вельможи! лихо буде вамъ.
Вельможи! хто царя не слуха,
Такымъ обризать нись и уха
И въ руки всихъ отдать катамъ.

О музо паничко Парнасска!
Спустысь до мене на часокъ;
Нехай твоя научить ласка,
Нехай твій шепчетъ голосокъ,
Латынь къ вїйни якъ снаряжалась,
Якъ армія ихъ набиралась,
Якый порядокъ въ вїйську бувъ;
Вси опышы мундыри, зброю
И казку мни скажы такую,
Якой ище ни хто не чувъ.

Бояры въ мыгъ scomпоновалы
На аркушъ манихвестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ вѣйсько йшло пидъ коруговъ;
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,
А усь въ пивлокоть бы тырчавъ;
Щобъ сала и пшона набрамы,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

Все вѣйсько заразы роспысалы
По разнымъ сотнямъ, по полкамъ,
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патенты сотныкамъ.
По городамъ всякъ полкъ назався,
По шапци всякый розлычався,
Впысалы вѣйсько пидъ ранжыръ;
Пошылы сыни всимъ жупаны,
На спидъ же билые каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугыръ.

Въ полкы людей роспредилывшы
И по кватырямъ розвелы,
И всихъ въ мундыри нарядывшы,
Къ прысязи заразы привелы.
На конихъ Сотныкы фынтымы,
Хорунжи усыкы крутымы,
Кабаку нюхавъ Асауль;
Урядныкы зъ Атаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ.

Такъ вичной памьаты бувало
У насъ въ Гетьманщыни колысь,
Такъ просто вѣйсько шыковало,
Не знавшы: стій, не шевельсь;
Такъ славные полкы козацьки
Лубенскый, Гадяцькый, Полтавскый
Въ шапкахъ було, якъ макъ цвитутъ.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлятъ,
То мовъ митлою все метутъ.

Було тутъ вѣйсько волонтеры,
То всякихъ юрбыця людей,
Мовъ Запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.
Воно такъ, бачышь, и негарне,
Якъ кажуть то — не регулярне,
Та до вѣины самый злый гадъ:
Чи вкрасты що, языкъ достаты,
Кого живцемъ, чи обидраты,
Ни сто не вдержыть ихъ гарматы.

Для сыльной арміи своей,
Рушныць, мушкетивъ, оружжынъ,
Наклалы повни гамазеи,
Гвинтивокъ, фузій безъ пружынъ,
Булдымокъ, флынтъ и янычарокъ.
А въ особливый закамарокъ
Списивъ, пикъ, ратыщъ, гакивынъць.
Булы тутъ страшныи гарматы,
Одъ выстрилу дрыжалы хаты,
А пушкари, то клалысь ныць.

Жлукта и улыкы на пушкы
Робыть галымы назахвать;
Дныща, оснивныци, ветушкы
На прынадлежность прыправлять.
Нужда переминыть законы!
Квачи, помела, макогоны
Въ пушкарське видомство пишлы;
Колеса, бендюгы и кары
И самыи церковни мары,
Въ депо пушкарськее тяглы.

Держась военного обряду,
Готовылы задалегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить.
Для куль — то галушкы сушылы,
А бомбъ — то зъ глыны налипылы,
А сльивъ солоныхъ — для картечъ;
Для щытивъ ночвы прыпасалы,
И дна изъ дижокъ выбывалы
И прыправлялы всимъ до плечъ.

Не малы палапивъ, ни шабель,
У нихъ, бачъ, Тулы не було;
Не шаблею жъ убить и Авель,
Полино смерть йому дало.

Соснови копысткы стругалы
И до бокивъ поначеплялы,
На валяныхъ вервовочкахъ;
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходють по опенькы,
Булы, мовъ сумы, на плечахъ.

Якъ амуныцю спорядылы,
И засушылы сухаривъ,
На сало кабанивъ набылы,
Взялы подымне одъ дворивъ;
Якъ пидсусидкивъ роспысалы
И выборныхъ поназначалы,
Хто тяглый, кинный, хто же пишь,
За себе хто, хто на пидставу,
Въ якее вйсько, сотню, лаву,
Порядокъ якъ завивсь незгиршь:

Тогди ну вйсько муштроваты,
Учыть мушкетный артыкуль,
Впередъ якъ ногу выкыдаты,
Ушкварыть якъ на калавуръ.
Колы пишкомъ—то маршь шульгою,
Колы верхомъ—глядыжь, правою
Щобъ шкапа скочыла впередъ.
Такее ратнее фыглярство
Було у нихъ за регулярство,
И все Энееви на вредъ.

Мовъ посполытее рушения
Латына въ царстви началось,
Повсюдна муштра, та учення,
Все за жолнирство прынялось.
Дивкы на прутахъ розъйижжалы,
Ципкамы хлопцивъ муштровалы,
Стари жъ учылись кыдать въ цель.
А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на пичи ихъ штурмовалы,
Бачъ, для баталіи въ прымиръ.

Булы Латынцы дружни люды
И воюватись малы хить,
Не вси зъ добра, хто одъ причуды,
Щобъ бытыся, то радъ летить.
Зъ горяча часу, перши тры дни,
Зносмы всяке збижжа, злыдни
И отдавалы все на рать:
Посуду, хлибъ, одежу, гроши,
Своей отчизны для сторожи,
Що не було де и дивать.

Се поралася такъ Амата,
Къ вѣйни Латынцевъ пидвела;
Смутна була для неи хата,
На улыци все и жыла.
Жинкы зъ Аматою зєднались,
По всьому городу таскались
И пидмовлялы воювать.
Робылы зъ Турномъ шуры-муры,
И затылись, хотъ вонъ изъ шкуры,
Энееви дочки не дать.

Колы жинкы де замишались
И имъ ворочаты дадутъ;
Колы зъ розказами втаскались,
Та пхыкання ще додадутъ;
Прощайсь на викъ тогди съ порядкомъ,
Пишло все къ чорту неоглядомъ,
Жинкы поставлять на свое.
Жинкы! колыбъ вы билше йилы,
А меньшь пащыковать умилы,
Булы бъ въ райо вы за сіе.

Якъ Турнъ биснуется, лютуе,
Въ сусидни царства шле посливъ,
Чи хто изъ ныхъ не поратуе
Протывъ Троянскихъ злыхъ сынивъ;
Колы Латынъ, одъ поедынкивъ,
Сховавсь пидъ спидъ своихъ будынкивъ
И ждавъ, що буде за кинець;
Колы Юнона скривъ лигае,
Всихъ на Эней наvertsае
Весильный збыть зъ його винецъ:

Гуде въ Латїи дзвинъ вищовый
И гасло всимъ къ вїйни дае,
Щобъ всякъ Латынець бувъ готовый
Къ вїйни, въ яку ихъ злостъ веде.
Тамъ крыкъ, тутъ галась, тамъ клепало,
Тиснится людъ и все трищало.
Вїйна въ кровавыхъ рызахъ тутъ;
За нею раны, смерть, увичча,
Безбожность и безчоловичча,
Хвистъ мантии ѳи несуть.

Була въ Латїи сынагога,
Збудована за давнихъ литъ
Для Януса сердыта бога,
Который дывныхъ бувъ прыमितъ:
Винъ мавъ на голови дви твари,
Чи гарныи булы, чи хари,
Объ тимъ Выргылий самъ мовчытъ;
Но въ мырне время запырався,
Кольжъ изъ храма показався,
Якъ разъ вїйна и закыпытъ.

По дзвону вся Латынь сунула
До храма, съ крыкомъ вси неслись,
И навстяжъ двери одимкнула,
И Янусъ выбигъ якъ харцьизъ.
Военна буря закрутыла,
Латынське сердце замутыла,
Завзятость взякого бере;
Вїйны, вїйны, крычатъ, бажають,
Пекельнымъ пламенемъ палають
И молодее и старе.

Латынці вїйсько хотъ зибралы,
Та требажъ къ вїйську должностныхъ,
Якибъ на щотахъ класты зналы,
Яки пысьменнейши изъ нихъ.
Ужежъ се муситъ всякий знаты,
Що вїйсько треба харчоваты,
И воинъ безъ вына — хомьякъ.
Безъ быгой голои копійкы,
Безъ сей прелестныци злодїйки,
Не можна воювать ни якъ.

Булы златые дни Астреи
И славный бувъ тогда народъ;
Минийливъ брали въ казначеи,
А фыгляри пысалы щотъ,
Къ роздачи порции — обтекаръ;
Картъожныкъ, — хлибный добрый пекаръ,
Гевальдыгеромъ, — бувъ шынъкаръ,
Вожатымы, — слипци, каликы,
Ораторамы, — недорикы,
Шпыгономъ, — зъ церкви паламаръ.

Всього не можна описаты,
Въ Латїи що тогда було,
Уже зволялыся чытаты,
Що въ голови у нихъ гуло.
Къ вїйни хваталысь, песпичалысь,
И самы о свити не зналысь,
И все робымы на зворотъ:
Що строить треба, те ламалы,
Що треба кынуть, те ховалы,
Що класть въ кишенью, клалы въ ротъ.

Нехай турбуются Латынцы,
Готовляться протывъ Троянъ,
Нехай выдумують гостынцы
Энею нащому въ изьянъ.
Загляньмо Турнъ що коверзуе,
Троянъцямъ рать яку готуе,
Бо Турнъ и самъ дзиндзиверъ-зухъ!
Колы чи пье — не прольвае,
Колы чи бье — то вже влучае,
Йому людей давить, якъ мухъ!

Тай выдно, що небувъ въ зневази;
Бо вси сусидни королькы,
По прозьби, мовъ бы по прыкази,
Позапаляючы люлькы,
Пишлы въ походъ зъ своимъ народомъ
Зъ начиннямъ, потрухомъ и плодомъ,
Щобъ Турнови допомагаты:
Не дать Энееви женытысь,
Не дать въ Латїи посельтысь,
Къ чортамъ Энейцивъ всихъ послать.

Не хмара сонце заступыла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галычъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витеръ се шумыть:
Се вѣйсько йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ *Ардею* городъ поспиша.
Стовпъ пороху пидъ небо вѣтса,
Сама земля, здаетса, гнетса;
Энею! де теперъ душа?

Мезентій напередъ Тирренскій
Предъ страшнымъ воинствомъ гряде;
Було полковникъ такъ Лубенскій
Кольсь къ Полтави полкъ веде,
Пидъ земляни Полтавськи валы,
(Де Шведы головы поклялы)
Полтаву матушку спасать;
Пропалы Шведы тутъ прочвары,
Пропавъ и валъ, — а булевары
Досталось намъ теперъ топтать.

Ардел, столичный Рутульскій городъ.

За сымъ на бендюгахъ плететса,
Байстриокъ *Авентій* попадычъ,
Зъ своею челядью ведетса,
Якъ зъ блюдолызамы панычъ.
Знакомого винъ пана внучокъ,
Добродій песыкивъ и сучокъ
И лошакивъ минять охочъ.
Авентій бувъ розбійникъ спупку,
Всихъ тормошывъ, валявъ на купку,
Дывывся бисомъ, гадомъ, сторчъ.

Тутъ вѣйсько киннее вальлось
И дуже ручее було;
Отаманъ звався Покотылось,
А Асауль Караспуло.
Се Греческїе проскиносы,
Изъ Биломорья все пендосы,
Зъ Мореа, Дельта, Кефалось;
Везлы зъ собою лагомыны,
Ольву, мыло, рыжъ, маслыны;
И *капама*, *кебабъ* калось.
Авентій рожденъ отъ жрицы Рен и Геркулеса.

Цекуль Пренестскій коваленко
Въ Латію зъ вѣйськомъ также пхавсь;
Такъ Сагайдачнѣй съ Дорошенкомъ
Козацькымъ вѣйськомъ вельчавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позади другѣй пьяну братью
Донськымъ нагаемъ пидганявъ.
Рядочкомъ йихалы гарненько,
Зъ люлюокъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коньку кунявъ.

За сѣмы плентавсь розбышака
Нептунивъ сынъ сподарь Мезапъ,
До бою бувъ самѣй собака
И лобомъ бѣвсь такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулачнѣкъ и рубака
И дужѣй бувъ зъ його хлопакъ;
Въ выскы було кому якъ впнется,
Той на сухо не оддерется;
Такѣй Ляхамъ бувъ Желизнякъ.

Цекуль рожденъ отъ Вулкана

Другымъ шляхомъ, зъ другого боку,
Агамемноненко Талесъ
Летѣть, мовъ поспиша до сроку,
Або къ води гарячѣй песь;
Веде орду вельку, многу
Рутульцеви на пидпомогу;
Тутъ людъ бувъ разныхъ языкивъ:
Булы Аврунци, Сыдыцяне,
Калесци и Сытыкуляне
И всякихъ, разныхъ козакѣвъ.

За сѣмы паньская дѣгына
Тезеевичъ панъ Ипполѣтъ, —
Надута, горда, зла лычына,
Зъ велькымъ воинствомъ вальтъ.
Се бувъ паньчъ, хорошѣй, повнѣй,
Чорнявѣй, краснѣй, сладкомовнѣй,
Що й мачуху бувъ пидкусывъ.
Винъ не дававъ никому спуску,
Однихъ богынъ мавъ на закуску,
Бравъ часто тамъ, де не просывъ.

Не можна дале-би зличыты
Яки народы тутъ плельсь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, зъ кымъ, колы, видкиль взялысь.
Выргылій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья
Поки дрибненько описавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргавци, Лабькы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

Тутъ ще найиздныця скакала
И вйсько не мале веда;
Собою всихъ дюдѣй лякала
И все мовъ помеломъ мела;
Ся звалась дива-царь Камыла,
До пуна жинка, тамъ—кобыла,
Кобылячу всю мала стать:
Чотыри ноги, хвистъ зъ прыкладомъ,
Хвостомъ моргала, была задомъ,
Могла и говорить и ржать.

Колы чувавъ хто о Полкани,
То се була його сестра;
Найбилшъ блукалы по Кубани,
А ридъ ихъ выйшовъ съ за Днистра.
Камылла страшна воевныця
И знахурка, и чаривныця
И скоро на бигу була;
Черезъ горы и ричкы пльгала,
Изъ лука митъ въ цель стріляла,
Багацько крови пролыла.

Така-то збирныця вальмась,
Энея щобъ побыты въ пухъ;
Уже Юнона де озлымась,
То тамъ запры крипкенько духъ.
Жаль, жаль! Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадыть.
Чи винъ ввильне одъ сей напасты,
Побачымо те въ пятой часты,
Колы удасться змайстерыть.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ВИРГИЛЪЕВА ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА.

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ V.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Цензоръ Никитенко.

Бида не по деревьяхъ ходить,
И хтожъ ви не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родить,
Бида для насъ, — судьбы уставъ!
Эней въ биди, якъ птычка въ клитци;
Запутався, мовъ рыбка въ ситци;
Терявся въ думахъ молодець.
Ввесь свить, здавалось, зговорився,
Ввесь мыръ на його напустывся,
Щобъ розорыть його въ кинецъ.

Эней ту бачивъ страшну тучу,
Що на його війна несла;
Въ ній бачивъ гибель неминучу,
И мучивсь страшно, безъ числа.
Якъ хвѣля хвѣлю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала;
Къ Олимпськымъ руки протягавъ.
Надеждою хотъ підкреплявся,
Но перемины винъ боявся
И духъ його изнемогавъ.

Ни ничъ його не вгамовала,
Винъ о війни все сумовавъ;
И вся колы ватага спала,
То винъ по берегу гулявъ,
Хотъ зъ горя сыльно изнемигся;
Мовъ простый, на писку улигся,
Та думка спаты не дала.
Скажить! тогда чи дуже спытсся,
Якъ доля противъ насъ ярытсся
И якъ для насъ фортуна зла?

О сонъ! зъ тобою забуваемъ
Все горе и свою напасть;
Черезъ тебе сылы набираемъ;
Безъ тебежъ мусилыбъ пропасть.
Ты ослабившихъ укрпляешъ;
Въ тюрми невинныхъ утишаешъ,
Злодѣивъ сныщамы страшышъ;
Влюбленныхъ ты до купы зводишъ,
Зли замислы къ добру приводышъ,
Пропавъ! — одъ кого ты бижышъ.

Эней мысли турбовалы,
Но сонъ такы свое бере;
Тилесни сылы въ кимъ охлялы,
Въ тимъ духъ не швидко, та замре.
Эней заснувъ и бачить сныще:
Предъ нымъ стоитъ старый дидыще,
Обшытый весь очеретомъ;
Винъ бувъ собі ковтуноватый,
Сидый, въ космахъ и пелехатый,
Зигнувъ, підпершыся ципкомъ.

«Венерынь сыну! не жахайся,
Дидь очеретяный сказавъ:
«И въ смутокъ дуже не вдавайся,
«Ты гириши биды выдавъ;
«Війны кривавой не страхыся,
«А на Олимпьскыхъ положыся,
«Воны все злее отдалять.
«А що мои слова до дила,
«Лежыть свыня пидь дубомъ била
«И трыдцять билыхъ поросять.

«На тимъ-то берлози свыноты
«Луль построить Албу градъ,
«Якъ трыдесять промчатся годы,
«Зь Юноною якъ зробыть ладъ.
«Еднаковожъ самъ не плошайся,
«Зь Аркадянамы побратайся,
«Воны Латынцямъ ворогы;
«Троянцывъ зь нмы якъ зєднаешъ,
«Тогди и Турна осидлаешъ,
«Все вйсько выбьешъ до ногы.

«Вставай Энею! годи спаты,
«Вставай и Богу помолысь,
«Мене ты мусишь также знаты:
«Я Тыбрь старый!—ось прыдывысь.
«Я тутъ водою управляю,
«Тоби я вирно помагаю,
«Я не прочвара, не упырь.
«Тутъ будетъ градъ надъ городамы,
«Поставлено такъ мижь богамы...»
Сказавшы е, дидь въ воду нырь.

Эней пробуркався, скопывся
И духомъ моторнійшый ставъ;
Водою Тыбрьскою умывся,
Богамъ молитвы прочытавъ.
Веливъ два човны знаяжаты
И сухарямы запасаты,
И воинивъ туда сажать.
Якъ млость пишла по всьому тилу:
Свыню уздривъ пидь дубомъ билу
И трыдцять билыхъ поросять.

Звеливъ ихъ заразь покомоты
И дать Юнони на обидь;
Щобъ сею жертвою свыноты,
Себе избавыты одъ бидь.
Потимъ въ човны метнувсь хутенько,
Поплывъ по Тыбру выизъ гарненько,
Къ Эвандру помочи просыть;
Лисы, вода, пискы зъумьмысь,
Яки се два човны пустымысь
Съ одвагою по Тыбру плыть.

Чи довго плывъ Эней, — не знаю,
А до Эвандра винъ доплывъ;
Эвандръ, по давньому звычайю,
Тогди для празняка курывъ,
Зъ Аркадянамы весельвсь,
Надъ варенухою трудывсь
И хмилъ въ ихъ головахъ бродывъ;
И тилько що човны уздрилы,
То вси злякамыся безъ миры,
Одынь къ Троянцямъ пидступывъ.

Эвандръ, царь Аркадскій.

«Чи по неволи, чи по воли?
Крычыть Аркадскій имъ горлань:
«Родымысь въ неби вы, — чи доли?
«Чи мыръ намъ везете, чи брань?
«Троянецъ я Эней отважный,
«Латынцывъ ворогъ я присяжный,
Эней такъ съ човна закрычавъ:
«Иду къ Эвандру погостыты,
«На перепутти одпочыты,
«Эвандръ рь добрый, я чувавъ.»

Эвандра сынъ Паллантъ вродывый,
Къ Энею заразь пидступывъ;
Отдавъ поклонъ дружелюбывый,
До батька въ гости попросывъ.
Эней съ Паллантомъ обнимався
И въ його прязнь засталявся,
Потимъ до лису почвалавъ,
Де гардовавъ Эвандръ съ попамы,
Со старшыною и панамы.
Эней Эвандрови сказавъ:

«Хоть ты и Грекъ, та царь правдивый,
«Тоби Латынцы ворогы;
«Я твій товаришъ буду щырый,
«Латынцы и мини врагы.
«Теперь тебе я супликую
«Мою уважить долю злую
«И постояты за Троянь.
«Я кошовый Эней Троянець,
«Скытаюсь по мыру, мовъ ланецъ,
«По всимъ товчуся берегамъ.

«Прыйшовъ до тебе на отвагу,
«Не думавшы якъ прыймешъ ты;
«Чи буду пыты медъ, чи брагу?
«Чи будемъ мы соби браты?
«Скажы, и руку на—въ завдатокъ,
«Котора, бачъ, не трусыть схватокъ
«И самыхъ злійшыхъ намъ врагивъ.
«Я маю храбрую дружыну,
«Терпившыхъ гирькую годуу,
«Одъ злыхъ людей и одъ богивъ.

«Мини найбилше дойдае
«Рутульскій Турнь, собачій сынъ;
«И лышь гляды, то и влучае,
«Щобъ згамкаты мене якъ блынъ.
«Такъ лучше въ саживци втоплюся,
«И лучше очкуромъ вдавлюся,
«Нижъ Турнови я покорюся.
«Фортуна не въ його кишени;
«Турнь побѣда у мене въ жмени;
«Дай помичъ! — я зъ нымъ потягнуся.»

Эвандръ мовчавъ и прислухався,
Слова Энеевы ковтавъ;
То усъ крутивъ, то осьмихався,
Энееви отвить сей давъ:
«Эней Анхызовичъ, сидайте,
«Турбаціи не заживайте,
«Богъ мылостывъ для гришныхъ всихъ;
«Дамо вамъ вѣйска въ подпомогу,
«И провіанту на дорогу,
«И грошынтокъ зъ якыйсь михъ.

«Не поцурайтеся хлиба - солы,
«Борщу скоптуйте, галушокъ;
«Годуйтеся, кушайте доволи,
«А тамъ съ труда до подушокъ.
«А завтра, якъ начне свитаты,
«Готово вѣйсько выступаты,
«Куды вы скажете, въ походъ;
«За мной не буде остановкы;
«Я зъ вами не роблю умовкы;
«Люблю я дуже вашъ народъ.»

Готова стравы вся стояла,
Спишылы вси за стиль сидать;
Хоть де-яка позастывала,
Що мусилы підогривать.
Просилне зъ ушками, зъ гринками,
И юшка съ хляками, съ кышками,
Телячий лызень тутъ лежавъ;
Ягны и до софорку куры,
Печени разной тры гуры,
Багацько ласыхъ тожь потравъ.

Де йистся смачно, тамъ и пьется,
Одъ землякивъ я такъ чувавъ;
На ласее кутокъ найдется,
Эней зъ своимы не дринавъ.
И правда, гости доказалы,
Що жыть вони на свити зналы:
Пылы за жызьнь, — за упокой;
Пылы здоровье батька съ сыномъ,
И голь, гол голь, мовъ клынъ за клыномъ,
Крычать заставивъ на розстрой.

Троянцы пьяни розбрехалысь
И чванылыся безъ пуття,
Съ Аркадянками женихалысь,
Хто такъ, — а хто и не шутя.
Эвандръ точивъ гостямъ росказы,
Хвалывъ *Иракловы* проказы,
Якъ злого *Каха* винъ убивъ;
Якии *Какъ* робивъ розбой
И що для радости такой,
Эвандръ и праздынкъ учредывъ. 16*

Вси къ ночи такъ перепыдыся,
Держалысь ледве на ногахъ;
И на ничь въ городъ поплелыся,
Яки итты булы въ сылахъ.
Эней въ керею замотався,
На задвирку хропты уклався,
Эвандръ же въ хату рачкы лизъ;
И тамъ пидъ прылавкомъ зигнувшысь,
И цупко въ бурку завернувшысь,
Захрипъ старый во весь свій нись.

Якъ ничь покрыла пеленою
Тверезыхъ, пьяныхъ, — всихъ людей;
Якъ хрипъ Эней одъ перепую,
Забувшы о биди своей,
Венера безъ спидныци, боса,
Въ халатыку, простоволоса,
Къ Вулкану пидтюпцемъ ишла;
Вона тайкомъ къ Вулкану кралась,
Ниначе зъ нымъ и не винчалась,
Мовъ жинкой не його була.

А все то хытрость есть жиноча,
Новынкою щобъ пидмануть;
Хоть гарна якъ, а все охоча
Ище гарнійшою щобъ быть.
Венера пазуху порвала,
И такъ себе пидперезала,
Що вся на выставци була;
Косынку нарошно згубыла,
Грудны такъ соби одкрыла,
Що всякого бъ зъ ума звела.

Вулканъ коваль тогди трудывся,
Зевесу блыскавку ковавъ.
Уздривъ Венеру, затрусывся,
Изъ рукъ и молотокъ упавъ.
Венера заразъ одгадала,
Що въ добрый часъ сюды попала,
Вулкана въ губы заразъ черкъ;
На шыю вскочыла, повысла,
Вся опустылась, мовъ окысла,
Билкы пидъ лобъ, — и свить померкъ.

Уже Вулканъ розмякъ, якъ кваша,
Венера те соби на усь:
За дило ну! — бере, бачъ, наша!
Теперь пидъ його пидобьюсь:
«Вулкасю мыльй, уродльвий!
«Мій друже вирный, справедльвий!
«Чи дуже любышь ты мене? —
«Люблю, люблю, божусь клищамы,
«Ковадломъ, молотомъ, михамы,
«Все радъ робыты для тебе.»

И прылабузнывьсь до Кипрыды,
Якъ до просытеля пысець.
Йий корчывъ разни мыли выды,
Що бы достать соби ралець.
Венера зачала благаты
И за Энеечка прохаты,
Вулканъ йому щобъ допомигъ:
Энееви зробывъ бы збрую
Изъ стали, миди, — золотую
Такою, щобъ никто не змигъ.

«Для тебе? — охъ моя ты плитко!
Вулканъ задыхавшысь сказавъ:
«Зроблю не збрую, чудо ридко,
«Нихто якого не выдавъ;
«Палашъ, шышакъ, панцьръ со щытомъ,
«Все буде золотомъ покрито,
«Якъ Тульскіи кабатырькы;
«Насичка съ черню, съ образкамы
«И зъ кунштыкамы и зъ словамы,
«Скризь будуть брязкальця, дзвинкы.»

А щожъ, не такъ теперь буває
Промижъ жинкамы и у насъ?
Колы чого просыты мае,
То добрый одгадае часъ
И къ чоловику прыгниздытсь,
Прыщумлытсь, прыголубытсь,
Цилуе, гладыть, ласкотьыть,
И вси суставы розшрубуеть,
И мизкомъ такъ завередуеть,
Що сей для жинкы все творыть.

Венера въ облако обвѣвшысь,
Махнула въ Пафосъ отдыхать,
Одъ всихъ въ свителци зачынѣвшысь,
Себе тамъ стала розглядать.
Красы помѣяти расправляла;
Въ волосси кудри завывала,
Ну, пятна водамы мочыть.
Венера, якъ правдыва маты,
Для сына рада все отдаты,
Зъ Вулканомъ рада въ кузьни жыть.

Вулканъ до кузьни дочвалавшы,
Будыть зачавъ всихъ коваливъ;
Свынецъ, зализо, мидь зибравшы,
Все гриты заразь извеливъ.
Михы престрашни надымають,
Огонь велькый роспаляють,
Пишовъ трескъ, стукъ одъ молотивъ.
Вулканъ потіе и трудытсь,
Всихъ лае, бѣе, пужа, ярытсь,
Къ работи прыганя майстривъ.

И сонце элизло высоченько,
Уже часъ сьомый ранку бувъ;
Уже закушовавъ смачненько
Хто добре пинной лыгнувъ;
Уже онагры захрючало,
Вороны, горобци крычало,
Сыдилы въ лавкахъ крамари;
Картожныкы же спать лягало,
Финдюркы щокы пидправлялы,
Въ суді лишлы секретари.

А наши зъ хмелю потягались,
Вчорашній мурдовавъ ихъ чадъ;
Стогналы, харкала, смаркались,
Нихто не бувъ и свиту радъ.
Не дуже рано повставало
И льодомъ очи протыралы,
Щобъ освижытсь на часокъ.
Потимъ взялись за оковыту
И склыкалы, ричь поспольту
Поставыть, якъ итты въ походъ.

Тутъ сколько сотень одичылы
Аркадськихъ жвавыхъ парубкивъ
И въ ратныкы ихъ назначылы;
Далы имъ въ сотныкы панивъ.
Далы значкы имъ зъ хоругвою,
Бунчукъ и бубны зъ булавою,
Спысивъ, мушкетивъ, палашивъ.
На тыждень сала зъ сухарямы,
Барыльце зъ срибнымы рублямы,
Муку, пшона, кавбасъ, корживъ.

Эвандръ, Палланта пидозвавшы,
Таки слова йому сказавъ:
«Я рать Энею въ помичъ давшы,
«Тебе начальникомъ назвавъ.
«А докы въ паци будешъ граты?
«Съ дивкамы день и ничъ ганяты,
«И красты голубивъ у всіхъ?
«Одважный жыдъ гришыть и въ школи;
«Иды лышь послужы на поли;
«Ледащо сынъ, — то батькивъ грихъ.

«Иды службы, годы Энею,
«Винъ зна военне ремесло;
«Умомъ и храбростью своею,
«Въ опричнее попавъ чысло.
«А вы Аркадци! — вы не трусы,
«Давайте всимъ и въ нисъ и въ усы,
«Паллантъ мій, вашъ есть Атаманъ.
«За його быйтесъ умерайте,
«Энеевыхъ врагивъ карайте,
«Эней и свать, — а вашъ Гетьманъ.

«А васъ Анхызовычъ покорно
«Прошу Палланта доглядать;
«Воно хотъ парубья, не спорно,
«Уміе и склады чытать;
«Та дурень, молоде, одважне,
«Въ бою якъ буде необачне,
«То може згынуть неборакъ;
«Тогди не буду жыть чрезь сылу,
«Жывцемъ полизу я въ могылу,
«Изгыну, безъ воды мовъ ракъ.

«Берите рать, идите зъ Богомъ,
«Нехай Зевесъ вамъ помага.»
Тутъ частовались за порогомъ,
Эвандръ дадавъ таки слова:
«Зайдите къ Лыдійському народу,
«Воны послужать вамъ въ прыгоду,
«На Турна пидуть воювать.
«Мезентій, ихъ тисныть, сжымае,
«На чынчъ никого не пускае,
«Готовы заразъ бунтъ пиднять.»

Пишлы, розвывшы короговку
И слезы молоджь лыма;
Хто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У ынчыхъ мылая була.
Тогди найбилшъ намъ допикае,
Колы зла доля однимае,
Що намъ всього мылише есть.
За мылу, все терять готовы:
Клейноты, жывоты, обновы.
Одна, дороже мылой, — честь!

И такъ, пытейнымъ пидкрепившысь,
Утерлы слезы изъ очей;
Пишлы, маршъ сумно затрубившы;
Передъ же вивъ самъ панъ Эней.
Ихъ первый маршъ бувъ до байраку,
Прийшовшы стали на бываку;
Эней порядокъ учредывъ.
Паллантъ по арміи дижурывъ,
Трудывсь, всю ничъ очей не жмурывъ;
Эней тожъ лю лису бродывъ.

Якъ въ пивничъ самую глухую
Эней лышъ тилько мавъ дримать,
Побачывъ хмару золотую,
Свою на хмари гарну мать.
Венера билолька, красна,
Курносенька, очыма ясна
И вся якъ съ кровью молоко;
Духы одъ себе выпускала
И збрую чудную держала,
Явлася такъ передъ сынкомъ.

Сказала:» мылый, на, Энею
«Ту зброю, що ковавъ Вулканъ;
«Колы себе устроишь нею,
«То струситьъ Турнь, Бова, Полканъ;
«До збруи що ни доторкнется,
«Все заразъ ламнется и гнется,
«Би и куля не бере;
«Устройсь, храбруй, колы, рубайся,
«И на Зевеса полагайся,
«То носа вже ни хто не втре.»

Сказавшы аромать пустыла:
Василькы, мяту и амбре;
На хмари въ Пафосъ покотыла.
Эней же зброю и бере,
Би очима пожырае,
На себе панцьрь натягае,
Палашъ до бока прывьязавъ;
Насылу щытъ пиднявъ чудесный,
Не легкій бувъ презентъ небесный;
Эней роботу розглядавъ:

На щыти, въ самій середини,
Пидъ чернь, зъ насичкой золотой,
Конала муха въ павутины,
Павукъ торкавъ би ногой.
Поотдалъ бувъ малый *Телешыкъ*,
Винь плакавъ и лыгавъ кулешыкъ,
До його кралася змя
Крылатая, съ симью главамы,
Съ хвостомъ въ верству, страшна, зъ рогамы,
А звалася *Жеретя*.

Вокругъ же щыта на заломахъ,
Найлучши лыцарьськи дила
Булы бляховани въ персонахъ
Искусно, живо безъ чысла:
Котыгорохъ, Иванъ Царевичъ,
Кухарчычъ, Сучычъ и Налетычъ,
Услужливый Кузьма — Демьянъ.
Коцій съ прескверною ягою,
И дурень зъ ступою новою,
И славный лыцарь Марцыпанъ.

Такъ пань Эней нашъ снаряжався,
Щобъ дружбы Турну доказать;
Напасть на ворогивъ збирався,
Зненацька копоти имъ дать.
Но зла Юнона не дримае,
Навьяльотъ умыслы вси знае,
Опять Ирысю посила:
Якъ можна Турна роздрочыты,
Протывъ Троянцывъ насталыты,
Щобъ выкоренивъ ихъ до тла.

Ирыса выль, скользнула зъ неба,
До Турна въ пивничъ шустъ въ наметъ;
Винъ дожыдавсь тогда вертена,
Хлыставъ зъ нудьгы Охтырьскій медь.
Къ Лависи одъ любви бувъ въ гори,
Топывъ печаль въ пытейномъ мори.
Такъ въ арміи колысь велось;
Колы влюбывся, чи програвся,
То пуншту хлысь — судьба поправся!
Веселье въ душу и вьялось!

«А що? Ирыся щебетала:
«Сыдышь безъ дила и клюешъ?
«Чи се на тебе линь напала?
«Чи все Троянцямъ отдаешъ?
«Коту гладкому не до мышкы;
«Не втне, бачу, Панько Орышкы!
«Хтобъ сподивавсь, що Турнъ бабакъ?
«Тоби не хысть зъ Энеемъ бытсья,
«Не хысть зъ Лавиніей любытсья,
«Ты, бачу, здатный бытъ собакъ.

«Правдывий воинъ не дримае,
«Безъ просыпу же и не пье;
«Мудруе, дума, розглядае,
«Такый и ворогивъ побье.
«Ну къ чорту! швидче охмеляйся,
«Збирать союзныхъ поспишайся,
«На нову Трою напады.
«Эней въ чужыхъ земляхъ блукае,
«Дружыну въ помичъ набирае,
«Неоплошай теперь: гляды!»

Сказавшы, столькъ извальла,
Шкереберть къ чорту все пишло:
Пляшкы и чарочки побыла,
Пропало все, якъ не було.
Зробився Турнъ несамовытый,
Ярився, лютовавъ не сытый,
Троянской кровы забажавъ.
Вси страсты въ голову стовкнулись,
Любовь и ненависть прочнулись;
«На штурмъ, на штурмъ!» своимъ кричавъ.

Зибравъ и кинныхъ и пихотныхъ
И всихъ для битвы шыковавъ;
И розбышакъ самыхъ одборныхъ
Пидъ крепость, задырать, пославъ.
Два корпусы до-купы звившы,
А на зыкратого самъ сившы,
На штурмъ ихъ не веде, а мчыть;
Мезапъ, Талесь, въ другимъ отряди,
Пишлы одъ берега къ огради,
Побыть Троянцевъ всякъ спишыть.

Троянцы въ крепосты запершысь,
Энея ждалы вороття;
Зъ нещастямъ тисно пообтершысь,
Биду встричалы мовъ шутя.
Побачывшыжъ врагивъ напоры,
У баштъ прыбавымы запоры
И на валу вси заляглы;
Въ виконця зъ будокъ выглядамы
И носа вонъ не выставялы,
Шепталъ . . . и люльки тяглы.

У нихъ поставлено въ громади,
Колы на ихъ панъ Турнъ напре;
То всимъ сидить въ свой огради,
Нехайже штурмомъ валъ бере.
Троянцы такъ и учынылы;
На валъ колоддя накотылы
И разный прыправялы варъ;
Олію, дьоготь кыпятылы,
Жывицю, оливо топылы,
Хто лизтеме, щобъ лить на тварь.

Турнъ въ миру къ валу прыступывшы,
Скризь на зыкратому гасавъ;
Въ розсыпку кинныхъ розпустывшы,
Самъ якъ опареный крычавъ:
«Сюды трусливые Троянцы,
«На бой шкодливые поганци!
«Зарылись въ землю мовъ кроты;
«Де вашъ Эней, — жиночій празныкъ?
«Пряде зъ бабамы набалдашныкъ!
«Не лепсько выглянуть сюды.»

И вси його такъ пидкомандни
Крычалы, маялы Троянъ;
Робылы глазы имъ досадни,
Гиршъ нивычылы якъ цыганъ.
Пускалы тучамы къ нымъ стрилы,
А де-яки булы такъ смилы,
Що малы перескочыть ривъ.
Троянцы уха затыкалы,
Рутульцивъ лайкы не вважалы,
Хоть бытысь всякый зъ ныхъ готивъ.

Турнъ зсерця скрыготавъ зубамы,
Що въ крипосты вси ни гугу;
А стинъ не розибешъ лобамы,
Зпосылку гныся хотъ въ дугу.
Злостъ, кажутъ, сатани сестрыця,
Хотъ може се и небыльця,
А я скажу, що може й такъ:
Одъ злосты Турнъ те компоуе,
Мовъ сатана йому дыктуе,
Самъ чо, ь зализъ въ його кабакъ.

Одъ злосты Турнъ осатанивши,
Веливъ багаття розводитьъ
И вйсько къ берегу привившы,
Казавъ Троянскій флотъ спалить.
Вси прынялыся за роботу;
(На злее всякый ма охоту)
Огни помчалыся къ водамъ.
Хто жаръ, хто губку зъ сирныкамы,
Хто зъ головней, хто съ фитилямы,
Погыбель мчалы караблямъ.

Розжеврилось и закурьлось,
Блакытне поломья взвьлось;
Одъ дыму сонце закаптьлось,
Курьще къ небу донеслось.
Богы въ Олимпи стали чхаты;
Турнь имъ извовывъ тымфы даты.
Богынь напавъ видъ чаду дурь;
Дымъ очи йивъ, лылыся слбозы,
Зь нудьгы скакалы такъ, якъ козы;
Зевесъ самъ бувъ мовъ вынокуръ.

Венеружъ за душу щыпало,
Що съ флотомъ поступылы такъ;
Одъ жалю сердце замерало,
Що сяде сынъ на миль, якъ ракъ.
Въ жалю, въ слизахъ и въ гирькимъ смутку,
Богыня сила въ просту будку,
На передку сивъ купыдонъ;
Кобыла ихъ везе кривая,
Цыбелла де жыла старая,
Щобъ сій язи отдать поклонъ.

Цыбелла, знаютъ во всихъ школахъ,
Що матерью була богивъ;
Изъ молоду була не промахъ,
Колы жъ якъ стала безъ зубивъ,
То тилько на пичи сидила,
Съ кулешыкомъ лемишку йила
И не мишалася въ дила.
Зевесъ йій отдававъ повагу
И посылавъ одъ столу брагу,
Яку Ю. на лышь пыла.

Венера часто докучала
Зевесу самою бридней,
За те въ немьлость и попала,
Що нильзя показать очей.
Прыйшла Цыбеллу умоляты
И мусила йій обищаты
Купыты збытно за алтынъ,
Щобъ тилько Зевса умолыла,
Вступытсья за Троянъ просыла,
Щобъ флота не лыщывся сынъ.

Цыбелла же була ласуха,
Для збытню рада хоть на в...;
До тогожъ страшна говоруха,
О всякій всячыни несе.
Стяглы ти насылу съ псчи,
Взявъ купыдонъ къ соби на плечи,
Въ будынки къ Зевсу и понись.
Зевесъ свою уздрившы неню,
Убгавъ весь оселедецъ въ жменю,
Насупывъ бровы, зморщывъ нись.

Цыбелла перше закректала,
А послы кашлять начала,
Потимъ у пелену смаркала
И духъ пять разъ перевела.
«Сатурновычъ змылосердыся,
«За ридную свою вступиися!
Къ Зевесу шокала стара:
«Безсмертныхъ смерти не вважають
«И тилько що не бють, а лають;
«Осрамлена моя гора!

«Мою ты знаешъ гору Иду,
«И лись де съ капыщемъ оларь;
«За нихъ несу таку обыду,
«Якой не терпыть твій свынаръ!
«На зрубъ я продала Тролныцямъ,
«Твоимъ моельщыкамъ, пидданыцямъ,
«Дубкивъ и сосень, строить флотъ.
«Твои уста судьбамъ велилы,
«Булы объ Идськи брусья цили,
«Нетлинные одъ рода въ родъ.

«Зыркны жъ теперь на Тыбрськи воды,
«Дывысь, якъ карабли горять!
«Ихъ палять Турновы уроды,
«Тебе и всихъ насъ кобеняць.
«Спусты имъ, — то таке закоють,
«И власть твою соби прысвоють,
«И всимъ дадутъ намъ кисиля;
«Спляндрують лись, розрыють Иду;
«Менежъ стару убьють, мовъ гныду,
«Тебе прогоняць видсиля.»—

«Та не турбуйтесь пани-матко!
Зсвесъ зъ досадою сказавъ:
«Провчу я всихъ — и буде гладко;
«Анахтемъ вичный Турнъ пропавъ!»
Зыркнувъ, мыгнувъ, махнувъ рукою,
Надъ Тыбромъ, чудною рикою,
Вси вrostычъ карабли пишлы;
Якъ гусы въ воду порыналы,
Изъ караблывъ, — сырены стали
И разни писни пиднялы.

Рутульске вйсько и союзне
Дрыжало одъ такихъ чудесъ;
Злякалось племя все окружне,
Мезапъ давъ драла и Талесъ.
Пороснулы и Рутуляны,
Якъ одъ дождчу въ шатеръ цыганы,
А тилько Турнъ одынъ оставсь.
Утикачивъ щобъ переняты,
Щобъ чудо имъ ростолковаты,
По всихъ усюдахъ самъ совавсь.

«Рыбьятушкы! крычавъ, постійте!
«Сежъ ласка Божая для насъ;
«Одкыньте страхъ и не робійте,
«Прийшлось сказать Энею: *пасъ*.
«Чого огнемъ мы не спалылы,
«То богы все те потопылы,
«Теперь Троянцы въ западни.
«Жывцемъ въ земли ихъ загромадымъ,
«Разкомъ на той свить одпровадымъ,
«Богивъ се воля! вирьте мни.»

Велькіи у страха очи.
Вся рать неслась хто швидче змигъ.
Назадъ вертатысь не охочи,
Вси биглы, ажъ не чулы нигъ.
Оставшысь Турнъ, одынъ маячивъ,
Никого вокругъ себе не бачывъ,
Стыогнувъ зыкратого хлыстомъ;
И шапку на очи насунувъ,
Во вси лопаткы въ лагерь дунувъ,
Що коныкъ ажъ вертивъ хвостомъ.

Троянцы изъ-за стинъ дывылысь
Панъ Турнъ якъ зъ вѣйськомъ тягу давъ;
Перевертнямъ морьськымъ чудылысь,
На добре всякъ те толковавъ.
Но Турнови не довирылы;
Троянцы правыло се зналы:
Въ вѣйни зъ врагамы не плошай;
Хоть утика, — не все женыся;
Хоть мовъ и трусытъ, — стережыся;
Скыксуешъ разъ, — тогда прощай!

Для ночи вдвое калавуры
На всихъ поставымы баштахъ,
Лыхтарни вишалы на шнуры,
Ходылы рунды по валахъ.
Въ обози Турна тыхо стало
И тилько, тилько що блыщало,
Одъ слабыхъ, бидныхъ огонькивъ.
Врагы Троянски почывалы,
Одъ трусивъ вылазкы неждалы;
Оставможъ сыхъ хронты сонъкивъ.

У главной башты на сторѣжи
Стоялы Эвріалъ и Нызъ;
Хоть молоди булы, та гожи
И крипки, храбри, якъ харцызь.
Въ ныхъ кровь текла хоть не Троянска,
Якась чужая, — бусурманьська,
Та въ служби вирни козаки.
Для бою ихъ спиткавъ прасунокъ,
Ишликъ къ Энею на вербунокъ;
Бумызъ обидва землякы.

«А що, якъ выкравшысь по малу,
«Забратыся въ Ругульскій станъ?
Шептавъ Нызъ въ ухо Эвріалу:
«То каши наварылы бь тамъ;
«Теперь вони сплять съ перепую,
«Не дрыгне ни одынь ногою,
«Хоть всимъ имъ горла перерижъ.
«Я думаю туды пустыться,
«Передъ Энеемъ заслужыться
«И сотню посадить на низъ.» —

«Якъ? самъ! мене оставышь?»

Спытася Ныза Эвріаль:

«Ни! перше ты мене удавышь»,

«Щобъ я одъ земляка одставъ.

«Видъ тебе не одстану зъ роду,

«Съ тобою радъ въ огонь и въ воду.

«На сто смертей пиду съ тобой.

«Мій батько бувъ сердюкъ опричный,

«Мовлявъ: (нехай покой му вичный)

«Умры на поли якъ герой.» —

«Пожды, и пальцемъ въ лобъ торкныся,

Товарышови Нызъ сказавъ:

«Не все впередъ, — назадъ дывыся,

«Ты зъ лыцарства глуздъ потерявъ.

«У тебе маты есть старая,

«Безъ сымъ и въ бидности, слабая,

«То и повиненъ жыть для ней,

«Одна оставшысь безъ прыюту,

«Яку потерпыть муку люту,

«Таскавшысь мижъ чужыхъ людей!

«Отъ я, такъ чысто сыротына,

«Росту якъ пры шляху горохъ;

«Безъ нени, безъ отця дытына,

«Эней отецъ, — а няня Богъ.

«Иду хотъ за чужу отчызну,

«Не жаль никому хотъ изслызну,

«А памьять вичну заслужу.

«Тебежъ до жызны ридна вяже,

«Убьютъ тебе, вона въ грибъ ляже;

«Жывы для ней, я прошу.» —

«Розумно Нызъ, ты розсуждаешъ,

«А о повинности мовчышь,

«Которую самъ добре знаешъ,

«Мини жъ зо всимъ другу твердышь.

«Де общее добро въ упадку,

«Забудь отця, забудь и матку,

«Леты повинность исправлять;

«Якъ мы Энею прысягали,

«Для його службы жызнь отдады,

«Теперь не вильна въ жызни мать.» —

«Иноси!» — Нызъ сказавъ, обнявшысь
Со Эвріаломъ землякомъ,
И за руки любенько взявшысь,
До ратуши пишли тышкомъ.
Іуль сьдывъ тутъ зъ старшыною,
Змовлялись, завтра якъ до бою
Достанется имъ прыступать.
Якъ-ось ввійшлы два парубійкы,
У брамъ зминувшыся одъ стійкы
И Нызъ громади ставъ казать:

«Бувъ на часахъ я зъ Эвріаломъ,
«Мы пыльновалы супостать,
«Воны теперъ вси сплять поваломъ,
«Уже огни ихъ не горять.
«Дорожку знаю я окромну,
«Въ ничну добу, въ годину сонну,
«Прокрасться можна по-узъ станъ
«И донести пану Энею,
«Якъ Турнъ злый съ челяддю своею
«На насъ налазыть, мовъ шайтанъ.

«Колы зволяетесь, — велите
«Намъ зъ Эвріаломъ попытать,
«Чкурнемъ — и покы сонце зійде,
«Энея мусимъ повидать.» —
«Якажъ одвага въ смутне время!
«Такъ не пропало наше племья?» —
Троянцы вси тутъ заревлы:
Одважныхъ стали обниматы,
Имъ дякати и цимоваты,
И красовулю пиднеслы.

Іуль, Энеивъ якъ наслідникъ,
Похвальну рацію сказавъ;
И свій палащъ, що звавсь *побидникъ*,
До боку Ныза прывьязавъ.
Для мылого же Эвріала
Не пожаливъ того кынжала,
Що батько у Дидоны вкравъ.
И посульивъ за ихъ услугу
Земли, овецъ и дати по плугу,
Въ чыновни ввывестъ обещавъ.

Сей Эвріаль був молоденькій
Такъ, годивъ зъ девятнадцать мавъ,
Де усу быть, пушокъ мякенькій
Биленьку шкуру пробывавъ;
Та бувъ одвага и завзятый,
Сылачь, козакъ лыцарьковатый,
Но предъ Іуломъ прослезывсь.
Бо зъ матерью винъ разставався,
Ишовъ на смерть и не прощався;
Козакъ прырода покорывсь.

«Іуль Энеевичъ! не дайте
«Пань-матци вмерты одъ нужды,
«Иій будьте сыномъ, помогайте
«И заступайте видъ вражды,
«Одъ бидъ, напрасныны, нападку;
«Вы самы малы пани-матку,
«То въ серци маете и жаль;
«Я вамъ старую поручаю,
«За васъ охотно умераю.» —
Такъ мовивъ чулый Эвріаль.

«Не бійся добрый Эвріале,
Іуль йому сей давъ отвить:
«Ты служышь намъ не запропале,
«На смерть несешъ за насъ жывить.
«Твоимъ быть братомъ не стыжуся
«И неню заступать кленуся,
«Тебе собою заплачү:
«Пайокъ, одежу и кватыру,
«Пшона, м' ѳі, яецъ и сыру
«По смерть, въ довольстви назнача.»

И такъ, отважна наша пара
Пустылася въ Рутульскій станъ.
На те и мисяць вкрыла хмара,
И поле вкрывъ густый туманъ.
Було се саме о-пив-ночи;
Рутульци спалы скільки мочи,
Сывуха сну имъ пиддала;
Роздигшыся пороскладальсь,
Въ безпечности не сподивальсь
Ни одъ кого, ни яка зла.

И часовые на мушкетахъ
Поклавшысь, спалы назаказъ;
Хроплы вси пьяни на пикетахъ,
Тутъ ихъ заставъ послидній часъ!
Переднюю побывшы стражу,
Полизлы въ станъ варыты кашу;
Нызъ тутъ товаришу сказавъ:
«Прыляжъ къ земли ты для пидслуху,
«А я задамъ Рутульцямъ духу;
«Гляды, щобъ насъ хто не спиткавъ.»

Сказавшы, першому Раменту
Головку буйную одтявъ;
Не давъ зробить и тестаменту,
Къ чортамъ його на викъ пославъ.
Сей на рукахъ знавъ ворожыты,
Кому знавъ скилько вику жыты,
Та не соби винъ бувъ пророкъ.
Другымъ мы часто пророкуемъ,
Якъ знахури чуже толкуемъ,
Собижъ шукаемъ цыганокъ.

А посли Ремовыхъ винъ воивъ
По одному всихъ подушывъ;
И блюдолызивъ, ложкамоивъ
Впрахъ, въ дребезгы перемизжывъ.
Намацавшы жъ самого Рема,
Потыснувъ, мовъ Хому Ярема,
Що й очи выскочылы пречъ;
Вхватывсь за бороду кудлату
И злому Тр супостату
Макитру отдилывъ одъ плечъ.

Вблызи тутъ бувъ наметъ Серрана,
На сього Нызъ и наскакавъ;
Винъ тилько-що роздигсь съ каптана
И смачно по вечери спавъ.
Нызъ шаблею мазнувъ по пупу,
Задъ зъ головою сплющывъ вкупу,
Що изъ Серрана выйшовъ ракъ;
Бо голова мижъ нигъ вплелася,
А задня въ гору пиднялася;
Умеръ фыгурно неборакъ!

И Эвріаль, якъ Нызъ возывся,
То не гулявши простоявъ;
Винъ также къ соннымъ докосывся,
Врагивъ на той свить одправлявъ.
Коловъ и ризавъ безъ розбору
И якъ ни хто не мавъ зъ нымъ спору,
То поравсь мовъ въ кошари вовкъ;
И выборныхъ, и пидпомощныхъ,
И простыхъ, и старшихъ вельможныхъ,
Хто ни попавсь, того и товкъ.

Попався Ретусъ Эвріалу,
Сей не зовсимъ ище заснувъ;
Прыйихавшы одъ Турна зъ балу,
Пальонкы дома ковтонувъ
И тилько, тилько забувався,
Якъ Эвріаль къ йому пидкрався
И просто въ ротъ кынжалъ уткнувъ;
И прыколовъ його якъ квитку,
Що бабы колють на намитку,
Туть Ретусъ душу изрыгнувъ.

Нашъ Эвріаль остервенывся,
Забувъ, що на часокъ зайшовъ;
Въ наметъ къ Мезапу бувъ пустывся,
Тамъ можебъ смерть соби найшовъ;
Но повстричався зъ другомъ Нызомъ
Съ запальчывымъ, якъ самъ, харцызомъ,
Сей Эвріала удержавъ.
«Покыньмо кровъ врагамъ пускаты,
«Пора намъ в' иль уплитаты,»
Нызъ Эвріалови сказавъ.

Якъ вовкъ овецъ смиренныхъ душыть,
Колы въ кошару завыта,
Курчатамъ тхиръ головки сушыть,
Безъ крыку мизокъ высмокта.
Якъ добре время угодывши
И сиркою хливъ накурывшы,
Безъ крыку крадутъ слымакы
Гусей, качокъ, курей, индыкивъ
У Геваливъ и Аммалыкивъ,
Що роблять часто и дякы.

Такъ наши смилые воякы,
Тутъ мовча прольивалы кровъ;
Одъ ней краснилыся мовъ ракы,
За честь и къ князю за любовъ.
Любовъ къ отчизни де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сильнѣйша одъ гармать,
Тамъ жызнъ — алтынъ, а смерть — копѣйка,
Тамъ лыцарь — всякѣй парубѣйка,
Козакъ тамъ чортови не братъ.

Такъ порався Нызъ зъ Эвриаломъ,
Далы Рутульцямъ накарпасъ;
Земля взялась одъ крови каломъ,
Полякъ пиднявся бѣ по самъ пасъ.
Но наши, по крови бродылы,
Мовъ на торгу музѣкъ водылы
И убиралысь на просторъ:
Щобъ швидче поспышуть къ Энею,
Похвастать храбростью своею
И Турнивъ розказать задоръ.

Уже изъ лагеря щастливо,
Убралысь наши смилычакы;
Радило сердце нетрусливо,
Жвяхтилы мокри лычакы,
Изъ хмары мисяць показався
И одъ земли туманъ пиднявся,
Все вищовало добрый путь.
Якъ-ось Волсентъ гулькъ изъ долины,
Съ полкомъ . . . льнської дружыны.
Бида! якъ нашымъ увыльнуть?

Далы якъ разъ до лису тягу,
Быстрише биглы одъ хортивъ;
Спасалысь бидни на одвагу,
Видъ супостативъ, ворогивъ.
Такъ пара горлычокъ невинныхъ
Летять спастысь въ лисахъ обшырныхъ,
Одъ злого кибчыка когтей.
Но зло назначенне судьбою,
Слidyтеме скрызъ за тобою,
Не утечешъ за сто морей.

Латынці до лису слидылы,
Одважныхъ нашихъ розбышакъ,
И часовымы окружылы,
Що зъ лису не шмыгнешь ни якъ;
А часть розсыпавшысь по лису,
Піймалы одного заризу,
То Эвріала молодця.
Тогди Нызъ на вербу збирався,
Якъ Эвріаль врагамъ попався,
Мовъ мижъ вовкивъ плоха вивця.

Нызъ глядь, и бачыть Эвріала,
Що тишатся нымъ ворогы;
Важка печаль на серце пала,
Крычыть къ Зевесу: «помогы!»
Копье булатне направляє,
Въ Латынцывъ просто посылае,
Сульмону серце пробыва;
Якъ снигъ на землю повальвся,
Не вспивъ и охнуть, а скрывывся,
Въ послідній разъ Сульмонъ зива.

Вслидъ за копьемъ стрилу пускае
И просто Тагови въ высокъ;
Душа изъ тила вылитае,
На жовтый, пада трупъ, писокъ.
Волсентъ утратывъ воивъ пару,
Кленеть не выдымую кару
И въ яросты, якъ виль, реве.
«За кровь ульмонову и Тага,
«Умрешъ проклята упыряга,
«За нымы въ слидъ пошлю тебе.»

И замахнувсь на Эвріала,
Щобъ снять головку палашемъ;
Туть храбристь Нызова пропала,
И серце стало кулишемъ.
Бижыть, летыть, крычыть що сылы:
«*Пеккатумъ* робышь *фратерь* мыльй,
«Невынному *морс* задаешъ:
«Я *стультусъ*, *лятро*, розбышака,
«*Неквиссимусъ* и гайдамака;
«Постій! невынную кровь льешъ.»

Но замахнувшись, не вдержався,
Волсентъ головку одчесавъ;
Головка, мовъ кавунъ качався,
Языкъ не внятно белькотавъ.
Уста коральни посынили,
Румьянни щокы поблиднили
И бильй цвигъ въ лыци пожовкъ;
Закрылыся и ясни очи,
Покрылыся тьмою вичной ночи,
На викы мыльй гласъ умовкъ.

Уздришы Нызъ трупъ Эвриала,
Одъ яросты осатанивъ;
Всихъ злостей выпустывшы жала,
Къ Волсенту просто полетивъ.
Якъ блыскавка проходить тучу,
Винъ такъ пробигъ врагивъ мижъ кучу
И до Волсента докосывсъ:
Схватывъ його за чубъ рукою,
Мечъ въ сердце засадывъ другою,
Волсентъ и духу тутъ пустывсъ.

Якъ искра порохъ запалывшы,
Сама зъ нымъ вкупи пропада;
Такъ Нызъ Волсентія убывшы
И самъ лышывся живота;
Бо вси на його и напалы,
На смерть звертили и зимьялы
И голову знялы съ плечей.
Такъ кончь і жызнъ козарлюгы,
Зробывшы славныи услуги,
На вичность памьяты своей.

Латынцы заразъ изробылы
Абы-якъ мары изъ дрючкивъ;
На ныхъ Волсента положылы
И понеслы до землякивъ.
А буйни головы поклалы
Въ мишокъ, и тежъ зъ собой помчалы,
Мовъ пару гарныхъ Дубивокъ.
Но въ лагери найшлы ризныци,
Лежалы бытыхъ мясъ копыци,
Пичинокъ, легкого, кышокъ.

Якъ тилько-що востокъ зардився,
Свитылка Фебова взійшла;
То Турнъ тогда уже найився,
Опьять о битви помышлявъ.
Веливъ тревогу бытъ въ клепало,
Щобъ вѣйсько къ бою выступало,
Отдать Троянцямъ зъ барышкомъ
За зроблену въ ночи потиху;
Для бильшого жъ съ Троянцевъ смиху,
Веливъ взять головы зъ мишкомъ.

Свогожъ держася уговору
Троянцы въ крепосты сѣдять,
Забылыся мовъ мыши въ нору,
Лукаву кишку якъ уздрять.
Но дать одпоръ булы готови
И, до остатней капли крови,
Свою свободу боронить
И нову Трою защщаты,
Рутульцямъ перегону дати
И Турна лютость осрамыть.

На перву Рутулянъ попытку
Троянцы такъ дали въ отвигъ,
Що Турнъ соби росчухавъ лытку,
Одъ стыду скорчыло жывить.
Звеливъ зъ досады, гниву, злосты,
На глумъ пидняты мертви косты,
На щоглы головы наткнутъ
Несчастныхъ Ныза съ Эвріаломъ,
Передъ самымъ Троянскимъ валомъ,
Щобъ сымъ врагивъ своихъ кольнуть.

Троянцы заразъ одгадалы
Чи то головы стремлять;
Одъ жалоу слезы попускалы,
Такыхъ лышывшысь парубьятъ.
Объ мертвыхъ висть скризь пронеслася,
Вся рать Троянска потряслася,
И души смутку предальсь.
Якъ маты висть таку почула,
То тилько вично не заснула,
Бо зубы у неи стялысь.

А одійшовшы въ груди былась,
Волосся рвала зъ головы,
Ревла, щыпалася, дрочылась,
Мовъ умъ змішався у вдовы:
Побигла съ крикомъ вокругъ вала
И голову колы признала
Свого сыночка Эвруся,
То на валу и расплаталася,
Крычала, гедзалася, качалася,
Кувикала мовъ поросся.

И дыкымъ голосомъ завыла:
«О сыну! свить моихъ очей!
«Чи яжъ тебе на те родыма,
«Щобъ згынувъ ты одъ злыхъ людей?
«Щобъ ты мене стару, слабую,
«Завившы въ землю сю чужую,
«На вичный вискъ осыротывъ.
«Моя ты радистъ и отрада,
«Моя заслона и ограда;
«Мене одъ всихъ ты боронывъ.

«Теперь до кого прыхылюся,
«Хто злую долю облегчыть?
«Куды въ биди я прытулюся?
«Слабу ни хто не прыглядыть!
«Теперь прощайте вси поклоны,
«Що получала, во дни оны,
«Одъ вдовъ, дивчатъ и молодыць;
«За дывни бр...и собољыни,
«За очи ясни сокољыни,
«Що здатный бувъ до вечерныць.

«Колыбъ мини твій трупъ достаты
«И тило билее обмыть,
«И съ похорономъ поховаты;
«До ямы зъ мыромъ проводить.
«О богы! якъ вы допустылы?
«Щобъ и одынчыка убылы
«И настромылы на виху
«Його козацькую головку;
«Десь свить вертытсся сей безъ толку,
«Що тутъ дають и добрымъ тьху.

«А вы, що Эвруся згубымы;
«Щобъ вашъ пропавъ собачій ридь!
«Щобъ вашижъ диты васъ побымы,
«Щобъ зъ потрухомъ погыбъ вашъ плидь!
«Охъ! чомъ не звирь я, чомъ не лвыця?
«Чомъ не скажена я вовчыця?
«Щобъ мни Ругульцивъ розидратъ;
«Щобъ сердце вырвать съ требухою,
«Умазать морду ихъ мазкою;
«Щобъ маслакы ихъ посмоктать.»

Сей галась и репетованья,
Троянъ всихъ въ смутокъ привело;
Плаксывее съ сынкомъ прощанья,
У всихъ зъ очей слизкы тягло.
Асканій билше всихъ тутъ хлыпавъ,
И губы такъ соби задрывавъ,
Що мовъ на його сапъ напавъ.
Къ старій зъ поклономъ пидступывшы,
На оберемокъ ухватывшы,
Въ землянку зъ валу потаскавъ.

А тутъ крычать, та въ трубы сурмять,
Свыстятъ въ свыстилкы, дмутъ въ рогы;
Квылять; братъ брата въ батька луплять;
Въ наскокъ ярятся ворогы.
Тутъ ржання киньське съ тупотнею,
Тамъ разный гоминъ зъ стукотнею,
Скризь хлопить, халепа, столыхъ!
Такъ въ миднѣ клекотытъ гарячій,
Такъ въ кабацы крычытъ пиддячій,
Якъ кажуть, хотъ вынось святихъ.

Гей музо панночко цютлыва,
Ходы до мене погостыть!
Будь ласкава, будь не спесьыва,
Дай помичъ мни, стышокъ сложыть!
Дай помичъ бытву описаты
И про вѣйну такъ розказаты,
Мовъ твѣй языкъ бы говорывъ.
Ты, кажуть, дивка не брыкыва,
Але одъ старосты сварыва;
Просты! я може досадывъ,

И въ самій речи проступився, —
Старою дивчыну назвавъ,
Нихто зъ якою не любився,
Ни женихавсь, ни жартовавъ.
Охъ! скільки музъ такихъ на свити!
Во всякимъ городи, въ повити!
Укрымыбъ зъ верху въ низъ Парнассь.
Я музу кличу не такую:
Веселу, гарну, молодую;
Старыхъ, нехай брыка Пегасъ.

Рутульци дралыся на стины,
Карабкалыся якъ жуки.
Турнъ зъ яросты дрыжавъ и пинивъ,
Крычыть:» дружненько козаки!»
Въ свою Троянцы также чергу,
Въ одбои поралыся зъ верху,
Рутульцивъ плющылы яхъ мухъ.
Пускалы колоддя, каминня,
И враже такъ товклы насиння,
Що у Рутульцивъ хлявъ и духъ.

Турнъ бачывшы Троянъ роботу,
Якъ рать Рутульскую трощать,
Якъ бьютъ ихъ не жалія поту,
Рутульци мовъ вьюны пыщатъ;
Веливъ везты зо всихъ олійныць,
Де тилько есть, изъ воскобійныць,
Якъ можна швидче тараны.
Якъ разъ и тараны вродьмысь,
И воскобійныкы явымысь,
Прымчалысь духомъ сатаны.

Прыставивъ тараны до брамы,
Въ ворота зачалы гатыть;
Одвиркы затрясдысь мовъ рамы
И снасть одъ бою вся трищыть.
Турнъ сылы вдвое прыкладае
И тараны самъ направляе,
И браму рушыты велыть.
Упала! стукомъ оглушыла,
Троянъ багацько подушыла,
Турнъ въ крепость впертысь поровыть.

Бида Троянцямъ! що робыты?
А муза каже:» не жахайсь,
«Не хысть ихъ Турну побидыты,
«Въ чужую казку не мишайсь.»
Троянцы напьялы вси жылы
Та вмьгъ проломъ и заложылы,
И грудью стали боронить;
Рутульци бисомъ увывалысь,
Но на проломъ не насовалысь,
А Турнь не знавъ, що и робыть.

Троянецъ Геленоръ отважный
И якъ бурякъ червоный Лыкъ,
Горлань, верлань, кулачныкъ страшный
И щырый кундель-степовыкъ.
Сымъ двомъ бездилля—всяке горе,
Здавалось по колина море,
Потиха жъ — головы зрывать.
Давно имъ въ голове роилось,
И мовъ на поступкы хотилось,
Рутульцямъ перегону дать.

Такъ Геленоръ съ червонымъ Лыкомъ,
Роздигшыся до сорочокъ,
Мижъ вештаннямъ, содомомъ, крикомъ,
Пробралыся подуть тычокъ.
Рутульцивъ добре тасовалы
И одъ Рутульцивъ получалы
Квытанцію въ своихъ долгахъ.
Лыкъ тилько тымъ и отмычывся,
Що якъ до Турна прымоствывся,
То зыйиздывъ добре по зубахъ.

Но Турнь и самъ бувъ розбышака
И Лыка сплющывъ въ одынь махъ;
Изъ носа брызнула кабака,
У Турна околивъ въ ногахъ.
А также пану Геленору
Смертельного далы затьору,
И сей безъ духу тутъ оставсь.
Рутульцивъ се возвесельмо
И такъ ихъ сердце ободрыло,
Що и негідный скрызъ совавсь.

Натыснули и напустылись,
Рутульци кынулись на валъ;
Троянцы якъ чорты озлылись,
Рутульцивъ были наповалъ.
Трищалы кости, ребра, боки,
Летилы зубы, пухлы щокы,
Зъ носивъ и усть юшыла кровь:
Хто рачкы лизъ, а хто простягся,
Хто бувъ шкереберть, хто качався,
Хто бувъ, хто ризавъ, хто коловъ.

Завзятость всихъ опановала,
Тутъ всякый пинивъ и яривсь;
Тутъ лютость всемы управляла
И всякый до насаду бивсь.
Лыгарь, ударомъ макогона,
Духъ выпустивъ изъ Эмфюна,
И самъ на вики зубы стявъ.
Лутеций бьетъ Илюнея,
Циней Арефа, сей Циней,
Одынъ другого тасовавъ.

Ремуль Рутульской породы,
Троюродный бувъ Турну свать;
Хвастунъ и дурень одъ природы,
Що ни робивъ, то все не въ ладъ:
И тутъ начавъ що-сьмъ крычаты,
Троянцевъ лаять, укоряты,
Себе и Турна вельчать:
«Ага! проклятые поганци,
«Недогарлы Троянски, ланци!
«Теперь прыйшлось вамъ погыбать.

«Мы васъ одучимъ, супостаты,
«Морыты вдовъ, дурить дивокъ;
«Чужии зѣмли одиматы
«И шкодыты чужый садокъ.
«Давайте вашого гульвису,
«Я вмыгъ його одправлю къ бису
«И васъ подавимо якъ мухъ;
«Чого прыйшлы вы голодрабци?
«Лыгать Латынськii потапци?
«Пождить, — вашъ вытиснымъ мы духъ.»

Іуль Энеевичъ дочувшысь
До безтолковыхъ сыхъ ричей,
Якъ шкурка на огни надувшысь,
Злость запалала изъ очей.
Вхопывъ каминчыкъ, — прыцилывся,
Зажмурывъ око, — прыложывся
И Ремула по лобу хвысь!
Хвастунъ бездушный повалывся,
Іуль сердешно взвеселывся,
А у Троянъ духъ оживысь.

Пишлы кулачни накарпасы,
Въ выскы и въ зубы стусаны;
Полизлы тельбухы, ковбасы,
Вси пиньмы якъ кабаны.
Вси розьярымысь черезъ миру;
По Сербськы вельчалы виру;
Хто чымъ попавъ, то тымъ локшывъ.
Пиднявся пыскъ, стогнання, охы,
Врагъ на врага скакавъ мовъ блохы,
Кусався, грызъ, щыпавъ, душывъ.

Служымы у Троянъ два браты,
Изъ ныхъ бувъ всякый Голяфъ;
Шырокоплечій и мордатый,
И по вивци цилкомъ глытавъ.
Одынъ дражнывся Быгасомъ
И съ Кочубейскымъ винъ Тарасомъ
Кольбъ за-ввышкы не ривнявъ;
Другый же братъ Пандаромъ звався,
И в. ацій одъ версты здавався,
Та вьямый, мовъ верблюдь, тынявъсь.

Два браты гризни исполыны
Въ бою стоялы у воротъ,
Дрючкы держалы зъ берестыны
И боронымы въ крепость входъ.
Воны къ земли попрысидалы,
Троянцы жъ въ городъ одступалы,
Къ соби манулы Рутулянъ.
Рутульци зрятъ навстяжъ ворота,
Прожогомъ въ крепость вся пихота
Спишытъ, насисты на Троянъ.

Но хто лышь въ городъ показався,
Того въ яешню и побьютъ;
Бытіасъ съ братомъ управлявся,
Безщадно кровь Рутульску льютъ.
Рутульци съ крикомъ въ городъ прутся;
Якъ одъ серпа колосся жнутся.
Якъ надъ пашней хурчатъ щипы,
Такъ Исполынскіи дрючины
Мозчылы головы и спыны,
И всихъ молотятъ, мовъ снопы.

Побачывъ Турнъ таку проруху,
Одъ злосты весь осатанивъ;
Здрыгнувъ, мовъ выпывъ чепуруху,
Къ своимъ на помичъ полетивъ.
Якъ тилько въ крепость протаскався,
Тузыты заразъ и прынявся,
Хто тилько пидъ руку попавъ:
Убивъ винъ съ Афидномъ Мерона
И зо всего побигъ розгона,
Де Бытіасъ въ крови купавъ.

Зъ наскоку триснувъ булавою
По вьзихъ, вельканъ упавъ;
Объ землю вдарывъ головою
И крепость всю поколыхавъ.
Реветь и душу выпускаетъ
И воздухъ гримомъ наполняетъ,
На всихъ напавъ велькій страхъ!
Не спасъ ни ростъ, ни сыла многа,
Пропа... Бытіасъ, мовъ стонога;
И исполынъ есть червъ и прахъ!

Пандаръ погыбель бачывъ брата,
Злякався, звомпывъ, замишавъ,
И одъ Рутульска стратылата
Якъ-мога швидче убиравъ.
Промижъ оселею хылявся,
Тыны переступавъ, ховавъ.
И щобъ одъ Турна увильнуть,
Ворота зачынивъ у брамы
И завальвъ ихъ колоддямы,
Хотивъ одъ бою отдохнуть.

Но якъ же сыльно удывывся,
Якъ Турна въ крепосты уздривъ;
Тогди изъ нужды прыбодрився
И злостью весь закъпивъ.
«Ага! ты шыбенькъ поався,
«Безъ зву къ намъ въ гости навязався,
Пандаръ до Турна закрывавъ:
«Пожды, отъ заразы почастью,
«Изъ тебе выбыо душу злую,
«До сього часу храбровавъ!» —

«А ну прылизъ, Турнъ отвичае:
«Келебердянская верства!
«Якъ бью я, братъ твй тее знае,
«Ходы, тоби вкручу хвоста.»
Туть Пандаръ камень пиднимае
И въ Турна зо всехъ жылъ пускае,
Нырнувъ бы Турнъ на выкы въ адъ!
Но де Юнона ни взялася,
И передъ Турномъ распьялася,
Попавъ богыню камнемъ въ ладъ.

Незриму чует Турнъ заслону,
Бодрытся, скачетъ на врага,
На помичъ призыва Юнону,
Пандара по лобу стьога
И вовся зъ нигъ його зшыбае,
До мизку черепъ розбивае;
Пропавъ и другй великанъ!
Така потеря устрашма
И сердце брее смутьма
У самыхъ храбрйшихъ Троянъ.

Удачею Турнъ ободрився,
По всехъ усюдахъ смерть носывъ;
Якъ кнуръ свирпый розьярився,
И безъ пощады всехъ косывъ.
Розикъ на двое Филарыса,
Въ яешню ростоптавъ Галыса,
Крыфею голову одтявъ;
Щолкавъ въ выскы, штурхавъ пидъ боки
И самые кулачни докы
Ховальсь, хто куды понавъ.

Троянцы злее умышляють,
Щобъ пречъ изъ крепосты втикать;
Свое лахмитя забирають,
Куды удасться тягу дать.
Но ихъ *Обозный Генеральный*,
Надъ всимы остававсь начальный,
Серестъ вельможный обизвавсь:
«Куды? — вамъ сорома немае!
«Хто чувъ? Троянецъ утихае!
«Чого нашъ славный ридъ дожывсь!

«Одынъ палывода яруе,
«А васъ тутъ стилько, боетесь;
«Въ господи вашій вередуе,
«Рутульскій шолудывый песь.
«Що скаже свить про насъ Трояне?
«Що мы шатерныкы, — цыгане,
«Що мы труслывыйши жывидивь.
«А князь нашъ бидный, що помыслить?
«Аджежъ за воинивъ насъ чыслить,
«За внукивъ славнейшыхъ дидивь.

«Збирится, Турна окружите,
«Не сто разъ можна умерать;
«Гуртомъ, — гуртомъ його наprite,
«Одъ васъ винъ мусить пропадать.»
Агу! Троянцы схаменулись,
Та вси до Турна и сунулись;
Панъ Турнъ тутъ на слызьку попавъ!
Вылявъ, хытрывъ и увывався,
И тилы къ Тыбру що добрався,
То въ воду стрыбъ, — пустывся вплавъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ВИРГИЛIEВА ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ VI.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Цензоръ Никитенко.

Зевесъ моргнувъ якъ криль усамы,
Олимпъ мовъ лыстыкъ затрусывсь;
Мыгнула блыскавка съ громамы,
Олимпскій потрухъ взворушивсь.
Богы, богыни и пивбогы,
Простоволоси, босоноги,
Бижать въ Олимпську Карвасарь (*).
Юпитерь гнивомъ распаленный,
Влетивъ до ныхъ мовъ навиженный
И крыкнувъ, якъ на гончыкъ псарь:

(*) Карвасарь, Словесный Судъ на ярмаркахъ, бывшихъ прежде въ Малороссійскихъ городахъ.

«Чи довго будете казытысь,
«И стыдъ Олимпови робыть?
«Що день проміжъ себе сварытысь,
«И смертныхъ съ смертнымы травыть?
«Поступкы ваши вси не божи;
«Вы на сутяжникивъ похожи
«И рады мордовать людей;
«Я васъ изъ неба поспыхаю
«И до того васъ укараю,
«Що пасты будете свыней.

«А вамъ, Олимпськи зубоскалки,
«Моргухы, дзыгы, фыгляркы,
«Березовой дамъ прышаркы,
«Що довго буде вамъ въ тямкы.
«Охъ вы на смертныхъ дуже ласи!
«Якъ Грекъ на Ниженськи ковбасы,
«Все лыхо на земли одъ васъ.
«Чрезъ ваши зводни, женьханя,
«Не маю я ушанованя;
«Я намочу васъ въ шевській квась.

«Або отдамъ васъ на роботу,
«Запру въ смырытельныхъ домахъ,
«Тамъ выженуть изъ васъ охоту
«Содомыть на земли въ людяхъ.
«Або я лучшу кару знаю,
«Ось-якъ богынь я укараю:
«Пошлю васъ въ Запорожську Сичъ;
«Тамъ вашихъ каверзъ не вважають,
«Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють,
«Въ день пьяни сплять, а крадутъ въ ничъ.

«Не вы народъ мій сотворылы,
«Не хысть создать вамъ червяка;
«На щожъ людей вы роздрочылы?
«Вамъ нужда до чужыхъ яка?
«Божусь моею бородою
«И Гебеною пеленою,
«Що тыхъ богивъ лышу чынивъ,
«Яки теперь въ війну вплетутся;
«Нехай Эней и Турнъ скубутся,
«А вы глядите своихъ чубивъ.»

Венера молодыця смила,
Бо все зъ военнымы жыла,
И быте зъ нымы м'ясо йила;
И по трахтырахъ пунштъ пыла;
Частенько на соломи спала,
Въ шенели сирій щеголяла,
Походомъ на визку тряслась;
Манышкы офыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

Венера по драгунськы—смило
Къ Зевесу въ вытяжку иде,
Начавшы говорыты дило,
Очей зъ Зевеса не зведе:
«О тату сыльный, вельчавый!
«Ты всякій помысль зрышь лукавый,
«Тебе ни хто не проведе;
«Ты окомъ землю назыраешъ,
«Другымъ за нами прыглядаешъ,
«Ты знаешъ, що, и якъ, и де.

«Ты знаешъ для чого Троянцывъ
«Злымъ Грекамъ попустывъ побыть;
«Энея съ прыгорщею ланцивъ
«Веливъ судьбамъ не потопить;
«Ты знаешъ лучше всихъ прычыну,
«Чого Эней прыплывъ къ Латыну
«И била Тыбра посельвсь?
«Тыжъ словомъ що определяешъ,
«Того викъ не одминяешъ;
«Видкиль же Турнъ тутъ прытулывсь?

«И що такее Турнъ за свято,
«Що не вважае и тебе?
«Фрыгійське племя не проклято,
«Що всякій еретькы скубе;
«Твои законы бъ исполнялысь,
«Кольбъ Олимпськи не мишалысь
«И не стравлялы бы людей.
«Твоихъ прыказивъ не вважають,
«Нарошно Турну помагають;
«Бо, бачъ, Венерынъ сынъ Эней.

«Троянцѣвъ бѣдныхъ и Энея
«Хто не хотѣвъ, той не пужавъ;
«Терпила гирше Прометея,
«На люльку що огню укравъ.
«Нептунъ зъ Эломъ зъ перепросу
«Дали такого перечосу,
«Що й дѣси зашпоры щымлять.
«Другіежъ боги що казаты?
«Дила ихъ лучше мусишь знаты,
«Энея тилько не зъидяты.

«О Зевсъ! о батечку мій ридный!
«Огляньсь на плачь дочкы своей;
«Спасы народъ Фрыгійській бѣдный,
«Винъ дило есть руки твоей.
«Якъ маешь ты кого караты,
«Карай мене—карай! я маты,
«Я все стерплю рады дитей! —
«Услышь Венеру многогришну!
«Скажы мни ричь твою утишну:
«Щобъ живъ Іулъ, щобъ живъ Эней!» —

«Мовчать! прескверна пащыкухо!
Юнона злобна порошчыть:
«Финдюрко, ящирько, брехухо!
«Якъ дамъ! — очипокъ излетыть;
«Ты смієшь кошени мерзене,
«Зевесу доносить на мене,
«Щобъ тымъ насъ прывесты въ розладъ:
«За кого ты мене прыймаешь?
«Ибажъ ты сучыще не знаешь,
«Що Зевсъ мій чоловікъ и братъ?

«Тобижъ Зевесъ, скажы, не стыдно,
«Що предъ тобою дрянъ и прахъ,
«Базика о богахъ обыдно,
«Мудруе о твоихъ дилахъ;
«Якій ты свита повельтель?
«И нашъ Олимпський предводитель,
«Колы протывъ финдюрки пасъ? . . .
«Всесвитня волоцюга, мерзъка,
«Никчемна зводныця Цытерьська,
«Для тебе лучшая одъ насъ.

«А зъ Марсомъ чи давно піймавши,
«Вулканъ йій пелену видтявъ;
«Ризкамы добре одидравшы,
«Якъ сучку въ ретязку державъ.
«Но ты того буцимъ не знаешъ,
«Якъ честную ти прыймаешъ
«И все робыть для неи радъ.
«Вона и Трою розорыла,
«Вона Дидону погубыла;
«Но все иде для неи въ ладъ.

«Де ся пидтипанка вмишалась,
«То вербья золоте росло;
«Землябъ счастьеивою назвалась,
«Кольбъ таке пропало зло!
«Чрезъ неи вся Латынь возстала
«И на Троянъ ти напала,
«И Турнъ зробывсь Энею врагъ.
«Не можна бидь сихъ изличыты,
«Якихъ успила наробыты
«На неби, на земли, въ водахъ.

«Теперь же на мене звертае,
«Сама наброившы биды;
«И такъ Зевеса умолае,
«Мовъ тилько вылизла зъ воды.
«Невыннычаеъ мовъ Сусанна;
«Незаймана никола панна,
«Що въ хутори сжыла весь викъ.
«Не диждешъ съ бабкою своею —
«Я дока; твому Энею....
«Богыня я! — винъ чоловикъ.»

Венера лайкы не стерпила,
Юнону стала кобенить;
И перепалка закипила,
Одна другу хотила быть.
Богыни въ гниви, также бабы
И такъ же на уторы слабы,
Зъ досады часомъ и брехнуть:
И якъ перекупкы горланять,
Одна другу безчестять, ганять
И ридъ весь съ потрухомъ кленуть.

«Та цытьте чортовы сорокы!
Юпытеръ гризно закрычавъ:
«Обомъ вамъ обибыю я щокы;
«Щобъ васъ бублейныць врагъ побравъ!
«Не буду васъ карать громамы;
«По пятыхъ выбью чубукамы,
«Олимпъ заставляю вымитать;
«Я васъ умію усмырыты,
«Заставлю честно въ свити жыты
«И заразъ дамъ себе вамъ знать.

«Занышкнить, уха наставляйте
«И слушайте, що я скажу;
«Мовчить! роты пороззявляйте,
«Хто пїсне, — морду розмижжу.
«Промижъ Латынцивъ и Троянцивъ,
«И всякихъ Турновыхъ поганцивъ,
«Не сыкайся ни хто въ вїйну;
«Ни хто, ни якъ не помагайте,
«Князькивъ ихъ также не займайте,
«Побачымъ здастся хто кому.»

Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровамы
И богы вrostычь вси пишлы,
И я прощаюсь съ небесамы,
Пора спустытысь до земли
И стать на Шведськую могыму,
Щобъ озырнуть военну сылу
И битву вирно описать;
Купывъ бы музи на охвоту,
Щобъ кочыть помогла роботу,
Бо нигде рыфмъ уже достать.

Турнъ осушывъсь пїсля купання
И ганусною пидкрепывъсь,
Зъ намету выйхавъ зарання,
На крипость сентябрьомъ дывывсь.
Трубыть въ рижокъ! — опять тревога!
Крычатъ, бижать, спищать якъ мога;
Велькая настала сичъ!
Троянцы дуже славно быльсь,
Рутульци трохы поживыльсь,
Насылу розвела ихъ ничъ.

Въ сю ничь Эней уже зблыжався
До городка, що Турнъ облигъ;
Съ Паллантомъ въ човни частовався,
Поивъ всю старшыну якъ мигъ.
Въ розказахъ чванывся диламы,
Якъ храбровавъ зъ людьмы, зъ богами,
Якъ безъ розбору всихъ тузывъ.
Паллантъ и самъ бувъ зла брехачка,
Языкъ його тожъ не клесачка,
Въ брехни Энею не вступывъ.

А ну! старая царь дивыце,
Сидая музо схаменысь!
Прокашляйсь безъ зубивъ сестрыце,
До мене бльжче прыхымысь!
Кажы: якіе тамъ прасункы,
Въ Энеевы пишлы вербункы,
Щобъ протывъ Турна воювать.
Ты музо, кажуть вси, письменна,
Въ Полтавській школи наученна,
Всихъ мусишь поименно знать.

Чытайте жъ, муза що бормоче:
Що тамъ зъ Энеемъ пльывъ Массыкъ,
Линтяй, ледащо неробоче,
А сыльный и товстый мовъ быкъ.
Тамъ правывъ каюкомъ Тыгренко,
Изъ *Стеховкы* (*) то шынкаренко
И вивъ съ собою сто ярыгъ.
Бльизъ сыхъ пльмы дубы Аванта,
Винъ.. бувъ страшнійшій одъ сержанта;
Бо всихъ, за все, по спыни стрыгъ.

Поотдалъ пльывъ байдакъ Астура,
Сей лежнемъ въ вынныцяхъ служывъ;
На нимъ була свынйча шкура,
Котору винъ якъ плащъ носывъ.
За нимъ Азымлась пльывъ на барци,
Се родычь нашій паламарци,
Недавно зъ кошелькомъ ходывъ;
Но, бачъ, безокая фортуна,
Зробыла паномъ изъ чупруна.
Такыхъ не мало бачымъ дывъ!

(*) Небольшое селеніе близъ Полтавы.

А то на легкому дубочку,
Що роззолочений весь въ прахъ,
Сыдыть росхриставшы сорочку,
Зъ Турецкымъ чубукомъ въ зубахъ?
То Цынарысь, цехмыстръ картюжный,
Фыглярь, обманщыкъ, плуть безбожный,
Зъ собой всихъ шахраивъ веде;
Колы, бачъ, Турна не зділють,
То картамы уже подіють,
Що мижъ старці Турнъ попаде.

А то сыдыть въ брыли, въ керей,
Съ товстою кныжкою въ рукахъ,
И всимъ, бачъ, гонить ахыней,
И спорить о своихъ правахъ?
То, родомъ зъ Глухова, юриста,
Винъ мае чынъ Канцелярыста
И есть добродій Купавонъ.
Щобъ *Значкового* дослужыться
И на війни чымъ поживыться,
Вступывъ въ *Энейв* легіонъ.

А то беззубый, говорливый,
Сухый, неvirный, якъ шкелеть,
И лысый и брехунъ сварливый?
То выхрысть изъ жыдивъ Авлетъ.
Недавно на другій женывся,
Та, бачъ, въ рахунку помельывся,
Изъ жару въ поломья попавъ;
Щобъ одъ ягы якъ одвязатысь,
Мусивъ въ військо записытысь
И за шпыгона на годъ ставъ.

Ище тамъ есть до пивдесятка,
Но дрибязокъ и гольтипа;
Въ такыхъ не буде недостатка,
Хоть въ день ихъ згыне и копа.—
А скільки жъ всихъ?—того не знаю,
Хоть муза я,—не одгадаю,
По пальцямъ тожъ не розличу;
Бигъ-ме! на щотахъ не учылась,
Надъ карбижемъ тожъ не трудылась,
Я, що було, те лепечу.

Уже Волосожарь пиднявся,
Визь на неби въ низь повертався,
И де-хто спаты укладався,
А хто пидь бурной вытягавсь.
Онучи ынчи полоскалы,
Други лежа розмовлялы,
А хто прудывся у кабыць.
Старшій пидпывшы розійшлыся
И дома за люльки взялыся,
Лежалы бокомъ, навзничъ, ныць.

Эней одынъ не роздягався,
Эней одынъ за всихъ не спавъ;
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрявся,
(Бо самъ за всихъ и одвичавъ.)
Якъ Турна ворога побыты,
Царя Латына ускромьты
И успокоиты народъ.
Въ сій думци смутно похожая
И мыслью богъ зна де литая,
Пидь носомъ бачыть короводъ.

Ни рыбы то булы, ни раки,
А такъ, якъ бы кружокъ дивчать;
И бовталыся якъ собаки,
И въ голосъ якъ кишки нявчать.
Эней здрыгнувсь и одступае
И да воскреснетъ въ слухъ чытае,
Но сымъ ни трохы не помигъ;
Ти чуда зъ смихомъ, зъ реготнею,
Вхватъ ысь за полы зъ матнею,
Эней ажъ на помистъ прылигъ.

Тогди одна къ йому сплыгнула
Такъ, мовъ цвиркунъ, або блоха,
До уха самого прыльнула,
Мовъ гадына яка лыха
«Чи не пизнаешъ насъ Энею?
«Та мы жъ съ персоною твоею,
«Трояньскій весь возылы родъ;
«Мы Идської горы дубына,
«Лыпки, горишына, соснына,
«Зъ якихъ бувъ зроблений твій флотъ.

«До насъ було Туркъ докосывся
«И байдакы вси попалывъ;
«Та Зевсъ, спасы-би, поспишывся,
«Якъ бачъ, *мавкы* поробывъ;
«Була безъ тебе зла година,
«Трохы, трохы твоя дытына
«Не отдала души богамъ,
«Спишы свй городокъ спасаты;
«Ты мусишь ворогамъ тху даты,
«Ты самъ; — повирь моимъ словамъ.»

Сказавшы за нись ущипнула;
Эней мовъ трохы ободрывсь;
И на другихъ хвостомъ махнула,
Ввесь флотъ ниначе поспишывсь;
Мавкы бо стали човны пхаты,
Путемъ наилучшимъ направляты.
И тилько начынався свить,
Эней уздривъ свй станъ въ осади;
Крычыть во гниви и досади,
Що Турна лусне тутъ жывить.

А самъ матню прыбравшы въ жменю,
По поясъ въ воду съ човна плыгъ;
И клыче въ помичъ гарну неню
И всихъ Олимпивськыхъ богивъ.
За нымъ Палантъ, за сымъ вся сволочъ
Стрыбъ, стрыбъ съ човнивъ, Энею въ помочь
И тисно строятся на бой.
«Ну разомъ! закрычавъ, напримо!
«И повиркивъ сокрушимо,
«Рушайте, якъ одынъ, шульгой.»

Троянцы зъ города уздрившы,
Що князь на помичъ къ нымъ иде,
Вси кынульсь, мовъ одурившы,
Земля одъ топотни гуде.
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ Рутульцивъ убывають;
Самъ Турнъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ;
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ войскомъ уздривае
И репетуе до своихъ:

«Рыбьята! быйтесь, не выляйте,
«Наставъ теперь-то сичи часъ!
«Домы, жинокъ, батькивъ спасайте,
«Спасайте, любо що для васъ!
«Ступня не отдавайте даромъ,
«Ихъ косты за гребемъ тутъ раломъ,
«Або—но мы храбриши ихъ!
«Олимпьски насъ не одступылись,
«Впередъ! Троянцы щось смутылись,
«Не жалуйте бокивъ чужыхъ.»

Примитяжъ Турнъ гармидерь въ флота,
Туда всю сылу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти
И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одборныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычьть, рубаетъ, вередуетъ,
Не бьетъ, бачъ, а мовъ жартуетъ,
Бо бувъ вертлявый и сылачъ.

Эней пройдысвить и не промахъ,
Въ вйни и взрись и постаривъ;
Прывидця бувъ во всехъ содомахъ,
Ведмедивъ бачивъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу;
Энеюжъ дуръ не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И н? Рутульцивъ наступае,
Пощупать роберъ и бокивъ.

Фарона першого поглядывъ
По тимью гострымъ кладенцемъ
И добре такъ його уладывъ,
Що сей выльнувъ на верхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груди тыснувъ,
Сей повалывъ и билшъ не пыснувъ;
За нымъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ съ пашнею, повалывся,
И Фаръ на теежъ нахопывся,
Росплющывъ и сього Эней.

Эней тутъ добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошывъ;
Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щыро всихъ на смерть душывъ.
Паллантъ бувъ першій разъ на битви,
Крычавъ жыдкы якъ на молитви,
Аркадянъ къ бою пидтрунявъ.
По фрунту бигавъ, турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ огеръ въ стади ярувавъ.

Тутъ Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы,
Паллантови пиддать тычка;
Но нашъ Аркадець ухылывся,
Рутулець съ жызнею простывся.
Въ Аркадцяхъ закъпила кровь!
Одни другыхъ выпережають,
Врагивъ якъ хмызъ троцать, ламають;
Така пидданцивъ есть любовь.

Паллантъ Эвандровычъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ надъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля изъйивъ.
За сымъ такая жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара.
Ось Ретій въ бендюгахъ летытъ!
Сього Паллантъ стягнувъ за ногу,
Удывъ якъ пузырь объ дрогу,
Мазка изъ трупа капотытъ.

Ось! ось! ярытся, бисомъ дыше!
Агамемноненко Талесь.
И быстрымъ бигомъ все колыше,
Ниначе въ гниви самъ Зевесь;
Вокругъ себе все побывае,
Фареть зъ нымъ збигшысь погыбае;
Души пустывся Демотокъ.
Ладона сплющывъ якъ блощыцю,
Крычыть:» Палланта ледашыцю
«Злыгаю я въ одынъ ковтокъ.»

Палланть любесенькій хлопчына
Скрипывсь, стоить якъ твердый дубъ
И жде яка то зла лычына,
Йому намъяты хоче чубъ.
Дождавсь, — и зо всего розгона
Влипывъ такого макогона,
Що панъ Талесь шкереберть ставъ.
Палланть його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногамы потоптавъ.

За сымъ Авента пхнувшы зъ заду,
Поставывъ ракомъ на показъ;
И тутъ сьогожъ понюхавъ чаду
Одважный парубійка Клавзъ.
Хто ни сусиль, тому кабаки
Дававъ Палланть, и вси бурлаки,
Зъ Аркадіи що зъ нымъ прыйшлы. —
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пьть, — а брагу,
И косы не траву найшлы.

Зробывся Турнъ, нашъ бисноватымъ,
Реве якъ раненый кабанъ;
Гасà, фынтытъ своимъ зыкратымъ;
Що вашъ протывъ його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчытся,
Зубамы скрыготытъ, ярытся
И гамка йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневы къ шыи прылягае,
Хытрытъ, якъ ловытъ китъ шпака.

Палланть, мовъ одъ хорга лысыця,
Выльнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясньци,
Що Турнъ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмьгъ не давши схаменутьсь,
Ни головою повернутысь,
Стьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнъ байдуже не скрывывся,
Бо бачъ булатомъ весь общывся
И бувъ якъ въ шкаралупи бобъ.

Такъ Турнъ Палланта пидпустывшы,
Зо всихъ сыль келепомъ мазнувъ;
За русы кудри ухватывшы,
Безчувственна зъ коня стягнувъ;
Кровь зъ раны джереломъ лмыся,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвальвсь;
Якъ травка скошенная въ поли
Увьявъ Паллають, судебъ по воли;
Сердега въ свити не наживсь!

Турнъ злобно сыльною пъятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою,
Зъ бездушного для себе знявъ;
По тимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ панычемъ глумывся
И такъ Аркадянамъ сказавъ:
«Аркадци! льщаря возьмите!
«Въ ралець къ Эвандру однесите,
«Къ Энею що въ союзъ приставъ.»

Таку побачывшы утрату
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялься учынить одплату,
Хочабы трупомъ вси ляглы;
На щытъ Палланта положылы,
Комльцькой буркою прыкрылы,
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерти князя вси рыдалы,
Харцыза Турна прокльыналы. —
Та дежъ Трояньскій нашъ Султанъ?

Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармидеръ бачу я!
Хто землю такъ трясе сырую?
И сыла тамъ мутьить чія?
Якъ выхри на пискахъ бушуютъ,
Въ порогахъ воды якъ лютуютъ,
Колы прорватися хотять;
Эней такъ въ лютимъ гниви рвется,
Отмстыть Палланта смерть несется,
Суставы вси на нимъ дрыжать.

До лясу! Турна розбышакы,
Вамъ билше рясту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабакы,
Що будете за *Стыксомъ* чхать.
Эней совавсь якъ навигенный,
Крычавъ, скакавъ, мовъ виль скаженный,
И супротивныхъ потрошывъ:
Махне мечемъ, — врагивъ десятки
Лежать, повывставлявши пяткы;
Такъ въ гниви сыльно ихъ локшывъ!

Въ запали налетивъ на Мага,
Якъ на мале курча шуликъ;
Пропавъ на вискъ сей Магъ бидняга,
Порхне душа на другый бискъ;
Видючой смерты винъ боявся,
Энея у ногахъ валявся,
Просывъ живцемъ въ неволю взять:
Но сей копьемъ наскризь пробывшы,
И до земли врага прышывшы,
Другыхъ пустывся доганять.

Туть на бигу пймавъ за рясу
Попа, Рутульского полку,
Смертельного задавши прасу,
Якъ пса покынувъ на писку.
Погыбъ туть также храбрый Нума,
Убивъ Сереста його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадивъ съ кульбакы,
Ансур въ адъ пославъ по ракы,
А Луку пузо расплатавъ.

Якъ задававъ Эней затьору
Всимъ супостатамъ назаказъ;
Якъ всихъ каличывъ безъ розбору
И убывавъ по десять въ разъ:
Лигаръ зъ Лукулломъ поспешають
И въ тарадайци назирають
Энея киньмы потоптать.
Но туть ихъ доля зла насила,
И души сыхъ бративъ изъ тила
Пишлы къ Плутону погулять.

Такъ нашъ Эней тутъ управлявся
И станъ свій чыстывъ одъ врагивъ;
Прогнавшы супостать, сблыжався
До, городка свого, валивъ.
Трояне вылазку зробывшы,
Латынянъ къ чорту протурывшы,
Зъ Энеемъ въ купу изійшмысь.
Здоровкамыся, обнималысь,
Роспытовалысь, цюловалысь,
А де-яки пыть прынялысь.

Гуль якъ комендантъ исправный
Энееви лепортъ подавъ,
Якъ вйська ватажокъ начальный,
Про все дрибненько розказавъ.
Эней Гула выхваляе,
Потимъ до сердца прыжымае;
Цюлуеть люблязно въ уста.
Энея сердце трепетало,
Воно о сыни вищовало,
Що винъ надежда не пуста.

Въ се время Юпытеръ пидпывшы,
Зъ нудьгы до жинкы пидмощавсь
И морду на плече склонывшы,
Якъ блазень чмокавсь, та лызавсь;
Щобъ билше жъ угодыть коханци,
Сказавъ: «дывыся якъ Троянцы
«Одъ Турна вrostычъ вси летать;
«Венера пасъ передъ тобою;
«Одъ не краца ты собою,
«До тебе вси лапкы мостять.

«Мое безсмертые яруе,
«Роскошныхъ ласкъ твоихъ бажа;
«Тебе Олимпъ и свить шануе,
«Юпытеру ты госпожа;
«Захочь, — и вродытся все сразу,
«Все въ свити ждець твого прыказу,
«За твй смачный и ласый цмокъ....»
Сказавшы стыснувъ такъ Юнону,
Що трохы не скотылысь съ трону,
А тилько Зевсъ набывъ высокъ.

Юнона, козырь молодьця,
Юпитеру не пиддалась;
Бо знала, що стара лысыця
На всяки штуку удалась,
Сказала: «о очей всихъ свите,
«Старый Олимпскій Езуите!
«Зъ медовымы ричмы сховайсь.
«Уже мене давно не любышь,
«А тилько пьяный и голубышь.
«Одсунься геть — не пидсыпайсь.

«Чого передо мной лукавышь,
«Не дивочка я въ двадцать лить
«И теревенивени правышь,
«Щобъ тилько заморочить свить.
«Нехай все буде по твоему;
«Дай тилько Турнови моему
«Хоть трохи на свити пожыть:
«Щобъ мигъ винъ зъ батькомъ повидаться,
«И передъ смертью попрощаться;
«Нехай — не буду билшь просыть.»

Сказавшы въ Йовиша впылася
И обняла за поперекъ,
И такъ натужно простяглася,
Що свить въ очахъ обохъ померкъ.
Розмьякъ Зевесъ якъ писля пару,
И выжлоктывъ пидпинка чару,
На все изволь Юнони давъ.
Юнона въ котыка зъ нымъ грала,
А въ лашкы такъ залескотала,
Що ажъ Юпитеръ задримавъ.

Олимпскіе во всяку пору
И гримъ пускающій ихъ пань,
Ходылы голи безъ зазору,
Безъ сорома, на-кштальдъ цыгань.
Юнона зъ неба увыльнувши
И гола якъ долоня бувшы,
По парубьячу одяглася;
Клыкнувшыжъ въ помичъ Асмодея,
Взяла на себе выдъ Энея,
До Турна просто понеслася.

Тогда панъ Турнъ зило гнивився
И прыступу къ соби не мавъ,
Що у Троянъ не поживывся
И тьху Энееви не давъ.
Якъ-ось мара въ лыци Энея,
Въ керей бидного Сихея
Явылась Турна задырять;
«А ну лышь лыщарю мезерный,
«Злыденный, вытязю никчемный,
«Выходь столыхъ покуштовать.»

Турнъ зыркъ, — и бачыть предъ собою
Прысяжного свого врага,
Що такъ не гречи клыче къ бою
И явно въ трусы пострыга.
Осатанивъ и затрусывся,
Холоднымъ потомъ весь облився,
Одъ гниву сумно застогнавъ.
Наперъ мару — мара вылае,
Эней одъ Турна утикае!!
И Турнъ въ догонку поскакавъ.

Той не втече, сей не догонить,
Отъ тилько, тилько не вшыгне;
Зыкратаго мечемъ супонить,
Та ба! мары не пидстьобне.
«Та не втечешъ, крычыть, паньчу!»
«Ось заразъ я тебе пидтычу,
«Се не въ куклы зъ Лавысей грать;
«Тебе я швыдко повинчаю
«И ворогъ въ потишу стаю,
«Колы начнуть твй трупъ клювать.»

Мара Энеева примчавшысь
До моря, де стоявъ байдакъ,
Ни трохи не останавлившысь,
(Щобъ показать великій лякъ.)
Стрыбнула въ нього, щобъ спастыся;
Туть безъ чысла Турнъ ослипывся,
Тудыжъ въ байдакъ и самъ стрыбнувъ,
Щобъ тамъ зъ Энея поглумыться,
Убыть його, мазкы напыться;
Тогдибъ Турнъ первый лыщаръ бувъ!

Тутъ вмигъ байдакъ заворушився
И самъ одчальвши поплывъ;
А Турнъ скризь бигавъ и храбрився
И тишивсь, що врага настыгъ.
Таку Юнона зльвши кулю,
Перевернувшисьъ въ зозулю,
Махнула въ вырїй папростецъ.
Турнъ глядь, ажъ винъ уже средь моря,
Трохї не луснувъ зъ серця—зъ горя,
Та мусивъ плыть, де живъ отецъ.

Юнона зъ Турномъ якъ шутыма
Эней про тее ни гугу;
Бо на його туманъ пустыла,
Що бувъ невыдымъ ни кому;
И самъ никого тожъ не бачывъ,
Но послї якъ прозривъ, кулачывъ
Ругулянъ, и другыхъ врагивъ:
Убывъ Лугага, Лавза, Орсу,
Пароену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багацько ватажкивъ.

Мезентїй ватажокъ Тырренскїй
Одважно дуже пидступывъ
И закрычавъ по бусурменски,
Що тилько панъ Эней и живъ!
«Выходь! крычыть, тычка подмимо,
«Никого въ помичъ не просимо,
«Годяци парни: ты—и я;
«А ну!» и сыльно такъ стовкнулись,
Що трохї вязы не звихнулись,
Мезентїй же упавъ зъ коня.

Эней не мылуя чванлывыхъ,
Въ Мезентїя всадывъ палашъ;
Духъ выскочывъ въ словахъ лайлывыхъ,
Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утишався,
Со всимы добре частовався,
Олимпскымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи, та гулялы
И пьяни спаты полягаль,
Эней бувъ пьяный еле живъ.

Уже свитовая зирныця
Була на неби якъ пятакъ,
Або пшенишна варяныця,
И небо рдилось мовъ макъ.
Эней Троянцивъ въ гуртъ сзываетъ
И смутнымъ выдомъ объявляє,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялыся дружно,
Братерски и единодушно
Троянъ убытыхъ зволикать.

Потимъ Мезентія доспихы
На пень высокій насадывъ,
И се робывъ не для потихы,
А Марса щобъ удовольивъ.
Шышакъ, панцырь и мечъ булатный,
Спысь съ прапоромъ, щыть дуже знатный;
И пень, мовъ лыцарь, въ збруи бувъ.
Тогди до вйська обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричъ таку имъ уджыгнувъ:

«Козацтво! лыцари! Трояне!
«Храбруйте! наша, бачъ, бере;
«Отсе опудало погане,
«Латынивъ городъ одипре.
«Но перше чимъ начнемъ мы бытысь,
«Для мертвыхъ треба потрудытысь,
«Зробыть ихъ душамъ упокой;
«Имення лыцаривъ прославыть,
«Лалманта къ батькови одправыть,
«Що наложывъ тутъ головой.

За сымъ пишовъ въ куринь просторый,
Де трупъ царевыча лежавъ;
Надъ нымъ Аркадскій Пидкоморый
Любысткомъ мухы обганявъ.
Троянски плаксы тутъ рыдалы,
Якъ на завйныцю крычалы,
Эней зарюмавъ басомъ самъ:
«Га! гай! сказавъ, увьявъ мй гайстеръ!
«Якый то бувъ до бою майстеръ.
«Угодно, бачу, такъ богамъ!»

Звеливъ носылкы зъ верболозу,
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ ныхъ Палантъ Эвандривъ сынъ,
Вельможна, паньская персона
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абыякій харпакъ.
Жинкы покійныка обмылы,
Нове обрання наложылы,
Запхнулы за щоку пятакъ.

Якъ все уже було готово,
Тогди якыйсь ихъ фылозофъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и почухавъ лобъ;
Сказавъ:» Се мертвый и не дышетъ,
«Не выдыть, то есть и не слышыть,
«Ей, Ей! увы! онъ мертвъ, аминь!»
Народъ видъ ричи улыльвся
И гирько—гирько прослезывся,
И мурмотавъ: паноче згынь.

Потимъ Паланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двиръ;
Пидъ балдахыномъ положиылы,
Эней тутъ убывавсь безъ миръ.
Накрывшы гарнымъ покрываломъ,
Лыбонь тымъ самымъ одіяломъ,
Що одъ Дидоны взявъ Эней;
Взмостиылы воины на плечи
И маленьку, постаречи
Неслы въ мистечко *Палантей*.(*)

Якъ выбрамысь на чысте поле,
Эней зъ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ:» о жызьнь! бурлыве море,
«Хто цилый на тоби оставсь?
«Просты пріятелю любезный,
«Отдячу я за выдъ сей слезный
«И Турнъ получиыть зъ барышкомъ.»
Потимъ Паланту уклонывся,
Облобызавъ и прослезывся,
До дому почвалавъ тышкомъ.

(*) Палантей, столица царя Эвандра.

Къ господи тилько що вернувся
Нашъ смутный лыцарь панъ Эней,
Уже въ присинкахъ и наткнувся
На присланныхъ къ нему гостей:
Булы послы се одъ Латына,
И вси Ассесорьского чына,
Одынъ армейскій копытанъ;
Сей скризь по свиту волочывся
И по Фрыгійську научывся,
Въ посольстви бувъ якъ драгоманъ.

Латынецъ старшій по породи
Къ Энею рацію начавъ,
И въ нашимъ значыть переводи,
Буцимъ-то ось винъ що сказавъ:
«Не ворогъ, хто уже дубленный,
«Не супостатъ, чый трупъ никчемный
«На поли безъ души лежыть.
«Позволь тила убитой раты,
«Якъ водытся, земли предаты;
«Нехай Князь мымость сю явыть.»

Эней къ добру зъ природы склонный,
Сказавъ посламъ Латынськымъ такъ:
«Латынусъ рексъ есть невгомонный,
«А Турнусъ пессимусъ дуракъ.
«И кваре воювать вамъ мекумъ?
«Латынуса будь путо цекумъ,
«А васъ, сеньоресъ, безъ ума;
«Латынусу радъ пацемъ даре,
«Пермъ то мертвыхъ поховаре,
«И злосты корамъ васъ нема.

«Одынъ есть Турнусъ ворогъ меусъ,
«Самъ ерго дебетъ воювать;
«Велять такъ фата, утъ Энеусъ
«Вамъ буде Рексъ, Амати зять.
«Щобъ привесты адъ финемъ беллюмъ,
«Мы зробымъ съ Турнусомъ дуеллюмъ,
«Про що всихъ сангвисъ прольвать?
«Чи Турнусъ буде, чи Энеусъ,
«Укажетъ глядіусъ, вель Деусъ
«Латынськымъ сцетпро управлять.»

Латынськіє послы сзыркнулись,
По серцю имъ ся ричь була;
Знечевья трохи схаменулись,
Дрансеса смилость тутъ взяла:
«О князю, крикнувъ, пресловутый!
«Велькымъ ты родився буты!
«Мы все въ Латыновы уста
«Внесемъ, дрибнесенько розкажемъ
«И щыро, щыро те докажемъ,
«Що зъ Турномъ дружба есть пуста.»

И мировую тутъ зробымы
На тыждень, два, або и тры,
И въ договори положымы,
Щобъ тесли и други майстры
Латынськи, помоглы Троянамъ,
Сымъ ланцямъ, голякамъ, прочанамъ
Достроить новый городокъ;
Щобъ нарубать далы сосныны,
Клынкивъ, дубкивъ и берестыны,
На кроквы годныхъ осычокъ.

За сымъ тутъ началось гуляння
И чарочка пишла кругомъ;
Росказы, смихы, обнимання,
Дилымысь дружно тютюномъ.
Яки пылы, яки трудымысь
И надъ убытымы возымысь;
Въ лисахъ же страшна стукотня.
Въ коротке мыровее время
Л лиське и Троянське племья
Було, якъ близькая ридня.

Теперь бы треба описаты
Эвандра батькивську печаль
И хлыпанья все розказаты,
И крыкъ, и охання, и жаль.
Та-ба! не всякій такъ змудруе,
Якъ самъ Выргылій намалюе,
А я жъ до жалю не мастакъ:
Я слизъ и охання боюся
И самъ николы не журюся;
Нехай соби се пиде такъ.

Якъ тилько свитова зирныця
На неби зачала моргать,
То вся Троянская станьця
Взялася мертвыхъ зволикать.
Эней зъ Трахономъ розъйиждае,
Къ трудамъ дружину понуждае,
Кладуть изъ мертвыхъ тиль костры!
Соломой ихъ обволикають,
Олію зъ дьогтемъ поливають
На всякій зрубъ, разивъ по тры.

Потимъ солону підпалымы
И пламя трупы обняло,
И вичну пам'ять заквылымы,
Ажъ сумно слухаты було.
Тутъ кость и плоть, и жыръ шкварчалы,
Тутъ ынчи смалець источалы;
У ынчихъ репався живить;
Смрадь, чадъ и дымъ кругомъ носымысь,
Жерци найбилше тутъ трудымысь,
Изконебе хаптурный ридь.

Другі, товариши и кривни,
Батькы, сыны, кумы, сваты,
На вики вични незабвенни,
А може хто изъ суеты,
Въ огонь шпурлялы ризну зброю,
Одежу, обувъ дорогую,
Шабли, лядункы, келены,
Шапки, свытки, кульбакы, трокы,
Опчкы, постолы, волбкы
Шпурлялысь, якъ на тикъ снопы.

Не тилько въ поли такъ робылось,
Въ Лавренти сумно тожъ було;
Багацько трупа тамъ палылось,
Поспульствожъ на-чимъ-свить ревла.
Тамъ батько сына парубійку
Оплаковавъ и клиць злодійку
Війну и ветхого царя;
Тутъ дивка вельмы убывалась,
Що безъ винця вдовой осталась,
Утратившы багатыря.

Жинкы, пороспускавшы косы,
Росхристани и безъ свытокъ,
Рострьопани, простоволосы
Галасовалы на весь ротъ.
По мертвыхъ жалибно крычалы,
По грудяхъ былыся, стогналы,
Латынивъ прокльиналы ридъ;
Про Турнажъ вси крычалы смило,
Що за свое любовне дило,
Погубить даромъ весь народъ.

Дрансесь на Турна тутъ доноситьъ,
Що Турнъ всимъ гибелямъ вына;
Эней на бой його лышь проситьъ,
И такъ бы й кончыласъ вйна.
Но и у Турна бувъ сутяга,
Брехунъ, юрыста, крюкъ, пидтяга,
И дило Турна защыщавъ;
Та и Аматыни пролазы
Пускалы розные росказы,
Щобъ Турнъ ни въ чимъ не уважавъ.

Якъ-ось одъ хана Діомыда
Латыновы прыйшлы послы
И, изъ охлявшого ихъ выда,
Не выдно, радистъ щобъ неслы.
Латынъ вельможамъ зъ старшыною
Вельтъ явтысь предъ собою,
Що все и сталося якъ разъ;
Посливъ клькнулы до громады
И вы инывшы вси обряды,
Латынъ прорекъ такый прыказъ:

«Скажы Венуле не жахливый
«Всю хана Діомыда ричъ,
«Здається бувъ ты не брехливый,
«Такымъ тебе зна наша Сичъ. —»
«Пиднижокъ двій я и пидданецъ,
«Изъ слугъ твоихъ послидній ланецъ,
Сказавъ Венуль,» не погнивысь!
«Мужыча правда есть колюча,
«А панська на вси боки гнуча,
«И ханъ сказавъ такъ, не сумнысь:

«Не зь мордою Латына бытысь
«Протывъ Трояньскыхъ розбышакъ;
«Вамъ требабъ перше прыдывытысь,
«Якый-то есть Эней козакъ.
«Пидъ Троею винъ дався знаты
«Намъ всимъ, якъ взявся ратоваты
«Богивъ домашнихъ и ридню.
«Винъ батька спасъ въ злу саму пору,
«На плечихъ знисъ на Иду гору,
«Сього не майте за бридню.

«Протывъ Энея не храбруйте,
«Для насъ здається винъ святымъ;
«И такъ Латыну ростолкуйте,
«Щобъ лучше помырився зъ нимъ.
«Гай! гай! де диты есть такіи,
«Щобъ кудри батьковы сиди,
«Найвыще ставылы всього?
«Не ворогъ я царю Латыну;
«Но чту Анхызову дытыну
«И не пиду протывъ його.

«Прощайте домини Латынци!
«Поклонъ мій вашому царю;
«Возьмитъ назадъ свои гостынци,
«Одправте ихъ къ багатырю
«Энею и просить покою.»
Венуль утерся тутъ рукою
И ричи сій зробивъ кинецъ.
Збентежыла ся ричъ Латына,
Здавалс блызька зла годына;
На лысыни трусывсь винецъ.

Латынъ одъ думкы схаменулся,
Олимпськымъ трохы помолывсь;
Наморщывсь, сентябрьомъ надувся
И смутно на вельможъ дывывсь.
«А що? сказавъ, чи поживылысь?
«Отъ зъ Діомыдомъ вы носылысь,
«А винъ вамъ фыгу показавъ;
«Заздалегидь було змовлятысь,
«Якъ съ панъ Энеемъ управлятысь,
«Покы лапокъ не розиклавъ.

«Теперь не прыберу билшь глузду,
«Якъ тутъ сыхъ поселить прочанъ;
«Земли шматокъ есть не пиднужку,
«То имъ зъ угодыямы отдамъ.
«Отдамъ нывья и синокосы,
«И рыболовни Тыбрьски косы,
«То буде намъ Эней сусидъ;
«Кольжъ не схоче винъ остатся,
«А пустытса ище таскаться,
«То всежъ избавымся одъ бидъ.

«А щобъ зъ Энеемъ ладъ зробыты,
«Пошлю посливъ десяткивъ пять;
«И мушу дары одрядыты,
«Дыковынкы колыбъ достать:
«Павыдла, сала, осятрыны,
«Шалевый поясъ и люстрыны,
«Щобъ къ празньку пошывъ каптанъ,
«Сапьянци изъ *Торжка* новеньки,
«Мальованыи потыбенъкы.
«А нуте! якъ здаетса вамъ?»

Дрансесъ бувъ дывный говоруха,
И Турнови бувъ врагъ лыхый,
Встае, усъ гладыть, въ носи чуха,
Дае отвить царю такый:
«Латыне свитлый, знаменьтый,
«Твоимы медъ устамы пыты!
«Всякъ тягне въ серци за тебе;
«Но одизватся не сміють,
«Сыдыгъ мовчатъ, сопуть, потіють
«И всякъ мизкуе про себе.

«Нехай же та лычына люта,
«Що насъ впровадыла въ вйну
«И ганьбою до всихъ надута,
«Походьть билшь на сатану!
«Що стилько боли прычыныла,
«Що стилько люду погубыла,
«А въ смутный часъ на втикача!
«Нехай лышь Турнъ, що верховодыть
«И всихъ панивъ за кырпы водыть,
«Зъ Энеемъ поривня плечá.

«Нехай оставитъ насъ въ свободи,
«Нехай царивни дасть покой;
«Нехай живе въ свой господи,
«А щобъ въ Латію ни ногой.
«А ты Латыне, всихъ благійшій,
«Прыбавъ Энею даръ смачнійшій:
«Йому Лавынію отдай.
«Сымъ сватовствомъ намъ мыръ даруешъ
«И царства раны уратуешъ;
«Дочижъ зъ Энеемъ буде рай.

«Тебежъ прошу я пане Турне!
«Покынь къ Лавыніи любовь
«И проясны чоло нахмурне,
«Щады Латынську нашу кровь.
«Эней тебе лышь вызывае,
«А насъ Латынцивъ не займае,
«Иды зъ Троянцемъ потягайсь!
«Колы ты храбрый не словами,
«Такъ докажы намъ те диламы,
«Побыть Энея постарайсь.»

Одъ ричи сей Турнь розъярився,
Якъ втопленныкъ посынивъ весь;
Дрыжалы губы, самъ дровичься,
Зубамы клацавъ, мовъ бы песь,
Сказавъ: «О стара пустомеля!
«Яхыдствъ и каверзъ всихъ оселя,
«И ты тхоромъ мене зовешъ!
«И небыльци вымышляешъ,
«Народъ ,каво весь лякаешъ,
«На менежъ чортъ зна що плетешъ,

«Що буцимъ хочу я одтяты
«Головку лысую твою;
«Та згынь! — не хочу покаляты
«Честь багатырськую свою.
«А ты Латыне мылостывый,
«Колы такый ставъ полахывый,
«Що и за царствомъ байдуже?
«Такъ лизьте жъ до Энея ракомъ,
«Плазуйте передъ сымъ Троякомъ,
«Винъ мыръ вамъ славный устрыже.

«Колыжь до мыра я помиха,
«Колы Эней мене бажа
«И смерть моя вамъ есть потиха;
«Моя душа не есть чужа;
«Одъ храбросты и одъ надіи,
«Иду де ждуть мене злодїи,
«Иду и бьюся зъ втикачемъ!
«Нехай хоть стане винъ Бовою,
«Не наляка мене собою,
«Помиряюсь зъ його плечемъ.»

Колы въ конгресси такъ тягальсь,
Эней къ Лавренту пидступавъ;
На штурмъ Троянцы шыковальсь,
До бою всякій ажъ дрыжавъ.
Латынь таку почувъ новынку,
Злякавсь, пустывъ изъ рота слынку
И вся здрыгнула старшына.
«Отъ вамъ и мырь» сказавъ Турнь лютый.
И не терявши ни мьнуты,
Предъ вїйскомъ опынывсь якъ на!

Опьять наставъ гармидерь, лыхо;
Народъ якъ червь заворушывсь.
То вси крычать, то шепчуть тыхо,
Хто лаявся, а хто моливсь.
Опьять вїйна и ризанына,
Опьять беда гне въ сукъ Латына,
Сердешный каявсь одъ души,
Що тестемъ не зробывсь Энею,
И послібъ зъ мырною душею,
Лыгавъ потапци и кныши.

Турнь мытью нарядывся въ збрую,
Летыть, щобъ потрошыть Троянъ;
И розъяривъ дружыну злую,
Побыть Энеевыхъ прочанъ.
Прыскачывъ перше до Камылы,
Якъ огиръ добрый до кобылы,
И ставъ йїй заразъ толковать:
Куды йїй зъ вїйскомъ напираты;
Мессапъ же мусить пидкрепяты
Царыци сей прокляту рать.

Роспорядившы Турнъ якъ треба,
Махнувъ, засаду щобъ зробить,
На гору, що торкалась неба
И щобъ Фрыгійцивъ окружить.
Эней построивъ тожъ отряды,
Де всимъ назначивъ для осады
Безъ одступу на валъ итгы.
Идутъ зимкнувшысь мицно, тисно,
Идутъ, щобъ побидить поспишно,
Або щобъ трупомъ полягты.

Троянцы сыльно наступали
И тыснули своихъ врагивъ,
Не разъ Латынцевъ проганялы
До самыхъ городськихъ валивъ.
Латынцы также оправлялись
И одъ Троянцевъ одбывались,
Одынъ другого товкъ на прахъ;
Туть ихъ чыновныкы тузылись,
Якъ пивни за гребни возылись;
Товклись кулачкамъ по зубахъ.

Но якъ Арунтъ убивъ Камылу,
Тогди Латынцевъ жахъ напавъ;
Утратымы и духъ, и сылу,
Побиглы хто куды понавъ.
Троянцы зъ биглымы змишались,
Надъ ихъ плечамы забавлялись
И задавали всимъ столыхъ.
Ворота въ баштахъ запиралы,
Своихъ хоратысь не пускалы,
Бо напустилыбъ и чужыхъ.

Якъ висть така прыйшла до Турна,
То такъ мерзено изкрывивсь,
Що тварь зробылась нечепурна
И косо, зашморгомъ дывивсь.
Потимъ яруе одъ досады,
Выводить вѣйсько изъ засады
И гору покыда, и лись;
И тилько-що спустывсь въ долину,
То въ туюжъ самую годину
Уздривъ Энеевыхъ гульвись.

Пизнавъ пань Турнь пана Энея,
А Турна тожь Эней пизнавъ;
Вспалалы духомъ Асмодея,
Одынъ другогобъ розидравъ;
Не обійшлося бь тутъ безъ бою,
Колыбь пань Фебъ, одъ перепую,
Заранше въ воду не зализь
И не пославъ на землю ночи;
Тутъ всихъ до сна стумлылысь очи
И всякъ уклався горлоризъ.

Турнь облызня въ бою пймавшы,
Зубамы зсерця скрыготавъ;
Одъ дуру що робить не знавшы,
Латыну зь злостью сказавъ:
«Нехай злыденные прочаны,
«Задрыпанци твои Трояны,
«Нехай своихъ держатся словъ!
«Иду зь Энеемъ поштурхаться,
«Въ моихъ проступкахъ оправдаться:
«Убыть — и околить готовъ.

«Пошлю Энея до Плутона,
«Або и самъ въ адъ копырсну;
«Уже мни жызнь и такъ солона!
«Отдай Энею нависну..... (*)
«Гай, гай! Латынь тутъ обизвався:
«Чого ты такъ розлютовався?
«Щожь буде, якъ розсержусь я?
«Уже мнини брехаты стыдно;
«А пота — богамъ обидно;
«Святая правда дорога!

«Послухай же судьбы есть воля,
«Щобъ я дочкы не отдававъ
«За земляка, а то зла доля
«Насяде, хто злама уставъ.
«Мене Амата ублагала
«И такъ бокы натасовала,
«Що я Энею одказавъ.
«Теперь самъ мусишь мирковаты,
«Чи треба жыть, чи умираты;
«А лучше, якъ бы въ умъ ты взявъ

(*) Нависна, дѣвка, которую многимъ женихамъ навязываютъ.

«И занедбавъ мою Лавысю;
«Чи трохы въ свити панночокъ?
«Ну взявъ бы *Муньку*, або *Присю*,
«Шатнувся то въ сей, то въ той кутокъ:
«Въ *Ивашкы*, *Мыльци*, *Пушкаривку*,
«И въ *Будыща*, и въ *Горбанивку*, (*)
«Теперь дивчать хоть гать гаты;
«Теперь на сей товаръ не скудно
«И замужню украсть не трудно,
«Абы по порову найты.»

На слово се прыйшла *Амата*
И заразъ въ *Турна* и в'пьялась;
Лобзала въ губы стратылата
И одъ плачу надъ нымъ тряслась.
«Въ напасть, сказала, не вдавайся,
«И бытыся не поспишайся,
«Якъ луснешь ты, то згыну я;
«Безъ тебе насъ боги покынуть,
«Латынцы и Рутульцы згынуть
«И пропаде дочка моя.»

(*) Селенія въ окружности *Полтавы*.

Но *Турнъ* на се не уважае
И байдуже ни слозъ, ни словъ;
Гинця къ *Энею* посилае,
Щобъ бытысь завтра бувъ готовъ.
Эней и самъ трусывсь до бою,
Щобъ сыльною своею рукою
Головку *Турну* одчесать.
А щобъ повирьить *Турна* слову,
Тожь не була зробить умову,
Якъ завтра выставляты рать.

На завтре тилько-що свитало,
Уже народъ заворушывсь;
Все вешталося, все кышало,
На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мижовщыкы тамъ розмирялы,
Килочки въ землю забывалы,
На знакъ де в'йськови стоять.
Жреци молитвы зачиталы,
Олимпськымъ въ жертву убывалы
Цапивъ, баранивъ, поросяты.

Тутъ вѣйсько стройнымы рядами
Въ паради йшло, мовъ бы на бой;
Въ празничній збруи зъ прапирамы,
Всякъ ратныкъ чванывся собой.
Обидви арміи стоялы
На тыхъ межахъ, що показали;
Мижъ нымы бувъ просторый плецъ;
Народъ за вѣйськомъ копошывся,
Всякъ товпывся, всякъ лизъ, тиснывся,
Побоищу щобъ зрить кинець.

Юнона, якъ богыня, знала,
Що Турну прыйдется пропасть,
Ище въ мизку коверзовала,
Щобъ одвернуть таку напастъ;
Клыкнула мавку водъ Ютурну,
(Бо ся була сестрыця Турну,) —
И розказала йій свѣй страхъ;
Велила швидче умудрыться,
На всяки хытросты пустыться,
Щобъ брата не строщылы впрахъ.

Якъ такъ на неби дви хытрылы,
Тутъ лагодымысь два на бой;
Вси за свого богивъ моылы,
Щобъ власною своею рукою,
Измигъ врага въ яешню змѣяты.
Рутульци жъ стали розмышляты,
Що Турнъ ихъ може скыксовать;
Уже задалегидь смутывся,
Ище и чого, а скрывывся,
Не лучшебъ бой сей перервать.

На сей то часъ Ютурна мавка
Въ Рутульскій подоспила строй;
И тамъ вертилася якъ шавка
И всихъ скуйовдыла собой.
Камерта выдъ на себе взявши,
Тутъ всихъ учыла, толковавшы,
Що соромъ Турна выдавать;
Стыдъ всимъ стоять згорнувшы руки,
Якъ згыне Турнъ, терпеты муки,
Дать шыи въ кандалы ковать.

Все вѣйсько сумно мурмотало,
Сперва тихенько, послѣ въ гласъ,
Гукнули разомъ, все пропало!
Щобъ розмиръ перервать въ той часъ.
Югурна фыгли имъ робыла,
Шпакамы кибця затровыла
И заецъ вовка покусавъ.
Такіи чуда не бували
Лаврентци въ добре толковали,
Тулумній къ бытви пидтрунявъ.

И першый стрельвъ на Троянцѣвъ,
Гилыпенка на смерть убывъ;
А сей бувъ родомъ изъ Аркадцѣвъ,
То землякивъ на гнивь пидвивъ.
Оттакъ, опьять зирвалы сичу!
Бижать одинъ другому въ стричу,
Хто зъ шаблею, хто зъ палашемъ;
Крычать, стріляють, бють, рубають,
Лежать, втикають, доганяють;
Все вмыгъ зробылось кулишемъ.

Эней правдывый чоловьяга,
Побачывшы такый не ладъ,
Що вража зрадившы ватага
Послать Фрыгійцивъ, дума, въ адъ.
Крычыть: « чи вы осатанилы?
«Адже мы розмиръ утвердылы!
«Мы зъ Турномъ побьемось одни.»
Но видкиль стрилка не взялася
И стѣльга въ стегно впьялася,
И кровь забрызкала штаны.

Эней одъ раны шкандыбае,
Въ крови, изъ строю въ свѣй наметъ;
Його Асканій проважае,
Лыбонь и пидъ руку ведетъ.
Уздриль се Турнь возвесельвся,
Роспрындывся и розхрабрывся,
И на Троянцѣвъ полетивъ:
То бье, то пха, або рубае,
Изъ трупивъ бурты насышае,
Хоть бы варыть на сто котливъ.

И першыхъ Фила, Тамарыса,
На землю махомъ повалявъ;
Потимъ Хлорея, Себарыса,
Мовъ бы комашокъ потоптавъ;
Дарету, Главку, Оерсилогу,
Поранывъ руки, шюю, ногу;
На викъ каликамы зробывъ.
Побывъ багацько Турнъ заклятый,
Не трохы потоптавъ зыкратый,
Въ крови такъ, мовъ въ багни бродывъ.

Коробылась душа Энея,
Що Турнъ Троянцывъ такъ локшывъ;
Стогнавъ жалчише Прометея,
Бо бувъ одъ раны еле живъ.
Япыдъ цылюрыкъ лазаретный,
Бувъ знахуръ въ порошкахъ нешпетный,
Личить Энея прыступавъ:
По локти руки засукае,
За поясъ помы затыкае,
Очкамы кырпу осидлавъ.

И заразь прыступывшы къ дилу,
Внигъ шпеныкъ въ рани розглядавъ;
Прыкладовавъ прыпаркы къ тилу
И шыломъ въ рани колупавъ.
И шевську смолу прыкладае,
Но все те трохы помагае;
Япыдъ сердешный чые жаль!
Обценькамы пытавсь, клищамы,
Крющкамы, щыпцямы, зубамы,
Щооъ вырвать проклятущу сталь.

Венеры серце засвербило
Одъ жало, що Эней стогнавъ;
Пидтыкавшысь, — а ну за дило;
И Купыдончыкъ не гулявъ.
Шатнулесь, разныхъ травъ нарвалы,
Сцилющои воды прымчалы,
Гарлемпськихъ капель пиддалы,
И все те вкупы сколотывшы,
Якись слова наговорывшы,
Энею рану помылы.

Таке ликарство чудотворне
Боль раны заразы уняло,
И стрилкы копійце упорне
Безъ праці вынятысь дало.
Эней нашъ знова ободрывся,
Пальонкы кубкомъ пидкрепився,
Въ пайматчыну одигся бронь.
Летыть опяты врагивъ локшыты,
Летыть Троянщивъ ободрыты,
Роздуть въ нихъ храбросты огонь.

За нимъ Фрыгійськи воеводы,
Що тьху, на взаводы летяты;
А вйсько—въ лотокахъ якъ воды
Ревуть, все дномъ на верхъ вертятъ.
Эней лежачыхъ не займае,
Утикачивъ ни за-що мае,
А Турна повстричать бажа.
Хытрыть лукавая Ютурна,
Якымъ бы побытомъ ий Турна
Спасты одъ смертного ножа.

На хытросты дивчата здатни,
Колы ихъ сердце защымыть;
И въ рсмесли симъ такъ понятни,
Самъ бисъ ихъ не перемудрыть.
Ютурна зъ облака злетила,
Зибхнула братня машталира
И стала коней поганяты;
Бо Турнъ ганявъ тогди на вози,
Зыкратый же лежавъ въ обози,
Не въ сылахъ бигать, ни стояты.

Ютурна киньмы управляя,
Шаталась зъ Турномъ мижъ полкивъ;
Якъ одъ хортивъ лыса вымая,
Спасала Турна одъ врагивъ.
То зъ нимъ напередъ выйижжала,
То вмыгъ въ другый кинецъ скакала.
Но не туда де бувъ Эней.
Сей бачыть хытростъ тутъ непевку,
Трусльвость Турнову никчемку,
Напьявсь въ погонь зо всихъ гужей.

Пустивсь Эней слидыты Турна
И дума зь ока не спустыть;
Но мавка хытрая Ютурна
И тутъ найшлася кулю злыть.
Къ томужь Мессагъ, забигшы зь боку
Зрадливо, зо всего наскоку,
Пустивъ въ Энея каминець;
Но сей, по счастью, ухылывся
И каминцемъ не повредывся,
Зь султанажъ тилько збывсь кинецъ.

Эней таку уздрившы зраду,
Велькымъ гнивомъ розспалывсь;
Гукнувъ на всю свою громаду
И тыхо Зевсу помолывсь.
Всю рать свою впередъ подвынувъ
И разомъ на врагивъ нахлынувъ,
Веливъ всихъ сикты та рубать.
Пишлы Латынцевъ потрошыты;
Рутульцевъ шпыговать, крышыты,
Та-ба! якъ Турна бь намъ достать.

Теперь безъ сорома признаюсь,
Що трудно бытву описать;
И якъ ни морщусь, ни стараюсь,
Щобъ гладко вирши шкандовать,
Та бачу по моему выду,
Що скомпоную панахыду.
Зроблю лышь роспысь именамъ
Убытыхъ воинивъ на поли
И згынувшихъ тутъ по неволи,
Для прымхы, ихъ князькивъ, душамъ.

На сей батальи пропалы
Цетагъ, Танаисъ и Толонъ;
Одъ рукъ Энеевыхъ лежалы
Поризани: Оныть, Сукронъ. —
Троянцевъ Гилла и Амика
Зипхнула въ пекло Турна пика...
Та де всихъ поименно знать?
Тамъ ворогы вси такъ смишались,
Стиснылись, що уже кусались,
Рукамыжь нильзя и махать.

Якъ-ось и сердобольна маты
Энею хукнула въ кабакъ,
Веливъ щобъ штурмомъ городъ браты,
Рутульскихъ перебыть собакъ.
Столычный же Лаврентъ достаты,
Латыну зъ Турномъ перцю даты;
Бо царь въ будынкахъ ни гугу.
Эней на старшихъ галасае,
Мерщій до себе ихъ сзываетъ
И мовыть, ставшы на бугру:

«Моеи мовы не жахайтесь;
«(Бо нею управля Зевесъ.)
«И заразь зъ вѣйскомъ одправляйтесь
«Братъ городъ, де паршывый песъ
«Латынъ зрадливый пье сывуху,
«А мы бьемось зо всего духу.
«Идите, палить, рубайте всихъ;
«Громадська ратушь, зборни избы,
«Щобъ напередъ всего изслызлы,
«Амату жъ завяжите въ михъ.»

Сказавъ, и вѣйско загремило,
Якъ громомъ, разнымъ орижжамъ;
Построилось и полетило
Простесенько къ градськимъ стинамъ,
Огни черезъ стину шпурлялы,
До стинъ драбыны приставлялы
И хмары напустылы стриль.
Эней на городъ руки знявшы,
Латына въ зради укорявшы,
«рычыть:» Латынъ вына злыхъ дилъ.»

Якые въ городи остальсь,
Змякалысь одъ такой биды
И головы ихъ збунтовальсь,
Не зналы уतिकать куды.
Одни тряслсь, други потилы,
Ворота одчынять хотилы,
Щобъ въ городъ напустыть Троянъ.
Други Латына вызывалы,
На валъ полизты прынуждамы,
Щобъ самъ спасавъ своихъ мырянъ.
25

Амата глянувши въ виконце,
Уздила въ городи пожаръ;
Одъ дыму, стриль, затьмылось сонце;
Напавъ Амату сыльный жаръ.
Не бачывшыжъ Рутульцивъ, Турна,
Вся кровь скыпилася зашкурна
И вмьгъ царыцю одуръ взявъ.
Здалося йй, що Турнъ убытый,
Черезъ неи стыдомъ покрытый,
На вькъ зъ Рутульцямы пропавъ.

Йй жизнь зробылася не мыла
И осуружывся весь свить.
Себе, Олимпьскыхъ кобеныма;
И выдно изо всихъ прымить,
Що глуздъ остатнй потеряла;
Бо царськее обрання рвала
И въ самй смутнй сй пори,
Очкуръ вкругъ шыи обкрутившы,
Кинець за жертку зачепывшы,
Повисылася на очкури.

Аматы смерть ся бусурманська,
Якъ до Лавыниі дойшла,
То крыкнула «увь»! спысьменська,
По хати гедзатысь пишла.
Одежу всю цвитну порвала,
А чорну къ цери прыбирала,
Мовъ галка нарядылася вмахъ;
Въ маленьке зеркалце дывылася,
Кривытысь жалибно учылася
И мыло хлыпаты въ сльозахъ.

Такая розимчалась чутка
Въ народи, въ городи, въ полкахъ.
Латынъ же, якъ старый плохутка,
Устоявъ ледве на ногахъ.
Теперь винъ берега пустывся
И такъ злыденно искривывся,
Що ставъ похожымъ на верзунъ.
Аматы смерть всихъ сполошыма,
Въ тугу, въ печаль всихъ утопыма,
Одъ неи звомпывъ самъ панъ Турнъ.
25*

Якъ тилько Турнъ освидомьвсь,
Що давъ царьци смерть очкуръ,
То такъ на всихъ остервенывсь,
Пидстреленый мовъ дыкый кнуръ.
Бижыть, крычыть, маха руками
И гризнымы вельтъ словами,
Латынцямъ и Рутульцямъ бой
Зъ Энеевцями перерваты.
Якъ разъ протывни супостаты,
Утыхомырясь, стали въ строй.

Эней одъ радости нестямывсь,
Що Турнъ выходить бытысь зъ нымъ;
Оскалывъ зубъ, на всихъ оглянувсь
И спысомъ помахавъ своимъ.
Прямый, якъ сосна, вельчавый,
Бувалый, здатный, тертый, жвавый,
Такый, якъ бувъ *Нечеса* князь;
На нього вси банькы пьямылы,
И самы ворогы хвалымы,
Його любывъ всякъ, — не боявсь.

Якъ тилько выступылы къ бою
Завзята пара ватажкывъ,
То, зглянувшыся мижъ собою,
Зубамы всякый заскрыпывъ.
Туть хвысь! шабелькы засвыстили,
Цокъ, цокъ! — и искры полетили;
Одынъ другого полосать!
Турнъ перший зацидывъ Энея,
Що съ плечъ упала и керя,
Эней бувъ поточывсь назадъ.

И вмыгъ прочумавшысь, зъ наскокомъ
Эней на Турна напустывъ,
Отдячывшы йому сто-зъ-окомъ
И вражу шаблю перебивъ.
Якымъ же побытомъ спастыся?
Трохы не лучше улместыся?
Безъ шабли нильзя воювать.
Такъ Турнъ зробывъ безъ дальней думкы,
Якъ кажуть, пидобравшы клункы,
А ну! чимъ тьху навтыкы драть.

Бижыть пань Турнъ и репетуе,
И просыть у своихъ меча;
Ни хто сердегы не ратуе
Одъ рукъ Трояньска сылача!
Якъ-ось ище перерядылась
Сестрыця и предъ нымъ явылась,
И въ руку сунула палашъ:
Опять шабелькы заблыщали,
Опять панцыри забряжчали,
Опять пань Турнъ оправывсь нашъ.

Туть Зевсъ не втерпивъ, обизвався,
Юони зъ гнивомъ такъ сказавъ:
«Чи умъ одъ тебе одцурався?
«Чи хочешъ, щобъ тоби я давъ
«По пани-старій блыскавкамъ?
«Бида зъ злостывымы бабамы!
«Ужежъ вистымо всимъ богамъ:
«Эней въ Олимпи буде зъ нами
«Жывытысь тымыжъ пырогамы,
«Яки кажу пекты я вамъ.

«Безсмертного жъ хто ма убыты?
«Або хто може рану дать?
«Про щожъ мазку мырянську лыты?
«За Турна щыро такъ стоять?
«Ютурна на одну проказу,
«И певне по твому прыказу,
«Палашъ Рутульцю пиддала.
«И покыжъ будешъ ты бисытыся?
«А Трою и Троянцывъ злытыся?
«Ты зла имъ вдоволю задала.»

Юона въ первый разъ смырылась,
Безъ крыку къ Зевсу ричъ вела:
«Просты паноче! проступылась,
«Я, даде-би, дурна була;
«Нехай Эней сидла Рутульця,
«Нехай спыха Латына зъ стульця,
«Нехай поселыть туть свій ридъ.
«Но тилько, щобъ Латынське племья
«Удёржало на вичне время
«Имення, мову, виру, выдъ.» —

«Иносы! силькись!» якъ мовляла,
Юнони Юпытеръ сказавъ.
Богыня зрадищъ танцювала,
А Зевсъ *Метельцю* свыставъ.
И все на шалькахъ розважалы,
Ютурну въ воду одислалы,
Щобъ зъ братомъ Турномъ розлучить;
Бо книжка Зевсова зъ судьбами,
Не смертныхъ пысана рукамы,
Такъ мусила установлять.

Эней махае довгымъ спысомъ,
На Турна мицно наступа,
«Теперь, крычыть, пидбытый бисомъ,
«Тебе нихто не захова.
«Хоть якъ вертысь и одступайся,
«Хоть въ вицо хочъ перекыдайся,
«Хоть зайчыкомъ, хоть вовкомъ стань,
«Хоть въ небо лизь, нырай хоть въ воду,
«Я вытягну тебе съ пидь-споду
«И розмизчу погану дрянъ.»

Одъ сей бундючкои Турнъ речи
Безпечно усыкъ закрутивъ,
И жжавъ свои шыроки плечи,
Энею глуздивно сказавъ:
«Я ставлю ричъ твою въ дурныцю;
«Ты въ руку не пймавь сыныцю,
«Не тебе, дале-бигъ, боюсь.
«Олимпьски намы управляють,
Воны на мене налягають,
«Предъ ными тилько я смырюсь.

Сказавшы круто повернувся
И камень пудивъ въ пьять пиднявъ;
Хоть зъ пращи трохы и надувся,
Бо бачъ, не тымъ винъ Турномъ ставъ.
Не та була въ нимъ жжавость, сыла,
Йому Юнона изминыла;
Безъ богивъ жъ людська мочь пустякъ.
Йому и камень изминяе,
Эней геть не долитае,
И Турна взявъ велыкий страхъ.

Въ таку щастливую годину
Эней чимь-дужь спысь розмахавъ
И Турну, гадовому сыну,
На вичный помынокъ пославъ;
Гуде, свыстыть, несется пика,
Якъ зверху за курчамъ шульпика,
Торохъ! Рутульця въ ливый бикъ;
Простягся Турнъ, якъ щогла, доли,
Качается одъ гирькой боли,
Клене Олимпьскыхъ еретькь.

Латынцы одъ сього жажнулысь,
Рутульцы галась пиднялы,
Троянцы глумно осьмихнулысь,
Въ Олимпижъ могорычъ пылы.
Турнъ тяжку боль одоливае,
Къ Энею руки протягае
И мову слезную рече:
«Не жызны хочу я подарка;
«Твоя, Анхызовычъ, прыпарка
«За стыксь мене поволоче.

«Но есть у мене батько ридный,
«Старый и дуже ветхыхъ сымъ;
«Безъ мене винъ хоть буде бидный,
«Та свить мини сей ставъ не мыль;
«Тебе о тимъ я умоляю,
«Прошу, якъ козака, благаю,
«Колы мини смерть задасы,
«Отправъ до батька трупъ дубленный;
«Ты будешъ за сіе спасенный,
«На выкупъ же, що хочъ, просы.

Эней одъ речи сей смьгчывся
И мечъ пиднятый опустывъ;
Трохы, трохы не прослезывся
И Турна рясть топтать пустывъ.
Ажъ зыркъ—Паллантова лядунка
И золота на ній карунка,
У Турна высыть на плечи.
Энея очи запалалы,
Уста одъ гнива задрыжалы,
Ввесь зашарывсь мовъ жарь въ печи.

И вмигъ вхопывшы за чупрыну

Шкереберть Турна повернувъ,

Насивъ колиномъ злу лычыну

И басомъ громовымъ гукнувъ:

«Такъ ты Троянцямъ намъ для смиха

«Глумышь съ Паллантова доспиха

«И думку маешь быть живымъ?

«Паллантъ тебе тутъ убывае,

«Тебе винъ въ пекли дожыдае,

«Иды къ чортамъ, дядькамъ своимъ.

Съ сымъ словомъ мечъ свій устрояе

Въ роззявленный Рутульца ротъ

И трычи въ рани повертае,

Шобъ билше не було хлопоть.

Душа Рутульска полетила

До пекла, хотъ и нехотила,

Къ пану Плутону на бенькетъ.

Жыве хто въ свити необачно,

Тому нигде не буде смачно,

А билшь, колы и совистъ жметъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СЛОВАРЬ
МАЛОРОССІЙСКИХЪ СЛОВЪ,
содержащихся въ Энеидѣ,
СЪ РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ.

А.

А = даже.
Або = или.
Абы = лишь бы.
Абы-якъ = какъ нибудь.
Адже = вѣдь.
Ажъ = даже.
Але = какъ бы не такъ.
Аркушь = листъ пицей бу-
маги.

Б.

Бабакъ = сурокъ.
Бабуся = бабушка, ста-
рушка.
Бабынецъ = паперть.
Багаття = огонь.
Багацько = много.
Баглаи = лѣнь.
Багно = лужа топкая.
Баевый = байковой.
Бажать = очень желать,
прихотничать.
Базарынка = взятка.
Базикать = болтать.
Байдакъ = барка.
Байдуже = нужды нѣтъ.
Байстрюкъ = незаконноро-
жденный.
Бакаляръ = школяръ.
Балакать = калякать.
Балка = долина; во бал-
кахъ = названіе пѣсни.

Баландрасы = тарабара.
Балясы = перилы; точить
балясы = болтать вздоръ.
Банькы = глаза.
Барыло = бочонокъ.
Барыться = медлить.
Баскалытысь = рваться, ме-
таться.
Басовать = гордо высту-
пать.
Батечко = батенька.
Батигъ = кнуть.
Бахуровать = волочиться.
Бахуръ = волокита.
Бачыть = видѣть.
Бачъ = видишьъ.
Башта = башня.
Бебехы надсадыть = отва-
лять бока.
Бджола = пчела.
Безголовья = бѣда, мѹка.
Белькотать = бормотать.
Беньдюгы = роспуски.
Бенькетовать = пировать.
Бенькетъ = пиръ.
Берега пустыться = изне-
могать.
Берлынь = карета.
Бешыха = рожа.
Бигъ = Богъ.
Бигъ-ме! = ей Богу!
Бикъ = бокъ, сторона.
Биля = подлѣ.
Бисыкы пускать = соблаз-
нять.
Благаты = угождать.

Блазень = баловникъ.
 Блакытний = голубой.
 Блейвась = бѣлины.
 Блеклый = увялый.
 Блекнуть = увядать.
 Блощыця = клопъ.
 Блукать = шляться.
 Блынецъ = блинъ.
 Блыскавка = молнія.
 Блыщать = блестѣть.
 Бо = потому что.
 Бовдуръ = болванъ.
 Бовкунъ = быкъ въ упря-
 жѣ одинъ.
 Бѣтаться = въ водѣ пле-
 скаться.
 Божевильный = полуум-
 ный.
 Боклагъ = боклага.
 Болячка = чирей.
 Бондарь = обручникъ, бо-
 чаръ.
 Боронить = защищать.
 Брама = крѣпостныя во-
 рота.
 Брехать = лгать.
 Брехачка = лгунице.
 Брехня = ложь.
 Брехунъ = лгунъ.
 Бридня, бриденька =
 вздоръ, вранье, вымыселъ.
 Броварня = пивоварня.
 Броваръ = пивоваръ.
 Бровко = имя собаки.
 Брыдкій = отвратительный.
 Брыкать = легать.

Брыль = шляпа.
 Брязкальце = гремушка.
 Брязкотать = звѣнѣть, шу-
 мѣть.
 Бублыки = крендели, ба-
 ранки.
 Бугай = быкъ.
 Будка = крытая телега.
 Будовання = постройка.
 Будовать = сооружать,
 строить.
 Будынки = зданіе, господ-
 ской домъ.
 Булдымокъ = родъ ружья.
 Бундючный = надменный.
 Бунчужный = блюститель
 бунчуга бывшихъ Мало-
 російскихъ Гетмановъ,
 знаменосецъ.
 Бурлака = бездомовный.
 Бурхнуть = хлынуть.
 Бурчать = ворчать.
 Бурьянъ = негодная трава.
 Бусурманскій = нехристі-
 анскій.
 Буханецъ = булка.
 Бухинка = булочка.
 Буцимъ = будто бы.
 Бучный = пышный.
 Бычня = загонъ.

В.

Вага = вѣсъ.
 Ваганы = коритца, изъ ко-
 торыхъ ѣдятъ козаки.

Вадить = тошнить; вре-
 дить.
 Важкий = тяжелый.
 Важить = вѣсить.
 Ваканцовый = лишній.
 Вапна = известка.
 Варенуха = хлѣбное вино,
 или наливка, варенія съ
 сухими плодами, медомъ
 и пряными кореньями.
 Варяныця = вареная ле-
 пешка.
 Ватага = шайка.
 Ватажокъ = начальникъ,
 старшина.
 Вбагнуть = понять.
 Вгамоваться = утихнуть,
 успокоиться.
 Вдывовыжу = въ дико-
 винку.
 Вегеря = родъ танца
 Вельмы = весьма.
 Велькъ - день = свѣтлый
 праздникъ.
 Вередовать = прихотничать.
 Веремія = колобродъ.
 Верзты = вздоръ говорить.
 Верзунъ = обувь Малорос-
 сійская.
 Вертепъ = кукольная ко-
 медія.
 Верцадло = зеркало.
 Веснянки = весеннія пѣс-
 ни.
 Весилля = свадьба.
 Весильный = свадебный.

Вечерныци = посидѣлки.
 Вечера = ужинъ.
 Вештаться = шататься,
 шляться.
 Вже = уже.
 Вивци = овцы.
 Виделкы = вилки.
 Видкиль = откуда.
 Видсиль = отсюда.
 Видтиль = оттуда.
 Видъ = отъ.
 Визокъ = родъ карточной
 игры.
 Викно = окно.
 Виконце = окошечко.
 Винъ = онъ.
 Вирша = стихи.
 Витрякъ = вѣтряная мель-
 ница.
 Вищо, смот. за вищо.
 Вищовать = предвѣщать.
 Військо = войско.
 Вкупу = въ одно мѣсто.
 Власно = вольно.
 Волбкы = обвязки Малорос-
 сійской обуви.
 Вблокъ = бредень.
 Волось = кромъ обыкно-
 веннаго, ноготѣда.
 Волоцюга = волокита; бро-
 дяга.
 Вброгъ = врагъ, неприя-
 тель.
 Вороття = возвращеніе.
 Впываться = пьянствовать.
 Вростычъ = врось.

Вспалать = воспламениться.
 Втикать = бѣжать.
 Втять = сѣумѣть.
 Выжлоктыть = съ жадно-
 стию много выпить.
 Выкрутасомъ = танцовать,
 или плясать кружась.
 Выиньця = винокурня.
 Вырва, въ тры вырвы
 въ трищя.
 Вырій = мѣсто, куда уле-
 тають птицы на зимовье.
 Вырлоокій = пучеглазый.
 Высивкы = отруби.
 Высикака = бойкій, дерз-
 кий.
 Высмоктать = высосать.
 Выстрыбовать = выскаки-
 вать.
 Выступци = туфли; по про-
 сить на выступци = по-
 казатъ кому дверь.
 Вытребенькы = разныя за-
 куски.
 Выхрыть = бить крѣпко.
 Выхьясомъ = увиваясь.
 Вышкваркы = остатокъ по-
 слѣ вытопленного жиру.

Г.

Гавкать = лаять.
 Гадка = дума, забота.
 Гадына = змѣя.
 Гадюка = змѣя.

Гай = лѣсъ; и частица уди-
 вленіе показывающая.
 Гайворонъ = воронъ.
 Гайдамака = разбойникъ.
 Гайдукъ = великанъ; са-
 дыть гайдука = танцо-
 вать въ присядку.
 Гайстеръ = астеръ.
 Гакинъця = мортира.
 Галанци = узкія панта-
 лоны.
 Галасъ = вопль.
 Галушкы = кльоцки.
 Гальить = торопить.
 Гальчъ = галки.
 Гальмовать = тормосить.
 Гаманъ = кожаная сумка,
 гдѣ держать табакъ,
 трутъ, огниво и кремь.
 Гамкать = готовиться съ-
 ѣсть.
 Ганкы = крыльцо, перила.
 Ганна, Гандзя = Анна.
 Ганусъ = анисъ.
 Ганчирка = тряпка.
 Ганьба = надменность.
 Ганю = порицаю, злосло-
 влю.
 Ганяты = гнать; бѣгать.
 Гапка = Агафія.
 Гаплыкъ = крючекъ у
 платья.
 Гаптаръ = золотошвея.
 Гаптовать = вышивать зо-
 лотомъ, или шелками.
 Гарбузь = тыква.

Гардовать = гулять.
 Гариль = маленькая ча-
 стица.
 Гаркуша = извѣстный Ма-
 лороссійскій разбойникъ.
 Гармата = пушка.
 Гармидеръ = шумъ, тре-
 вога.
 Гарный = пригожий, хо-
 рошій.
 Гарчатъ = говорится о со-
 бакахъ, когда онѣ врѣ-
 чать.
 Гарячій = збитень.
 Гасать = бѣгать, метаться.
 Гасло = набать.
 Гатка = гать.
 Гатьить = крѣпко ударять.
 Гвалтъ = тревога; насиліе.
 Геваль = самый простой
 мужикъ.
 Гедзатысь = метаться въ
 иступленіи по землѣ.
 Геть = прочь; далеко.
 Гидный = годный
 Гилька = вѣтка.
 Гинець = верховой; курь-
 ерь.
 Гирше = пуще.
 Гичь, ни гичь = ничего.
 Глевтякъ = мякишь не вы-
 печенаго хлѣба.
 Глидь = боярышникъ.
 Глуздивно, глуздыво =
 насмѣшливо.
 Глуздь = разсудокъ, смыслъ.

Глузовать = издѣваться.
 Глумыться = насмѣхаться.
 Глумъ = шумъ; насмѣшка.
 Гній, гной = навозъ.
 Гноть = свѣтильня.
 Гнучкый = гибкій.
 Годи = полно, довольно.
 Годувать = кормить.
 Годына = часть, время.
 Голинный = охотный.
 Голодрабець = оборвавшій-
 ся до нага.
 Голубить = нѣжить.
 Гольить = брить.
 Гольтипа = сволочь, го-
 лякъ.
 Гоминъ = шумъ.
 Гомониты = шумѣть, разго-
 варивать.
 Гончаръ = горщечникъ.
 Гоны = разстояніе на 120
 саженой.
 Госпѣда = домъ.
 Господаръ = хозяинъ.
 Горлыця = Малоросс. пѣс-
 ня и танецъ.
 Горю-дубъ = хороводная
 игра.
 Гоцакъ = родъ пляски.
 Гребля = плотина.
 Грезетовый = парчевый.
 Гречный = учтивый; не
 гречи = неучтиво.
 Гринку убить = выиграть.
 Громада = общество.
 Гроши = деньги.

Грошинята, грошинятка = денежки.
 Груба = печь, которую топят изъ сѣней.
 Грудныця, груднына = грудь.
 Грынджола, грынджолята = маленькія простыя дѣтскія саночки.
 Грыще = игра.
 Грыцько = Григорій.
 Губка = трутъ.
 Гудзыкы = пуговички.
 Гудзь = пуговица.
 Гукать = аукать.
 Гукнуть = крикнуть.
 Гульвиса = повѣса.
 Гулькъ = глядь.
 Гыдкій = гадкій.
 Гыря = стрига.

Д.

Дале-би, дале-бигъ = право
 Дамкы = шашки.
 Дарма = безденежно.
 Дбать = радѣть, приобрѣтать.
 Де = гдѣ.
 Де где = кое гдѣ.
 Деколы = иногда.
 Денце = донушко.
 Деренивка = настойка на дерень, или кизиль.

Деркачь = дергачъ; голикъ.
 Десь = гдѣ - то; можетъ быть.
 Де-хто = кое-кто.
 Де-що = кое что.
 Де-якій = кой-какой, иной.
 Джерегели = коса на голвь въикомъ сложенная.
 Джерело = ручей, источникъ.
 Джгутъ = линьокъ.
 Дзвиньця = колокольня.
 Дзвинъ = колоколь.
 Дзиндзиверъ = растеніе; удалство.
 Дзиндзиверъ-зухъ = хватъ, лихачъ.
 Дзыга = кубарь.
 Дзыглыкъ = стулъ.
 Дзюбаный = рябый.
 Дидко = дѣдушка, домовой.
 Дижа = квашня.
 Дижка = кадушка.
 Димъ = домъ.
 Дитыся = дѣваться.
 Дмухнуть = дунуть.
 Доба = время, пора.
 Добувать = доставать.
 Добуваться = стучаться.
 Довбать = ковырять.
 Довбня = колотушка.
 Дозвилля = досугъ.
 Дойда = охотничья собака.
 Докосыться = добратся.
 До-купы = въ одно мѣсто.

Доку = покуда.
 Доли = на земль.
 Долоня = ладонь.
 Донька, доня = дочечка.
 Допикать = досаждать.
 Дѳсвиткы = посидѣлки.
 Досвитокъ = разсвѣтъ.
 Доси = досель.
 Дотепа = способность.
 Дотепный = расторопный.
 Дочуться = дослушаться.
 До-чмыгы = кстати.
 Драбына = лѣсница.
 Дразныться = прозывать-ся.
 Драла дать = шибко уйти.
 Дрибно, дрибненко, дриб-несенко = подробно.
 Дрибный = мѣлкій.
 Дрибязокъ = мѣлочъ.
 Дробушечкы = мѣлко заплетенные волосы.
 Дропака дать = направить лыжи.
 Дрочыться = вертѣться, кружиться.
 Дрыгать = ногами двигать.
 Дрюкъ, дрючына, дрючокъ = дубина.
 Дряпичка = взяточникъ.
 Дубивка = родъ дыни.
 Дубленный = хладный.
 Дубъ = родъ лотки.
 Дудочка = названіе танца.
 Дуже = очень, крѣпко.
 Дукать = большая медаль,

которую Малороссіянки носятъ на шее.
 Дуливка = настойка на груши.
 Дуля = родъ продолговатой груши; шишь.
 Дулеты = родъ платья женскаго.
 Дундукъ = говорится объ упрямыхъ и суровыхъ.
 Дурень, дурный = глупецъ, дуракъ.
 Дурманъ = белена.
 Дурно = напрасно, даромъ.
 Дурныця = пустякъ.
 Дутеля изъиысты = умереть.
 Дывоваться = удивляться.
 Дывыться = смотрѣть.
 Дытына = дитя, ребѣнокъ.
 Дяковаты = благодарить.

Е.

Е = есть.
 Еле = едва.
 Ероха = Ерофей.

Ж.

Жартовать = шутить.
 Жарты = шутки.
 Жахлывый = боязливый.
 Жахъ = ужась.

Жваый = бравый.
 Жвхатъ = чваркать.
 Женыхаться = амуриться.
 Жеретя = змя.
 Жертка = вѣшалка.
 Жинка = жена, женщина.
 Жиночій = женскій.
 Жлукто = кадушка въ чемъ парятъ бѣлье.
 Жменя = горсть.
 Жмутокъ = охватокъ.
 Жовны = желваки.
 Жовтый = желтый.
 Жолнирство = солдатство.
 Жупанъ = кафтанъ.
 Журавель = журавль; свадебный танецъ.
 Журба = печаль.
 Журьгысь = печалиться.
 Жывить = брюхо.
 Жыботы = имѣнїе.
 Жывьця = бѣлая смола.
 Жыжа = огонь.
 Жыжки = икры.
 Жыто = рожь.

З.

Забажать = пожелать.
 Забрызчатъ = зазвенѣть.
 Заввышкы = въ вишину.
 Завдовжкы = въ длину.
 Завзятый = неуступчивый.
 За вицо = за что.
 Завжде = всегда.

Завйньця = боль въ животѣ.
 Заворушыться = зашевелиться.
 Завтовшкы = въ толщину.
 Завытатъ = зайти.
 Загавкатъ = залаять.
 Загвоздыть = загнуть.
 Загомонить = закрыть.
 Загынуть = пропасть, погибнуть.
 Задвирокъ = садикъ при домѣ.
 Задрьпаный = запачканный.
 Заздалегидь = заблаговременно.
 Займать = трогать.
 Закомезыться = закапризиться.
 Заквымыть = закричать по птичьему.
 Закомбркы = закаулки.
 Закышатъ = зашумѣть.
 Залескотатъ = зашекетать.
 Зализный = желѣзный.
 Зализо = желѣзо.
 Зальотный = удалый.
 Заговлять = заговаривать.
 Занедбать = забыть, пренебречь.
 Занышкнуть = умолкнуть.
 Западня = ловушка.
 Запаска = передникъ.
 Запѣвне = навѣрное.
 Запекмый = закопсѣлый.
 Запиканка = водка, насто-

янная въ теплѣ на пряныхъ кореньяхъ.
 Запороцатъ = закрыть, затрещать.
 Запропале = напрасно.
 Заразь = тотчасъ.
 Заранна = пораньше.
 Зарюматъ = заплакать.
 Заскавучатъ = завизжать.
 Засмальцованный = запачканный.
 Засталаться = заискивать.
 Застромить = заткнуть.
 Застукаць = прижать.
 Зась = молчать.
 Затнуться = заупрямиться.
 Затопить = крѣпко ударить.
 Затынатъ = отхватывать, бойко играть.
 Затьору дать = бить наповадь.
 Захлясть = изнемогать отъ голода.
 Заховать = спрятать; похоронить.
 Зацідыть = крѣпко ударить.
 Зачервониться = покраснѣть.
 Зачынить = затворить.
 Зашарыться = покраснѣть.
 Зашморгъ = петля.
 Защыпка = крючокъ.
 Збентежить = обезкуражить.

Збижжа = всякія вещи.
 Збрехаты = солгать.
 Збудоваты = соорудить, выстроить, основать.
 Звомпыть = струсить, сконфузиться.
 Згамкатъ = съѣсть.
 Згубыть = потерять.
 Згынуть = пропасть.
 Здаваться = казаться.
 Здатный = способный, ловкій.
 Здѣхнуть = околѣть.
 Здужать = послѣть.
 Зиптянка = негодная женщина.
 Зипхнуть = спихнуть.
 Зирньця = звѣзда.
 Злапаты = охватить, поймать.
 Зледащитъ = избаловаться.
 Злодій = воръ.
 Злыгаты = проглотить.
 Злыгаться = стакаться.
 Злыдни = бѣдность.
 Злякаться = испугаться.
 Змарнить = похудѣть, известись.
 Знайти = сыскать.
 Знахуръ = ворожея.
 Зневага = бѣда.
 Зненацька = нечаянно.
 Знечевья = нечаянно; съдуру.
 Зовыця = золовка.
 Зозуля = кукушка.

Золотарь = золотыхъ дѣль мастеръ.

Золотый = въ щеть 20 копѣекъ.

Зомлить = впасть въ обморокъ.

Зрада = измѣна.

Зрадищъ = отъ радости.

Зрадливо = обманчиво; коварно.

Зразы = часть говядины.

Зробить = сдѣлать.

Зсерця = съ досады.

Зубъ = родъ пѣсни.

Зубци = родъ кушанья.

Зухо = хватъ.

Зыкратый = разноглазый конь.

Зыркъ = глядь.

Зь = съ, изъ.

Зьеднать = договорить.

Зьнаскока = вспрыгнувъ съ размаху

Зь прыгу збыться = съ толку сбиться.

Зь роду = отъ роду.

Й.

Йижакъ = йожь.

Йисты = всть.

Йисько = Осипъ.

Йихать = вхать.

Його = его.

Йолопъ = дуралей, войлокъ.

Йому = ему.

Йорзать = метаться.

И.

Изгынуть = пропасть, околѣть.

Изконебе = изстари.

Изличыты = сочитать.

Изпотыньга смо. спотыньга.

Изрухнуть = двинуться.

Имення = названіе.

Индькъ = индѣйскій пѣтухъ.

Иносъ = ладно, согласенъ.

Иржать = ржать.

Исквапнѣйшій = способнѣйшій.

Ище = еще.

І.

Ійо = въ самомъ дѣлѣ.

Ійонъ = вишь.

Ійонъ-ійонъ = вишь какой.

К.

Кабакъ = табакъ.

Кабакъ = голова, башка; тыква.

Кабьця = Малороссійское снадобье для варенія пищи.

Кавунъ = арбузь.

Кавьярь = икра, изъ Греч.

Кагаль = жидовская школа, шумъ.

Казанъ = котель.

Казка = сказка.

Казыться = бѣситься, дурачиться.

Кайданы = оковы.

Каламайка = коломенка.

Каладь = чернильница.

Калбсь = хорошій, изъ Греч.

Кальтка = мошна, кошелекъ.

Каль = грязь.

Кальный = грязный.

Калюжа = лужа.

Камезыться = капризиться.

Канчукъ = нагайка.

Капамъ = родъ пирожного, изъ Греч.

Капелюхъ = шапка съ ушами.

Капльця = часовня.

Капшукъ = кошелекъ.

Кара = казнь, наказаніе.

Караблькъ = родъ чепца.

Карбижъ = бирка, нарѣзка.

Карвасаръ = Словесный Судъ, помѣщавшійся въ

прежнія времена въ Малороссійскихъ городахъ

и селеніяхъ, на ярмарочныхъ площадяхъ, въ раскинутой палаткѣ.

Кармазына = красное сукно.

Карунка = позументъ.

Кары = дроги водовозныя.

Катъ = палачъ.

Кахоль = изразецъ печной.

Качка = утка.

Каюкъ = лоточка.

Квапиться = польститься; я не покваплюсь на тебе = я не посмотрю на тебя.

Кварта = кружка, десятая часть вѣдра.

Квачъ = помазокъ, чѣмъ тѣлги подмазываютъ.

Кваша = соложеное тѣсто.

Квитка = цвѣтокъ.

Квичать = цвѣтами убирать.

Квочка = насѣдка.

Квылять = кричать по птичьему.

Кебабъ = жаркое, сло. Греч.

Келепъ = молотокъ.

Кендюхъ = желудокъ животныхъ.

Кепковать = издѣваться, дурачить.

Кепъ = дуракъ; играть въ кепъ = играть въ дурачки.

Керея = родъ епанчи.

Кибалка = родъ какошника.

Кибета=склонность.
Кибецъ=ястребъ.
Кившыкъ=корецъ.
Кизякъ=высушенный на-
возъ для топки.
Китляръ=мѣдникъ.
Кишѣня=карманъ.
Кій=дубина.
Клацать=щелкать зубами.
Клекотить=шипѣть во
время кипѣнія.
Клепало=клепня.
Клесачка=инструментъ
сапожный.
Клечанья=деревья съ
листьями срубленныя.
Клочча=охлопье.
Клунки=связки, мѣшечки
съ поклажею.
Клуна=хлѣбный сарай.
Клыкнѣты=позвать.
Кнуръ=боровъ.
Кныши=стульи.
Кобенить=бранить.
Кобза=бандура, древній
инструментъ.
Ковадло=наковальня.
Коваленко=сынъ кузнеца.
Коваль=кузнецъ.
Ковдра=одѣяло.
Коверза=размышленіе.
Ковткы=серги.
Ковтокъ=глотокъ.
Ковтуны=кочки сваяв-
шихся волосъ.
Кожухъ=нагольная шуба.

Козарлюга=удалой козакъ.
Козельци=родъ травы.
Козубенька=корзинка.
Колупать=ковырять.
Колы=когда.
Кблыво=кутья.
Колыска=люлька.
Колысь=нѣкогда.
Колыхаться=качаться.
Комашка=козявка.
Кбминъ=печная труба.
Комиръ=воротникъ.
Комора=кладовая.
Компанійци=бывшее лег-
кое войско въ Малороссіи.
Конвалія=ландышъ.
Кондѣйка=ендола.
Копа=полтина; копна.
Копошиться=рыться, ко-
паться.
Копырнуть=стремглавъ
упасть, полетѣть.
Копыстка=пестикъ, спич-
ка.
Коржъ=лепешка сухая.
Коровай=свадебный хлѣбъ,
раскрашенный и убран-
ный цвѣтами.
Корогва. короговка=знамя.
Короста=чесотка.
Кбтыкъ=родъ игры.
Коханый=милый.
Коць=простой коверъ.
Кошара=загонъ овецъ.
Коштувать=отвѣдать, при-
кушать.

Кравецъ=портной.
Крамарь=купецъ.
Крамъ=мѣлочные товары.
Красоуля=большая рюмка.
Крашанка=красное личко.
Кревнойъ=родственный.
Крейда=мѣль.
Креньця=ручей, ключъ.
Кресало=огниво.
Крѣй Боже=храни Богъ.
Криль=кроликъ.
Кроквы=стропила.
Крутить=вертѣть.
Крученый=бѣшенный.
Кривыи хромой.
Крыця=чистая сталь.
Крыхты=крохи.
Кубокъ=стаканъ.
Кувикать=кричать какъ
поросенокъ.
Куделя=часть льну при-
готовленная для пряжи;
насмѣшливо такъ назы-
ваютъ шиньоны.
Кудели=кудри.
Кузубенька=корзинка.
Кузня=кузница.
Кулишъ=кашица.
Кульбака=сѣдло.
Куля=пуля.
Кундель=простая косма-
тая собака.
Кунтушъ=верхнее длин-
ное женское платьѣ со
складками съзади.
Кунштыкъ=картинка.

Кунять=дремать.
Купа=куча.
Купка=кучка.
Кургыкать=пѣть подъ
нось.
Куринь=шалашъ.
Курка=курица.
Курчѣ=цыпленокъ.
Кутокъ=уголь.
Кухарь=поваръ.
Кухлыкъ=простая глина-
ная кружка.
Кучери=кудри.
Кучерявый=кудрявый.
Кучма=насмѣшка; родъ
шапки.
Кушниръ=кожевенный
мастеръ.
Кштальдъ, на кшальдъ=
на подобіе.
Кблымы=коверъ.
Кынди=теплыя галоши.
Кыслыця=лѣсное яблоко.
Кырпа=носъ, говор. въ на-
смѣшку; кырпу гнуть=
гордиться.
Кырпатыи=курносый.

Л.

Лава=скамья; родъ игры;
Фронтъ.
Лавка=скамейка.
Лагодить=починять.
Ланецъ=подлый.

Лантухъ=большой мѣшокъ изъ толстаго полотна.
 Ланцюжокъ=цѣпочка.
 Ласостохлысть=сластолюбець.
 Ласоци=лакомство.
 Ласый=лакомый.
 Латать = починять бѣлье и проч.
 Латка=заплата.
 Лаять=бранить.
 Левада=сѣнокосное мѣсто.
 Ледацо, ледащяца = негодяй; пустыться въ ледацо=сдѣлаться негодемь.
 Ледве=едва.
 Лежень=лѣннвецъ; бревно.
 Лемишка=саламата.
 Лепсько = хорошо, bravo.
 Лескотать=щекотать.
 Лесько=Леонтій.
 Лѣцата=тиски.
 Лижко=кровать.
 Лижныкъ=шерстяное покрывало.
 Личить=щитать; пользоваться болѣзни.
 Лій, лой = свѣчное сало.
 Локшына=лапша.
 Локшыть = крѣпко бить.
 Лотокы=стокъ умельницы.
 Лунь його вхоптыть = онъ околбеть.
 Луснуть = трѣснуть, лопнуть.

Лыбонь=кажется, чуть ли.
 Лыгать=оплѣтать; крѣпко ударить.
 Лызынь=языкъ бычій.
 Лысый=плѣшивый.
 Лыткы=икры.
 Лыхтарня=фонарь.
 Лыхтарь=подсвѣчникъ.
 Лычакъ=лапотъ.
 Лышень=ка.
 Льохъ=погребъ, пещера.
 Ляда=окончина въ лавкахъ.
 Лядунка = сумка.
 Лягомынецъ = проказникъ.
 Лякаты = пугать.
 Лякъ = испугъ.
 Ляпасъ = пощечина.
 Ляскать = хлопать.
 Лясъ = лѣсъ.
 Лясы пидпускать = лѣстить.
 Ляща дати = дати пощечину.
 Любкы, за любкы = изъ любви.
 Любыстокъ = заря.
 Люлька = трубка.
 Люстрына = родъ шелковой матеріи.

М.

Мабуть = можетъ быть.
 Мавка = русалка, сирена.
 Маетность = владѣніе.
 Мазка = кровь.

Мазныця = дегтяря.
 Макитра=большая глиняная ендола.
 Макогонъ=большой пестъ.
 Макуха = збонны.
 Малахай = плѣть.
 Манá = призракъ, привидѣніе; пустыть ману=обаять, одурить.
 Мандровать = странствовать, бродить.
 Мандрыкы = сырныя лепешки.
 Мондруха = бродяга.
 Манимъ = напрямикъ.
 Марá = привидѣніе, призракъ.
 Марис = напрасно.
 Мартоплясъ = франтъ.
 Мáры = носилки.
 Маслакъ = кость.
 Мастакъ = искусный, мастеръ.
 Матня = ширинка.
 Мать = имѣть.
 Махъ = мигъ.
 Машталиръ = кучеръ.
 Меньокъ = налимъ.
 Мерзеньный = омерзительный.
 Мерщій = поскорѣй.
 Метельця = названіе пѣсни; вьюга.
 Миденъ = мѣдный котелъ.
 Мижовцькы = землемѣръ.
 Мижъ = между.

Мизковать = мудровать.
 Мизокъ = мозгъ.
 Мирошныкъ = мельникъ.
 Мисто, итты на мисто=итти на рынокъ.
 Мисце = мѣсто.
 Мицный = крѣпкій, твердый.
 Млынъ = мельница.
 Мова = рѣчь; безъ мовы=неговоря ни слова.
 Мовлять = говорить.
 Мовчкы = безмолвно.
 Мовъ = будто.
 Мбга, якъ мбга = сколько можно.
 Може = можетъ быть.
 Мокруха = водка.
 Моргать = мигать.
 Мордовать = мучить.
 Мосци, йий мосци = ей милости.
 Моторный = проворный, удалой.
 Мотузокъ = тоненька веревочка.
 Мужчырь = ступка; маленькая мортира.
 Мугырь = простой, грубой мужикъ.
 Мусій = Мойсей.
 Мунька = Маша.
 Муровать = строить что изъ кирпича.
 Муругій = темнорыжій съ черными полосами.

Муры́й = темнорыжий.
 Муръ = каменная стена.
 Мусить = долженствовать.
 Муцыкъ = мопса.
 Муштроватъ = учить солдатъ.
 Мчалка = вѣстница.
 Мырковать = разсуждать.
 Мыряне = люди.
 Мыска = простое блюдо.
 Мытью = вмигъ.
 Мышка = родъ игры.

Н.

На-бакиръ = набокъ.
 Навзаводы = вскачь, въ галопъ.
 Навзничъ лежать = лежать на спинѣ.
 Навиженный = юродивый.
 Нависный = каждому предлагаемый.
 Навспражки = серьезно.
 Навтикача = науходъ.
 Навтики драть = уходить.
 Нагодувать = накормить.
 На-голо = всѣ вообще.
 Наймытъ = работникъ.
 Наймычка = работница.
 Накарпасъ = таска, потасовка.
 На-кшальдъ = наподобіе, на манеръ.
 Накыватъ пятамы = уйти.

Намацать = нащупать.
 Намитка = простой головной уборъ.
 Намысто = манисто, ожерелье.
 Напростецъ = напрямикъ.
 Наробить = надѣлать.
 Насиння = сѣмена.
 Насупиться = нахмуриться.
 Нахопиться = наскочить.
 Небижныкъ = покойникъ.
 Небѣга = бѣдняжка.
 Неборакъ = бѣднякъ.
 Небы = какъ бы.
 Невключый = не ловкій.
 Негѣже = некстати.
 Негречи = неучтиво.
 Недилля = Воскресенье.
 Недовирокъ = невѣрный.
 Недогарокъ = огарокъ.
 Недорика = заика.
 Не-до-солы = невремя, некогда.
 Недужъ = болѣнь.
 Недурно = не понапрасну.
 Нѣжить = насморкъ; прихоть.
 Незгиршій = нехудшій.
 Некрутъ = рекрутъ.
 Нема = нѣтъ, неимѣется.
 Ненарокомъ = ненарочно.
 Ненаскый = чужестранный.
 Неначе = какъ будто бы.
 Неня = мать.
 Необачно = неосмотрительно.

Непевный = непростый.
 Несамовытый = потерянный.
 Нестямиться = неопомниться.
 Нетутешный = нездѣшный.
 Нехай = пускай.
 Нешпетный = изрядный.
 Нибы = какъ будто бы.
 Нивычьтъ = издѣваться.
 Ни въ сыхъ, ни въ тыхъ = въ недоумѣннй.
 Нижъ = ножъ.
 Нижъ = нежели.
 Никомный = ни къ чему годный.
 Ниначе = какъ будто.
 Нись = носъ.
 Носатка = родъ кувшина.
 Нудно = тошно.
 Нудить = тошнить.
 Нудьга = тоска, скука.
 Нумо = станемъ.
 Нышпорить = шарить.
 Ныщечкомъ, нышкомъ = потихоньку, украдкой.
 Ныць лежать = лежать спиной вверхъ.

О.

Оберемокъ = охапка.
 Обиручъ = объими руками.
 Обицанка = обѣщаніе.
 Облызня пійматы = получить неудачу.

Обрання = нижнее платье.
 Обрыднуть = наскучить.
 Обценькы = клещи, щипцы.
 Овсій = Евсентій.
 Одвиркы = рамы дверныя.
 Одпочыты = отдохнуть.
 Одыть = отрубить.
 Одиураться = отректись.
 Одчашнуть = оторвать, отщепить.
 Одчесать голову = отрубить голову.
 Одчынить = отворить.
 Одъ = отъ.
 Одягнуться = одѣться.
 Огеръ = жеребецъ.
 Огирокъ = огурецъ.
 Огыднуть = омерзѣть.
 Озырнуть = обозрѣть.
 Оковыта = водка, изъ Лат. aqua vitae.
 Оконьця = ставень.
 Окошьиться = окошуриться.
 Окрипъ, окропъ = кипятокъ.
 Окуляры = очки.
 Олешко = Алексій.
 Олія = масло сѣмянное.
 Омелько = Емельянь.
 Онагръ = кабанъ.
 Опанасъ = Афанасій.
 Опановаты = овладѣть.
 Опизниться = опоздать.
 Оправа = переплетъ.
 Опричный = отборный.

Опрягтысь = представить-
ся, умереть.
Опудало = чучало.
Опыныться = очутиться.
Орижжа = оружіе.
Орышка = Ирина.
Оселедец = сельдь; длин-
ный клочок волосъ на
бритой головѣ надъ ло-
бомъ.
Осся = домъ, жилище.
Ослинь = скамья.
Осоружный = отвратитель-
ный.
Остапъ = Евстафій.
Осыка = осина.
Ось = вотъ.
Ось-ось-де = вотъ здѣсь.
Отдячыть = отомстить.
Отлыга = оттепель.
Отъ = вотъ.
Охвота = родъ юпки.
Охлясть = ослабѣть.
Охримъ = Евфремъ.
Оце, отсе = это.
Оцегъ = уксусъ.
Оцупалокъ, оцупокъ = от-
рубокъ, толстое полвно.
Очерегъ = тростникъ.
Очипокъ = родъ чепца.
Очкуръ = гашникъ.
Очунять = оправляться, вы-
здоровливать.
Очыци = глазки.

П.

Павыдло = желе изъ фрук-
товъ.
Павычъ = павлинь.
Палать = пылать.
Палкенькій = горючий.
Пальонка = водка.
Пальвода = необузданный.
Паля = свая; линѣйка.
Пампухы = родъ пышекъ.
Памфылъ = родъ карточной
игры.
Панась = Афанасій; играть
у Панаса = играть въ
жмурки.
Паникадыло = люстра.
Пани-стара = задняя часть
тѣла.
Панове = господа.
Панотець = батюшка.
Пантелькы = толкъ.
Пончохы = чулки.
Панщына = барщина.
Панько = Пантелеймонъ.
Пань-матка, пани-матка,
пай-матка = матушка.
Папёръ, папёръ = бумага.
Парубокъ, парубійка = па-
рень.
Пархомъ = Парфентій.
Пары = родъ карточной
игры.
Патынкы = черевики.
Пахолокъ = парнишка,
мальчикъ.

Паци = ладышки, бабки.
Пацюкъ = поросенокъ; кры-
са.
Пашня = всякой хлѣбъ въ
зернахъ.
Пашокъ = родъ карточной
игры.
Пащыковать = дерзко раз-
сказывать.
Певне = вѣрно, надежно.
Певный = надежный.
Педько = Федька.
Пекарня = кухня.
Пекельный = адскій.
Пекло = адъ.
Пелена = подоль.
Перебіецъ = боець.
Перевертень = оборотень.
Перѣкупка = торговка.
Перегону дати = поколо-
титъ хорошенько.
Перелогы = корчи.
Перельщывать = перевер-
нуть на изнанку.
Перенять = научиться; ос-
тановить.
Переполохъ = болѣзнь отъ
испугу.
Перше = сперва.
Першый = первый.
Перыстый = разношерст-
ный.
Петривъ батигъ = цикорія.
Печеня = жаркое.
Печинка = печень; жар-
кое.

Печына = кусокъ глины,
отвалившейся отъ печи.
Пивквартивки = полкварти,
полкружки.
Пивень = пѣтухъ.
Пивкондйкы, см. кондйка.
Пивкопы = 25 копѣекъ.
Пивлоктя = мѣра около
поларшина.
Пидборный = подложный,
фальшивый.
Пидданци = подданные.
Пиддурить = подвести,
смануть.
Пидлева = соусъ, подливка.
Пидмовыть = подговорить.
Пидморгнуть = подмигнуть.
Пидпаль = растопка.
Пидперезаться = опоясать-
ся.
Пидпинокъ = простая го-
рѣлка.
Пидсыпаться = подбирать-
ся.
Пидтѣпанка = потаскуха.
Пидтрунять = подстрекать,
подзадоривать.
Пидтыкаться = подобрать
платѣе.
Пидтюпцемъ = бѣгомъ,
рысью.
Пидтѣга = воръ.
Пидцьковать = травить;
клеветать.
Пиль = нары, широкая
скамья.

Пинная = самое лучшее хлѣбное вино.
 Пиндючить = натягивать.
 Пинявій = пѣнистый.
 Пипъ = попъ, жрецъ.
 Писля = послѣ.
 Плазовать = ползать, карабкаться.
 Плахта = родъ юпки, которую носятъ поселанки.
 Плидъ = плодъ, потомство.
 Плохутка = хилый.
 Плыгать = скакать.
 Плюгава = паскуда.
 Плюсь = фиркъ, бултыхъ.
 Пляць, плецъ = пустое мѣсто, гдѣ прежде было жилье.
 Пляшка = фляжка.
 Побарыться = промешкать.
 Побачить = усмотрѣть, увидѣть.
 Поботь, побыть = способъ.
 Повага = уваженіе.
 Повзать = ползти.
 Погожій = хорошій, годный.
 Погудка = поговорка.
 Подіять = подѣлать.
 Подымне = подать съ дому.
 Поквапиться = уважить.
 Покепковать = подурчить.
 Поколыхнуться = пошатнуться, покачнуться.
 Покотомъ = вповалку.
 Покутья = почетное мѣсто въ избѣ подъ иконами.

Покуштовать = отвѣдать.
 Покры = покуда.
 Полова = мякина.
 Поломья = пламя.
 Полохаться = пугаться.
 Полуница = клубника.
 Польгаться = подружиться.
 Польца = полка.
 Помандрувать = побрести.
 Помело = метла.
 Помистъ = полъ.
 Помыльться = ошибиться.
 Помынокъ = воспоминање.
 Понадыться = повадиться.
 Понедилковать = постить по понедѣльникамъ.
 Понурый = пониклый.
 Попада = жрица.
 Поперекъ = поясница.
 Попрычеплять = попривязывать.
 Попхаться = потаскаться.
 Порада смот. рада.
 Пораться = управляться.
 Поратуваты = защитить.
 Поробить = подѣлать.
 Пороснуть = хлынуть.
 Порохъ = пыль.
 Порощать = трещать, шумѣть.
 Порьскый = живой, рѣзвой.
 Послызнуть = исчезнуть.
 Посмоктать = сосать.
 Поспольтый = народный.
 Поспульство = народъ.

Постолы = родъ лаптей.
 Постривай = постой, погоди.
 Поступкы = постъ, говѣнье.
 Потанци = родъ крошки съ хлѣбомъ.
 Потипаха = неряха.
 Потравы = разныя кушанья.
 Потыльця = затылокъ.
 Потыльшныкъ = ударъ по затылку.
 Поховаты = погребсти.
 Похнюпиться = потупиться.
 Почухъ = почесать.
 Почухратъ = пуститься, махнугъ.
 Почынокъ = полное веретено нарядныхъ нитокъ.
 Пошановать = почтить.
 Пошарпать = подрать.
 Поштурхаться = подратиться.
 Прасунокъ лыхій = злая немочь.
 Прать = стирать.
 Працьовать = трудиться.
 Працьовытый = трудолюбивый.
 Праця = стараніе, трудъ.
 Привидця = затѣйщикъ.
 Прися = Евфросинія.
 Прожогомъ = стремглавъ.
 Прокынуться = проснуться.
 Проруха = ошибка.
 Просвитокъ = отдыхъ.

Просерень = прольски.
 Просильне = съ засоломъ.
 Простягнуть = простирать.
 Простягнуться = протянуться.
 Протурить = прогнать.
 Прохаты = просить.
 Прочане = захожіе.
 Прочвара = странный бродяга.
 Прочуматься = просвѣжиться.
 Прочуханъ = поволочка.
 Проща, на прощу = на поклоненіе.
 Прудко = шибко, скоро.
 Прудиться = выгомать блохъ изъ бѣлья на огнѣ.
 Пручаться = вырываться, освободиться.
 Прыданкы = свадебныя гости женщины.
 Прыдбать = припасти, приготовить.
 Прыдзыгльованка = вертлявая женщина.
 Прыкмета = примѣта.
 Прыкрутить = строго приказать.
 Прылабузниться = подбаться.
 Прылавокъ = скамья.
 Прымха = причуда, почесть.
 Прыпичокъ = очагъ.
 Прыплентачь = пришлецъ.

Прыспа=завалина.	Р.
Прытаманный=настоящій, собственный.	Рада=советъ.
Прытульться=прильнуть.	Радоши=радости.
Прычвалать=прибрести.	Ралець, ходить на ралець = по нарочитымъ праздникамъ ходить на поклонъ съ подарками.
Прычепурыться = приодѣться, нарядиться.	Ранокъ=утро.
Пражѣный=на сковородѣ жареный.	Ратовать=спасать.
Псовать=портить.	Рахувать = щитать; разсуждать.
Пся-юха = бранное слово.	Рахунокъ=разсчетъ.
Птаха = птица.	Рачкы=на четверенькахъ.
Пуга=хлысть.	Реготать = смѣяться со всей мочи.
Пудофеть = тяжелый на подъемъ.	Реготь, реготня=смѣхъ.
Пуздерокъ = погребець, ларчикъ.	Репаться=трѣскасться.
Пундыкъ = родъ пирожнаго.	Репяхы=репейникъ.
Пустовать=шалеть, рваться.	Ретязокъ=цѣпочка.
Пустырѣ=пустое мѣсто.	Ривчакъ=канава.
Путря=родъ толокна.	Ридь=родъ.
Пуття=удача.	Рижкы = рыжики, родъ грибовъ.
Путывочка=родъ небольшого круглаго яблока.	Ризныци=мясной рядъ.
Пуцьверынокъ=малютка.	Рій=рой.
Пыхканья=всхлывыванье.	Робыть=дѣлать.
Пыка=роза.	Рогизь=сытникъ.
Пыльновать=строго наблюдать.	Родзынкы=изюмъ.
Пыха = церемонія, пышность.	Родыны=роды.
Пьясты = выпучить.	Родычъ=родственникъ.
	Роженъ=коль; бѣдя.
	Розбышака=сорванецъ.
	Розважать=развѣшивать.
	Розгардіяшъ=роскошество.

Роздяковаться = разблагодариться.	Рябий=веснушечный.
Розжевиться = загараться, разгаряться.	Ряжка=шайка.
Роззявить=розинуть.	Рясть топтать=жить.
Розличиться=рощитаться.	С.
Розмовлять = разговаривать.	Саета, сіета=тонкое сукно.
Розплатать = разрѣзать на двое.	Сагайдачный = имя бывшего в Малороссіи Кошоваго начальника.
Розплататься = растянуться.	Саживка = бассейнъ у источника.
Розпрындѣться=раскапризиться, возгордиться.	Саламаха=родъ кушанья.
Розхристаный = распахнутый.	Самота, на самоти = на единѣ.
Розчовпать=понять.	Санжаривка = названіе пѣсьни.
Розчухратъ = разсѣять, разбить.	Сановытый=статный.
Розшрубить=развинтить.	Сапьянци = сапоги сафьянные.
Ромень=ромашки.	Сварыться=ссориться, угрожать.
Рубанецъ = польно, отрубокъ.	Сваха=сватья.
Рудый=рыжий.	Свашковать=сватать.
Рушати=трогаться.	Свердель=буравъ.
Рушення=возстаніе.	Свердлыть=буравить.
Рушныкъ = утиральникъ, полотенцо.	Свителка, свитлыця=гостинная.
Рушныця=ружье.	Свынка, играть въ свынкы=играть въ городки.
Рыдванъ=парадная карета.	Свыта=родъ шенели.
Рыжь=сарачинское пшено, рись.	Сервета = салфета.
Рынва=жолобъ.	Серпанокъ=родъ полотна.
Рычка=коровница.	Сердюкъ = родъ воиновъ Малороссійскихъ.
Ряко = родъ кушанья; названіе собаки.	

Сизьонъ = Созонтій.
 Силькись = нужды нѣтъ.
 Сиривецъ = квасъ хлѣбный.
 Сирка = сѣра.
 Сирныкы = сѣрные спички.
 Сирромаха = безпечный.
 Сирякъ = верхняя одежда изъ простаго толстаго сукна.
 Сицюга = бранное слово.
 Скаженный = бѣшенный.
 Скарбъ = кладъ; капиталъ.
 Скипка = щепка.
 Скиць = прыгъ.
 Скло = стекло.
 Слярь = стекольщикъ.
 Сколотыть = всболтать.
 Скомпоновать = составить.
 Скреготать = скрежетать; скрипеть зубами.
 Скризь = скрозь, повсюду.
 Скрутыться = взбѣситься.
 Скрыня = сундукъ.
 Скубты = драть за волоса.
 Скуйовдать = смять.
 Скъбка = ломоть, кусокъ.
 Скърта = скирда; куча.
 Сластьоны = пышки.
 Слызнуть = пропасть.
 Слынить = плакать.
 Слымакъ = монашескій слуга.
 Смаженный = вареный въ маслѣ.
 Смакъ = вкусъ.

Смалець = топлёный жиръ изъ птицъ.
 Смачно = вкусно.
 Смачный = вкусный.
 Смеркло = сумерки.
 Смиття = соръ.
 Смукоть = смущеніе.
 Сокрыра = топоръ.
 Сопилка = свирѣль.
 Сопты = сопѣть.
 Соромъ = стыдъ, срамъ.
 Сорочка = рубашка.
 Софорокъ, до софорку = съ фаршемъ.
 Спальить = сжечь.
 Спектысь = сожечься.
 Спивака = пѣвецъ.
 Спивать = пѣть.
 Спидныця = юпка.
 Спидъ = сподъ.
 Спиткать = поддѣть, опутать.
 Сплыгнуть = вскочить.
 Сподарь = сударь.
 Сподиваться = надѣяться, ожидать.
 Сподобаться = полюбиться, понравиться.
 Сполохать = испугать.
 Спотыньга = нечаянно, неожиданно.
 Спунку = съ малолѣтства.
 Спустъ = заторъ.
 Спысь = копьё.
 Спысьменська = съ висока, по ученому.

Спытать = спросить.
 Ставокъ, ставъ = прудъ.
 Станъ = состояніе, порода.
 Станя = конюшня.
 Старосты = сваты.
 Старці = нищіе.
 Стегно = ляшка.
 Стежка = тропинка.
 Стеля = потолокъ.
 Стеха = Стефанида.
 Стецько = Стефанъ.
 Стійка = карауль, часы.
 Сто-лыхъ = несчастіе, бѣда.
 Сто-зь-окомъ = сто одинъ.
 Стовпци = гречишники.
 Страва = кушанье.
 Стриха = навѣсъ у кровли.
 Строкатый = пѣгій.
 Стулыть = сжать, сомкнуть.
 Ступа = толчя.
 Стусаны = тумакы.
 Стъонжка, стъожка = лента.
 Стыхъ = стихъ; урокъ.
 Субитка = наказаніе, дѣланное прежде, во многихъ Малороссійскихъ школахъ, ученикамъ каждую субботу.
 Сулія = бутылъ.
 Сумовать = тосковать.
 Сумно = страшно, ужасно.
 Сунка = котомка.
 Суньця = земляника.
 Супонить = бить ремнемъ.
 Сусиль = мгновеніе внезапнаго и нечаяннаго появленія.

Сутый = суцій, настоящий.
 Суцига = бранное слово.
 Схаменуться = опомниться.
 Сховать = спрятать.
 Сцилныкы = соты.
 Сывый = сѣрый, сѣдой.
 Сыкаться = мѣшаться.
 Сырѣватка = сыворотка.
 Сыта = вода съ медомъ.
 Сьомый = седьмой.

Т.

Та = да, и.
 Танцюра = танцоръ.
 Таранковатый = рябій.
 Тарадайка = повозченка.
 Таранъ = родъ рыбы.
 Тарилка = тарѣлка.
 Твань = тина.
 Тварь = лице.
 Телешыкъ = имя изъ Малороссійскихъ сказокъ.
 Тельбухы = внутренности животныхъ.
 Теревенивени = ахинея.
 Терешко = Терентій.
 Тертушка = тюрка.
 Тертыця = тѣсь.
 Тесля = плотникъ.
 Тетеря = тюря.
 Тимаха = повѣса.
 Тименьци = нечистота на тѣлѣ.
 Товкать = толкать.

Товкты = толочь; твердить.
 Товкачь = пестикъ.
 Товарь = рогатый скотъ.
 Товпыться = тѣсниться.
 Товченыкы = уха съ фаршированной щукою.
 Торба = котомка.
 Торгъ = рынокъ, базарь.
 Треба = нужно, надобно.
 Третьякъ = фигура въ Малороссійскихъ танцахъ.
 Трися = болото.
 Трѣхы = мало.
 Трохы-трохы = чуть-чуть.
 Трусъ = землетрясеніе.
 Трычи = три раза, трижды.
 Трюхатъ = рысцой бѣжать.
 Трястя = лихорадка.
 Тупыця = тупой топоръ; тупая голова.
 Турбаціи не заживайте = не беспокойтеся.
 Турбовать = беспокоить.
 Тутечка = тутъ, здѣсь.
 Тыждень = недѣля.
 Тыква = родъ кувшина.
 Тымфа = родъ шутки, когда сонному пускаютъ дымъ въ носъ.
 Тынъ = плетень, частоколь.
 Тычка подуть = попробовать силы.
 Тьху даты = разбить, крепко наказать; чимъ-тьху = со всей силы.

Тютюнъ = курительный табакъ.
 Тяглый = человекъ, имѣющій рабочую скотину.
 Тямущій = смысленый.
 Тямыть = памлтовать.

У.

Ублагать = упробить.
 Убрання смот. обрання.
 Увередиться = повредиться.
 Угамоваться = успокоиться.
 Уджыгнуть = удрать, отхватать.
 Укладъ = уговоръ.
 Улещать = соблазнять.
 Улыкъ = улей.
 Умова = договоръ.
 Умовка = условіе.
 Унадыться = повадиться.
 Упырь = уродъ, колдунъ.
 Усы = галуны, нашитые на крестъ по сторонамъ лифа на кунтушъ.
 Уранци = поутру.
 Уродливый = дородный и одаренный хорошими качествами.
 Устромыть = вонзить.
 Устрыгты = хватить.
 Усюды = вездѣ.
 Уतिकать = уходить.
 Утикачь, втикачь = бѣглець.

Утыхомырыться = утишиться.
 Ушкварыть = крепко ударить.

Ф.

Фаналевый = фланелевой.
 Финдюрка = потаскуха.
 Фиртка = калитка.
 Флынта = родъ ружья.
 Фуга = выюга.
 Фульце = фуру.
 Фыгы = винныя ягоды.
 Фыгли = штуки.
 Фылы = волны.
 Фылыжанка = чашка чайная.

Х.

Халазія = потасовка; халазію дать = отодрать розгами.
 Халепя = бѣда, напасть.
 Хальмонъ = Филимонъ.
 Халыва = голенище.
 Халандры = цыганской танецъ.
 Хапаться = торопиться.
 Хаптурный = взяточный.
 Харпакъ = грубой мужикъ.
 Харько = Харитонъ.
 Харцызь = разбойникъ.

Хата = изба.
 Хвататься = спѣшить.
 Хвороба = болѣзнь.
 Хвысткый = упругій.
 Хиба = развѣ.
 Хлопецъ = мальчикъ, малой.
 Хльору дать = дать чосу.
 Хльпанна = плачь, всхлипываніе.
 Хлюсть = карточная игра.
 Хлякы = рубцы.
 Хлюща = обмокшій.
 Хмара = облако.
 Хмызь = сухой мѣлкой хворость.
 Ховать = прятать.
 Холбши = нижнія части шараваръ.
 Хортъ = борзая собака.
 Хоча = хотя.
 Хрецькы = хороводная игра.
 Хринъ = хрень.
 Хропты = храпѣть.
 Худоба = имущество.
 Хукать въ руки = дышать въ руки во время холода.
 Хустка = платокъ.
 Хутко = немедленно, скоро.
 Хуторъ = мыза, дача.
 Хутро = подбой, подкладка.
 Хыжка = чуланъ.
 Хымыть = гнуть.
 Хырный = больной, дрянной.
 Хысть = способность.

Ц.

Цапъ = козель.
 Цвенькаты = худо выговаривать.
 Цвиркунъ = свѣрчокъ.
 Цвынтаръ = ограда церковная.
 Цвяшкы = гвоздики.
 Цвяшкованый = испещренный.
 Цеберъ = ушадь.
 Цегла = кирпичъ.
 Цера = лице.
 Цивка = трубочка.
 Циновый = оловяный.
 Ципокъ = палка.
 Цмокаться = цѣловаться.
 Цмокъ = поцѣлуй; пожарная труба.
 Цнотлывый = добродѣтельный.
 Цокотуха = щебетуха.
 Цупко = крѣпко.
 Цупить = тянуть, тащить.
 Цураться = отказываться.
 Цуцькъ = собачка.
 Цяця = игрушка.
 Цыбуля = лукъ.
 Цыбульки дать = щелкнуть въ носъ.
 Цыть = молчи.
 Цьковать = травить собаками.
 Цьохля = живая дѣвка, проворная въ дурномъ смыслѣ.

Ч.

Чаплія = сковородникъ.
 Частовать = подчивать.
 Чвалать = таскаться.
 Чваняться = хвастать.
 Чвыркъ = остатокъ послѣ перегонки спирту.
 Чекать = ждать.
 Чемчыковать = улизнуть.
 Чепоруха = щеголиха, опрятная; полная, большая рюмка.
 Чепурный = опрятный.
 Чепуриться = наряжаться.
 Червоный = красный.
 Черга = очередь.
 Черкать = пуститься куда.
 Чернецъ = монахъ.
 Чи = ли, развѣ, или.
 Чимало = немало, довольно.
 Чимъ-дужъ = сколько есть силы.
 Чкурнуть = дать драла, махнуть.
 Чмилъ = шершень.
 Чмыга, до чмыгы = кстати, къ дѣлу.
 Чобить = сапогъ.
 Човень = лотка.
 Човпты = розбирать.
 Чоломкаться = цѣловаться.
 Чубыть = за волосы драть.
 Чубъ = волосы обстриженные и оббритые въ кружокъ.

Чуйка = шенель.
 Чулый = чувствительный.
 Чупрунъ = простой мужикъ.
 Чупрына = длинный клокъ волосъ отъ вершины лба, завитый за ухо.
 Чупрындырь = удалецъ.
 Чутка = вѣсть.
 Чуть = слышать.
 Чухрай = имя собаки.
 Чыкыльдыха = водка.
 Чынча = оброкъ.
 Чычыркъ, ни чычыркъ = не шевелись.

Ш.

Шабля, шаблюка = сабля.
 Шагъ = грошъ.
 Шайтанъ = чортъ. изъ Турецъ.
 Шаленый = съумашедшій.
 Шалькы = вѣсы.
 Шана = честь.
 Шановаться = быть благопристойнымъ.
 Шаповалъ = шерстобой.
 Шарпнуть = схватить.
 Шафовать = расточать издерживать.
 Шахрай = обманщикъ, шарлатанъ.
 Шваба дать = задать копати.
 Швендьовать = таскаться.
 Швець = сапожникъ.

Швыдко = скоро.
 Шевлія = шалфей.
 Шевскій = сапожникъ.
 Ширитвасъ = большой чанъ.
 Шкандовать = стихи сочинять.
 Шкапа = лошадь, кляча.
 Шкаралупа = скорлупа.
 Шкарбунъ = старый, изношенный сапогъ, или башмакъ.
 Шкварчать = трещать на огнѣ, говорится о салѣ.
 Шкерѣберть = вверхъ ногами.
 Шкѣда = вредъ, убытокъ.
 Шкодлывый = вредный.
 Школа жыдивська = Синагога; шумъ.
 Шкура = кожа.
 Шльондра = неопрятная женщина.
 Шльоха = потаскуха.
 Шляхъ = дорога.
 Шмаровозъ = подмазчикъ телеги.
 Шпакъ = скворецъ.
 Шпалеры = обои.
 Шпеныкъ = конецъ стрѣлы, или какого нибудь острья.
 Шпетить = бранить, поносить.
 Шпувать = блевать.
 Шпурлять, шпурнуть = бросать, швырять.

Шпыгонъ=шпіонъ.
Шрамъ=знакъ послѣ раны.
Шукать=искать.
Шуликъ=коршунъ.
Шулькь=родъ пирожна-
го съ медомъ и макомъ.
Шульга=лѣвша.
Шульпика=коршунъ.
Шумыха=простое книж-
ное золото.
Шушонъ=родъ капота.
Шыбенкь=сорванецъ.
Шыковать=устроить,
приготовлять.
Шынокъ=питейный домъ.
Шыпына=шиповникъ.

Щ.

Ще=еще.
Ще-серце, на ще-серце=
на тощакъ.
Щебетать=рѣзво разска-
зывать.
Що=что.
Щобъ=чтобъ.
Щось=что-то.
Щуплый=порядочный.
Щырый=истинный, истый.

Ы.

Ынчій=иной.

Ю.

Юнацьство=козацкая ух-
ватка.
Юрба, юрбыця=толпа.
Юрко=Егоръ.
Юшка=уха.
Юшьить=литься.

Я.

Ягны=родъ кушанья, изъ
Греч.
Якый=какой.
Якъ=какъ.
Якъ-мога=сколько можно.
Якъ-ось=какъ-вотъ.
Яловець=можевельникъ.
Ялозыть=мазать, пачкать.
Ярмызь=безпорядокъ.
Ятровка=своячина.
Яцько=Яковъ.

КОНЕЦЪ.

ФАКСИМІЛЬНЕ
ВИДАННЯ

Київ
Видавництво
художньої літератури
«Дніпро»
1979

10 000 прим.

Київ

ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ
ЛІТЕРАТУРИ
«ДНІПРО»

1980

ПЕРЕДМОВА
ДО
ФАКСИМІЛЬНОГО
ВИДАННЯ
«ЕНЕІДИ»
1842
РОКУ

Є. С. Шабловський
Б. А. Деркач

ПЕРЛИНА
УКРАЇНСЬКОЇ
ЛІТЕРАТУРИ

*Пройдуть віки, настане вічне літо,
І так, як ми, як з нами це було,
Над книжкою твоєї «Енеїди»
Нащадок схилить радісне чоло.*

Володимир Сосюра

Творчість видатного діяча української демократичної культури, письменника-просвітителя Івана Петровича Котляревського відкрила нову добу в історії української літератури. Серед майстрів слова дошевченківського періоду він перший звернувся до життя народу, на повну силу заговорив його багатою барвистою мовою, засвідчивши таким чином її невичерпні можливості. Правдиво зображувати життя, захищати інтереси пригноблених мас — ось основне завдання, яке ставив перед собою Котляревський-гуманіст. Сформувавшись як письменник під впливом передової української та російської культур, зазнавши благодатного впливу народної творчості, Котляревський звеличив моральні якості народу, його мудрість, відстоював право трудового люду на свободу й вільне життя. Саме тому «Енеїда» та «Наталка Полтавка» і нині продовжують чарувати читачів, виховують у них почуття любові до Батьківщини, віру в народ, в його мужність і гідність.

* * *

Поема «Енеїда» — перший твір серед літературного доробку І. П. Котляревського — перший і за часом написання, і за суспільно-художнім значенням. Письменник працював над поемою з невеликими перервами близько тридцяти років, починаючи з 1794 р., під час учителювання в поміщицьких родинах на Полтавщині. Не залишав роботи над «Енеїдою» він і в період перебування на військовій службі (1796—1808). Готуючи перші частини поеми, І. П. Котляревський імовірно не мав наміру їх друкувати. Проте «Енеїда» набувала великої популярності серед читачів, поширюючись на Україні й за її межами в багатьох рукописних списках. За одним з них 1798 р. у Петербурзі з'являється перше видання поеми під назвою «Малороссийская Енеида в трех частях» (на титульній сторінці: «Енеида на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским») з присвятою «Любителям малороссийского слова усерднейше посвящается». Видана вона була з ініціативи і на кошти багатого конотопського поміщика М. Парпури, який жив тоді в Петербурзі і займався видавничою діяльністю, відаючи друкарнею Медичної колегії. Активну участь у виданні «Малороссийской Енеиды...» брав також інспектор Медичної колегії П. Каменецкий: він редагував текст, вичитував, коректуру, уклав доданий до поеми словник «малороссийских слов», яким пізніше скористався І. П. Котляревський, значно поширивши й уточнивши його для свого видання.

1808 р. в Петербурзі повторив попереднє видання «Енеїди» книговидавець І. П. Глазунов. Обидва випуски поеми з'явилися без відома І. П. Котляревського і, зрозуміло, не могли задовольнити його. Тому 1809 р. в Петербурзі І. П. Котляревський підготував третє видання поеми з трохи зміненою назвою: «Виргилиева Энеида на малороссийский язык предложена И. Котляревским». На титулі сам автор зазначив: «Вновь исправленная и дополненная противу прежних изданий». Поема мала присвяту: «С. М. К-ю усердно посвящает сочинитель». Це присвята С. М. Кочубею, полтавському губернському маршалкові, коштами якого було здійснено видання. Тут уперше була вищена четверта частина поеми.

В «Уведомлении», що передує текстові, І. П. Котляревський писав: «Энеида, на малороссийский язык мною предложена, в 1798 и 1808 годах была напечатана без моего ведома и согласия.

Она досталась господам издателям со многими ошибками и опущениями, случившимися от переписки, а сверх того и издававшие многое в ней по-своему переделали и почти испорченную выпустили под моим именем.

Я решился исправить и дополнить прежде напечатанные три части и, присоединив четвертую, издать все вместе.

Благосклонное принятие Энеиды сей от публики будет наградою трудов моих; и ежели она принесет удовольствие читателям, то я поспешу предложить и пятую часть».

Над п'ятою і шостою частинами «Енеїди» Котляревський працював протягом десяти років. Десь у 1820 р. поема була завершена. Проте за життя автора останні частини так і не були опубліковані, окрім деяких строф.

Уривок з п'ятої частини друкувався в 1822 р. на сторінках журналу «Соревнователь просвещения и благотворения» — органу «Вільного товариства аматорів російської словесності» з редакційною приміткою: «Доставлений у Товариство відомим автором І. П. Котляревським. Подаємо його читачам журналу, сподіваючись, що утішимо шанувальників цього твору, сповненого незвичайної веселості, дотепності і в багатьох відношеннях досить оригінального. Вони, певно, зрадіють, довідавшись, що п. Котляревський новонаписаними двома піснями зовсім закінчив малорос[ійську] «Енеїду» і незабаром має намір видати її повністю».

Трохи раніше, 29 серпня 1821 р., І. П. Котляревський був обраний почесним членом товариства за рекомендацією М. І. Гнедича, що перебував у дружніх стосунках з ним. У грудні 1821 р. Гнедич сповіщав І. П. Котляревського про те, що цей уривок читався на засіданні товариства і був високо оцінений присутніми. Він також радив авторові «Енеїди» видати всю поему. І. П. Котляревський звертався до нього з проханням допомогти надрукувати «Енеїду»: «Для меня в особенности было бы приятно и чувствительно, если бы Вы были посредником сбыть с рук моих «Энеиду»; Вы чрез сие сделаетесь моим благотворителем, и я Вашим пособием вкусил бы плоды двадцатилетнего моего терпения и посильных трудов».

Немає певних відомостей про те, яких заходів вживав М. І. Гнедич щодо видання «Енеїди», але безсумнівно, що він щиро намагався виконати прохання свого друга.

Надісланий М. І. Гнедичу 11 вересня 1822 р. другий уривок з п'ятої частини «Енеїди» також читався на засіданні товариства, члени якого (серед них був присутній і К. Ф. Рилєєв) схвально сприйняли і рекомендували його до друку. Він був опублікований 1823 р. також у «Соревнователе просвещения и благотворения».

Уривок з шостої частини «Енеїди» вийшов у харківському альманасі «Утренняя звезда» (кн. 2) в 1833 р.

У 20—30-х роках І. П. Котляревський неодноразово звертався до знайомих і друзів з проханням посприяти у виданні «Енеїди» в Москві чи Петербурзі. Зберігся лист-відповідь (червень 1828 р.) російського літератора М. Мельгунова (І. П. Котляревський познайомився з ним улітку 1827 р. в Полтаві), в якому він писав про наслідки переговорів з московськими видавцями: «Запевняю Вас, що я з свого боку докладав усіх можливих зусиль до того, щоб ця угода була вигідна для Вас, але все лишилося марним... Чи не спробувати харківських книгопродавців? Нове видання Вашої «Енеїди» чекають з жадобою в Малоросії, тому я маю багато доказів...»

1837 р. один з петербурзьких книговидавців І. Т. Лисенков, що мав власну друкарню, запропонував І. П. Котляревському видати «Енеїду» в чотирьох частинах, а також «Наталку Полтавку». 16 вересня того ж року І. П. Котляревський відповів йому, що оперу «Наталка Полтавка» уже «отдал другому напечатать». В даному випадку йшлося про І. І. Срезневського, якому І. П. Котляревський передав рукопис своєї поеми з дозволом опублікувати її. У 1838 р. «Наталка Полтавка» була надрукована І. І. Срезневським в московському альманасі «Украинский сборник» (кн. 1). Що ж до «Енеїди», то Котляревський писав: «...я «Энеиду» кончил вполне до тех мест, как и Виргилий написал; она у меня в 6-ти частях переписана и исправлена, только печатать; если Вы намерены взять на себя печатать, то заплатите мне две тысячи рублей денег ассигнациями и 25 экзemplаров для меня пришлете по отпечатании; а я Вам «Энеиду» пришлю и доверенность на напечатание, получивши от Вас половину денег... Печатать же Вам позволяю только один завод, и то на хорошей бумаге и хорошими большими буквами, чисто, опрятно и исправно, не на обверточной бумаге, за цензуру не отвечаю, за корректуру не берусь».

Очевидно, ці умови не задовольняли І. Т. Лисенкова, і «Енеїда» не була надрукована.

Незадовго до смерті І. П. Котляревський передає «Енеїду» харківському видавцеві О. А. Волохінову, який і опублікував поему в повному обсязі в Харкові 1842 р. під назвою «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложена И. Котляревским». Це було перше повне видання поеми, підготовлене до друку автором.

Книжку випущено на пристойному білому, не тонкому папері. Друк, як хотів того І. П. Котляревський, разом з надзвичайно склад-

во оформленою обкладинкою свідчив, що О. А. Волохінов не спи-
нявся перед значними видатками для солідного й гарного видання.
Крім титулу, кожна частина відкривалася ще й шмуцтитулом та мала
окрему пагінацію сторінок. До книжки додано у дві колонки «Сло-
варь малороссийских слов, содержащихся в «Энеиде», с русским
переводом». Всього в «Енеїді» 425 сторінок.

* * *

Вихід у світ уже перших трьох частин «Енеїди» 1798 р. став
винятковим за своєю значущістю явищем в українській культу-
рі, видатною подією в духовному житті українського народу. З'яви-
лася книга, що порушувала важливі суспільні, етичні й естетичні пи-
тання.

Незважаючи на всю неповторну новизну змісту й форми, на смі-
ливе заперечення застарілих естетичних принципів, твір І. П. Котля-
ревського органічно пов'язаний з попередніми літературними тра-
диціями.

Сюжетною основою для поеми І. П. Котляревського була, як
відомо, знаменита антична епопея «Енеїда» Вергілія, в якій утвер-
джувалося «божественне» походження римських імператорів, освя-
чувався абсолютизм. Використовуючи фабульну канву твору рим-
ського поета, І. П. Котляревський вивернув «наизнанку» оригінал,
переосмислив його патетичну тему в підкреслено зниженому плані.
Велична Вергілієва поема під пером українського поета перетворилась
у веселу бурлескнун розповідь. Бурлескний жанр, у якому «висока»
тема передавалася в жартівливому, пародійному тоні, набув помітної
популярності ще в добу Відродження. Особливо інтенсивно травес-
тіювалася в європейській літературі Вергілієва «Енеїда». Найпоміт-
нішими переробками її вважаються «Перелицьована Енеїда» італій-
ського письменника Д. Лаллі (1633); «Перелицьований Вергілій»
французького письменника П. Скаррона (1648—1652); «Вергілієва
Енеїда, або Пригоди благочестивого героя Енея» австрійського пи-
сьменника А. Блюмауера (1783—1786) та інших.

У XVIII—на початку XIX ст. з'являється ряд комічних поем
бурлескного типу в російській літературі, серед них бурлескно-
травестійна пародія «Вергилиева Енеїда, вывороченная наизнанку»
М. Осипова (1791—1796), яку завершив протягом 1802—1808 рр.
О. Котельницький.

Широкого розповсюдження бурлескно-травестійні твори набули
і в українській літературі XVIII ст. Попередником І. П. Котлярев-
ського в жанрі травестії був вихованець Київської академії П. Ло-
бисевич, який у другій половині XVIII ст. робив спробу «перелицьо-
вати» Вергілієві «Буколіки», показавши, за його власним висловом,
«вергилиевых пастухов... в малороссийский кобеняк переодетых».

Отже, приступаючи до «перелицьовування» Вергілієвої «Енеїди»,
І. П. Котляревський спирався на досвід і досягнення, здобуті в цьому

напрямку його попередниками в європейській і вітчизняній літерату-
рах; величезне значення мали зв'язки поета з культурою народного
гумору, з віршами мандрованих дяків. Однак було б неправильно
ігнорувати оригінальність поеми І. П. Котляревського, ставити твір
українського письменника в цілковиту залежність від попередніх
травестій.

Опрацьовуючи сюжет Вергілієвої «Енеїди», І. П. Котляревський
дав йому нове, оригінальне тлумачення і створив цілком самобутню
поему з виразним національним колоритом. «Енеїда» українського
поета — це жартівливо-сатиричний переспів українською мовою кла-
сичного римського твору, що вражає читача неповторною дотепніс-
тю, витонченістю спостережень в зображенні українського побуту
другої половини XVIII — початку XIX ст., викривальним струменем,
іскрометним гумором і блиском національних барв. Поема І. П. Ко-
тляревського, безумовно, перевершує всі бурлескні переробки Вергі-
лієвої епопеї та інші досить поширені на той час у літературі бур-
лескно-травестійні твори.

Уже сучасниками «Енеїди» І. П. Котляревського сприймалась як
своєрідна енциклопедія народного побуту, звичаїв, обрядів. Численні
мальовничо виписані побутово-етнографічні полотна раз у раз пере-
растають у жанрові реалістичні картини з життя українського наро-
ду. Такий характер мають і докладні описи народних забав, обрядів,
костюмів, страв, напоїв тощо.

Реалістична основа поеми І. П. Котляревського виявляється в під-
кресленому інт і автора до зображення характерних подробиць
повсякденного життя простолюду, панства, чиновництва, духів-
ництва.

Джерелом поетичного натхнення І. П. Котляревського була
тогочасна дійсність, мораль і звичаї українського народу. Події з
античного життя, змальовані в поемі, перенесено на Україну: зга-
дуються села й містечка на Полтавщині — Опішня, Решетилівка,
Келеберда та інші; скрізь фігурують земляки письменника, з них
деякі — його близькі знайомі, як, наприклад, Мусій Вернигора,
який, за свідченням першого біографа автора «Енеїди» С. Стебліна-
Камінського, був «здається, шевцем Котляревського». Човном Енея
править Тигренко — син цинкаря із села Стехівки, що поблизу
Полтави.

Прибувши до пекла, Еней упізнає тут своїх земляків і передусім —
ось кого:

Педька, Терешка, Шеліфона,
Панька, Охріма і Харка,
Леська, Олешка і Сізьона,
Пархома, Іська і Феська,
Стецька, Ониська, Опанаса,
Свирида, Лазаря, Тараса...

Стародавніх троянців і латиняч І. П. Котляревський переодягає
в жупани й шаровари українського козацтва XVIII ст., в традиційні

мундири тодішнього чиновництва, в підрясники й рясні «хаптурного роду» — духівництва. І не тільки переодягає, а й представляє живими людьми з особливостями їхнього психічного складу, їхнього способу висловлювати свої думки й почуття.

Письменник зобразив типові українські характери, побут, реальні ситуації й колізії, породжені життям тогочасної суспільності. Тут і паразитичне життя поміщицько-кріпосницьких верств з їхньою зневагою до народу, пихатістю, аморальністю; тут і бюрократично-канцелярська згряя та попівство з їхніми самодурством, продажністю, нікчемністю. Перед читачем проходить галерея панів-кріпосників, «що людям льготи не давали і ставили їх за скотів», чиновників, зажерливих лихварів, проворних купчиків, що «на аршинець на підборнівні поганій продавали крам», попів, ченців з їхнім лицемірством, потягом до «плотських утіх». Все це — людські п'явки, користолюбці, огидні й підступні у вчинках. Усі вони, винуватці людського горя, засуджуються письменником на «вічні муки»; їхнє місце в пеклі. Особливо дістається жорстоким поміщикам-кріпосникам: у пеклі їх «смордували і жарили зо всіх боків», «залізним пруттям підганяли», давали «добру хльору всім по заслусі, як котам».

Гостросатирично зображений в «Енеїді» сучасний поетові «Олімп». Під виглядом міфологічних «можновладців»-богів І. П. Котляревський змальовує феодально-поміщицьку верхівку тогочасного суспільства. Зевс і його небесний синкліт — це ж, власне, урядові «високі сфери» — сенат, святійший синод, департаменти, міністерства — з їхнім бундючним, пихатим начальством. Звідси йде хижацтво, грабіж, здирство, хабарництво; тут — паразитизм, кровожерні примхи, цинковіте ігнорування інтересів простих людей, відверта байдужість до їхнього життя.

Поема «Енеїда» пройнята справжнім гуманізмом, письменник щиро любить народ, вболіває за його страждання. Симпатії І. П. Котляревського цілком на боці тих, кого зараховували до «нижчих станів», кого панівні верстви нещадно визискували, топтали людську гідність:

Се, що з порожніми сумками
Жили голодні під тинами,
Собак дражили по дворах;
Се ті, що біг дасть получали,
Се ті, яких випроваджали
В потилицю і по плечах.

І. П. Котляревський раз у раз звертається до історичного минулого України, звеличує патріотичні подвиги народу, тепло згадує спільну боротьбу російських військ і українських козаків проти шведської інтервенції, знамениту Полтавську битву 1709 р.

Оспівуючи краші національні традиції, сформовані історичним досвідом народу, І. П. Котляревський закликає співвітчизників пробиратися життєдайним почуттям служіння вітчизні. Він утверджує громадянську мужність:

Любов к отчизні де героїть,
Там сила вража не устоїть,
Там грудь сильніша од гармат...

Свою поемою І. П. Котляревський заперечував те, що «виключне право» на героїчні діяння належить тільки представникам панівних верств. Дух патріотизму, за переконаннями автора, притаманний і «нижчим класам». В умовах самодержавно-кріпосницької, поміщицько-дворянської держави така концепція була справді сміливою.

І. П. Котляревський змальовує своїх троянців з неповторним, добродушним гумором, але разом з тим і з повагою, наділяючи кращими людськими рисами. Це веселі, дотепні, сміливі й ініціативні люди; вони завжди життєрадісні, безжурні, здатні перенести найважчі випробування, особливо коли цього вимагає вітчизна. Найсвятіше для них — бойове товариство, вірність громадянському обов'язку. Пригадаймо, як просто і мужньо рядові воїни Низ і Евріал ідуть на смерть, віддають своє життя в ім'я батьківщини, заради перемоги над ворогом.

Відчайдушні гуляки в «Енеїді» обертаються, коли цього вимагають обставини, на справжніх героїв. Загартовані в походах і боях, троянці над усе ставлять славу й військову доблесть. Їх не ваблять розкіш і багатство; воля — ось чого вони прагнуть і заради неї готові битися до останньої краплі крові. Ніби й жартома Котляревський звеличує тих, хто

...дать odpor були готови
І до остатней краплі крові
Свою свободу боронить.

Оспівування любові до батьківщини, уславлення героїчного минулого, показ самовідданих воїнів, нарешті, величний образ Енея — все це утверджувало високі моральні якості українського народу. Адже Еней не тільки «пройдєсвіт», «привідця по всіх содомах». Він — мудрий, розважливий «батько» троянців, пройнятий почуттям власної гідності, поваги до тої громади, яка передусім боронить свою свободу. Еней намагається припинити непотрібну колотнечу. Як справжній лицар, він «лежачих не займає», «к добру з натури склонний». Навіть вороги змушені поважати Енея. Пафос поеми — в утвердженні духовних сил народу, в життєлюбстві, оптимізмі мужніх простих людей.

І. П. Котляревський не вигадував цих людей; він бачив їх у селах і містах, на полі бою і в нелегкій буденній праці. З глибокою повагою і любов'ю, з надзвичайною теплою зобразив їх письменник. До своїх троянців Котляревський незмінно доброзичливий і поблажливий. Гумор його тут, хоча й лукавий, але невичерпно добродушний. Інша справа — «олімпійці», земні «можновладці». Тут поет не знає пощади. Коли у Вергілія боги й богині виступають вершителями людської долі і викликають до себе трепетне почуття благо-

* * *

говіння, то І. П. Котляревський устами Енея зухвало звертається до «повелителів» світу, навіть до громовержця Зевса:

Гей ти, проклятий стариганю!
На землю з неба не зиркнеш,
Не чуєш, як тебе я ганю,
Зевес! — ні усом не моргнеш.
На очах більма поробились,
Коли б довіку посліпились,
Що не допоможеш ти мені.

Небесні й земні державці намагаються «не звіра — людську кров пролити». Вони сковують людей страхом. Потрібно цей страх подолати. І Еней, простий, із здоровим глуздом парубок, дійшов-таки до цього: «Олімпських шпетив на всю губу...» Поет і його герої беруть богів на посміх; вони сміливо стягають їх з недосяжного Олімпу, нищівним сміхом розвінчують. Усім змістом поеми Котляревський говорить: які мізерні, нікчемні й смішні всі оці небесні й земні інтригани та грабіжники-кровожери порівняно з людьми — мужніми, хоробрими, з'єднаними товариськими узами, пройнятими всепермагаючим прагненням до свободи.

Ще сучасники І. П. Котляревського відзначали закоханість поета в свій непоборний народ і вбачали в цьому запоруку безсмертя поеми. Близький до декабристів російський критик О. Сомов в «Огляді російської словесності за 1828 р.» писав: «З усіх попередніх Енеїд, Язосійської прозерпин навиворіт уціліла тільки малоросійська пародія «Енеїди» І. П. Котляревського, тому що автор її умів приправити свою поему малоросійською сіллю і живо вивести в ній, замість троянців, карфагенян і латинян, земляків своїх малоросіян з їхнім домашнім побутом, звичками й приказками».

Сатирична спрямованість поеми І. П. Котляревського мала громадянський, соціальний характер. З великою сміливістю й ширим обуренням поет кинув сучасній йому офіційній суспільності: «Мужича правда єсть колюча, а панська на всі боки гнуча...» І. П. Котляревський виступає поборником «мужичої правди» і втілення її бачить у духовно здоровому народному житті. Однак, торкаючись питання про суспільне зло кріпосного права, поет ніде, через поміркованість переконань та ідеалів, не закликає до відкритої боротьби проти гнобителів; він не йде далі морального осуду кріпосництва. І все ж демократизм І. П. Котляревського незаперечний. Глибоко гуманістичні переконання допомогли йому як художникові відобразити думи й сподівання широких народних мас.

Мотив боротьби за «общее добро», за честь вітчизни, що так виразно звучить особливо в останніх частинах «Енеїди», перегукується з патріотичними закликами поетів-радіщевців І. Пніна і В. Пугаєва, О. Пушкіна й декабристів.

«Енеїда» І. П. Котляревського — талановите, правдиве зображення життя з передових просвітительських позицій того часу. Прагнучи відбити народні погляди й оцінки сучасної дійсності, поет вніс до свого твору багато щирого тепла, тонкого гумору, живописних мотивів. Поема від початку і до кінця наснажена стихією нестримного гумору.

А я до жалю не мастак;
Я сліз і оханья боюся
І сам ніколи не журюся...—

зауважує поет у шостій, заключній частині. І справді все в «Енеїді» смішить, веселить... Богиня Юнона «розкудкудакалась, як квочка», грізний бог морів Нептун — не що інше, як «карась». Найтрагічніші, здавалось би, епізоди, розраховані у Вергілія на те, щоб вразити читача, викликати «високу» скорботу, у І. П. Котляревського часто звучать іронічно. Сумна сцена прощання Анхіза з сином у пеклі завершується так: «Анхіз кричав, як в марті кіт...»

Для «Енеїди» характерні найрізноманітніші комічні ситуації, неповторний гротеск, яскрава гіпербола з їх типовим українським колоритом. Читач нестримно сміється над хабарником Нептуном, над тупим держимордою Зевсом, над «сучою дочкою» Юноною, над «старим скупиндею» Латином, що «дрижав, як Каїн, за алтин», над «обточеною, як огірок», Турном... Люди й боги хлинуть горілку, сваряться між собою:

Богині в гніві таке баби
І таке на утори слабі,
З досади часом і брехнуть,
І, як перекупки, горланять,
Одна другу безчестять, ганять
І рід весь з потрухом кленуть.

«Грубі» сцени йдуть одна за одною: роз'юшені носи, вибиті зуби, бешкети.

Авторів «Енеїди» тісно в межах традиційних «класичних» канонів:

Я музу кличу не такую:
Веселу, гарну, молодую;
Старих нехай брика Пегас.

Традиційна муза для І. П. Котляревського — це висохла, «жеманна», провінційна, «од старості сварлива» панна, з якою ніхто «не женихавсь, не жартовав». Муза ж І. П. Котляревського випромінює життя; щоправда, вона не вільна від бруталності, вульгаризмів. Можна говорити про деяку фривольність в окремих сценах, про натуралізм ряду образів. Але навіть і в них — який це ширий, не підробний комізм, який іскристий дотеп!

Щедрою рукою великого майстра розкидано по всій поемі влучні афоризми, кмітливі спостереження, барвисті деталі. У текст широко

вводяться ліричні репліки, схвильовані вигуки, колоритні діалоги й монологи. Так цариця Карфагена Дідона, Зспівана Вергілієм у «ви-сокому стилі», обертається на сварливу, загребушу власницю хутора, яка з підозрою зустрічає троянців:

Відкіль такі се гольтіпаки?
Чи рибу з Дону везете?
Чи, може, виходці-бурлаки?
Куди, прочани, ви йдете?
Який вас враг сюди направив?
І хто до города причалив?
Яка ж ватага розбишак!

Усе тут смішно, гротескно і водночас психологічно виправдано, внутрішньо умотивовано. Все живописне, інтригує, заостре...

Стиль І. П. Котляревського витримує величезний вантаж, здава-лося б, цілком прозаїчного матеріалу, але від цього не втрачає по-етичності: його прозаїзми стають художніми. Творче звертання до народно-розмовної лексики й стилістики, застосування просторіччя з гумористичною, сатиричною метою має в І. П. Котляревського виразні художні цілі.

І. П. Котляревський невичерпний у своїх поетичних прийомах. Він кохається, зокрема, в соковитих епітетах. Його Дідона «розумна пані і моторна», «трудяща, дуже працююча, весела, гарна, сановита».

Ентелл «був тяжко смілий, дужий, мужик плечистий і невключий».

Порівняння І. П. Котляревського — несподівані, влучні, колочі.

Якщо у Вергілія морський бог Нептун велично проноситься в коліс-

ниці, то у І. П. Котляревського він, «миттю осідлавши рака, схва-

тивсь на його, як бурлака, і вирнув з моря, як карась». Еней прибіг

увесь упрілий, «мов з торгу в школу курохват»; «Еней з Дідоною

возився, як з оселедцем сірий кіт», жіночі «грішні душі» кричать

у пеклі, «після куті мов на живіт». Грубі слівця, а то й нескромні

натяки створюють специфічну жартівливу тональність твору. Проте

шаржовано-гумористичний живопис у І. П. Котляревського, як від-

значив І. Я. Франко, «завжди в межах художнього такту».

І. П. Котляревський дає неповторні зразки мовного комізму, на-

громаджуючи ряд слів однієї граматичної категорії, часто сино-

німічних або семантично близьких:

Вона без всякого обману...
Робила грішним добру шану,
Ремнями драла, мов биків;
Кусала, гризла, бичовала,
Кришила, шкварила, шипала,
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчила, пиляла,
Вертіла, рвала, шпиговала...

Дієслова, семантично близькі, обрушуються іскристим каскадом, демонструють лексику невичерпності народної мови, розкриваючи перед читачем безмежні її глибини. Народне слово відсвічує, грає тут усіма своїми барвами, супроводжуване багатющими відтінками

здорового сміху — від доброзичливого гумору до в'їдливої, бичуючої сатири. Поетичні фігури ніби концентрують у собі комізм ситуацій, гостросатиричний підтекст.

Легко розпоряджається І. П. Котляревський і так званими діалек-тизмами, макаронізмами, досягаючи виняткової віртуозності. Ось мова посла Енея, пересипана латинськими словами, а також україн-ськими з доданням латинських закінчень «us» та «ogit»:

Енеус ностер магнус панус
І слашний троянорум князь.
Шмигльав по морю, як циганус,
Ад те, о рексі прислав нунк нас.

А ось «пророча» промова Сівілли в стилі бурсацької тарабарщи-ни, побудованої на перестановці коренів сусідніх слів:

Борщів як три не поденькуеш,
На моторошні засердчить;
І зараз тяглом закишкуеш,
І в буркоті закендьошть.

«Рації» з латинізмами, а також з церковнослов'янізмами, І. П. Ко-тляревський використовує в поемі з подвійною метою: по-перше, во-ни — засіб мовного гумору; крім того, вони свідчили про принципове ставлення поета до мертвої латині і старослов'янщини. Жива мова народу, переконливо доводить І. П. Котляревський, має незаперечні переваги над ними.

Інокли І. П. Котляревський відступає від бурлеску, особливо в останніх частинах поеми. Натомість виразніше звучить лірична розповідь. З батьківської любов'ю стежить поет за діями Низа та Евріала, радіючи з кожної їхньої удачі; сум і печаль охоплюють його, коли юнаки опиняються в скрутні й змушені тікати з рутульсько-го стану:

Дали якраз до лісу тягу,
Бістріше бігли од хортів;
Спасались бідні на одвагу
Від супостатів, ворогів.
Так пара горличок невинних
Летять спастись в лісах обширних
Од злого кібчика когтей.

Часом І. П. Котляревський вдається і до піднесеного, героїчного тону (оспівування військової доблесті Енея і троянців тощо).

В «Енеїді» безліч персонажів, типів, характерів, і кожний з них «веде свою партію» сміху від розкотистого басового реготу гуляки-троянця до верескливого з присвистом сміху «зловредної» богині Юнони. Жарти, дотепи прокочуються по всій поемі.

Кожна деталь у поемі вірна своїй натурі, кожний образ — фізично відчутний; здається, що він піддається прямо-таки дотику. Композиційна винахідливість, смак, темперамент, свіжість вражають читача на кожній сторінці.

Вергілієва поема написана, як відомо, гекзаметром, що цілком відповідало її змістові — урочистому, піднесеному. І. П. Котляревський же написав поему короткими динамічними рядками — легким, прозорим ямбом, всіляко дбаючи про те, щоб жартівливий зміст одягти в дзвінку, бадьору форму. При безсумнівній орієнтації на ритмічні норми російського чотиристопного ямба І. П. Котляревський талановито модифікує його, надає йому виняткової виразності, акцентовності. Ямби його звучать природно й невимушено, надаючи викладові легкості, грайливості.

Вірш «Енеїди» ритмічно багатий і різноманітний; він чудово доносить до читача загальний бадьорий тон поеми, посилює влучні афоризми, соковиті деталі, іскристий дотеп; він робить виклад пластичним, конденсує враження, акцентує поетичну думку, відтінює коміз ситуацій і колізій.

Рими й ритміка вірша «Енеїди» були справжнім новаторством у тогочасній системі віршування. Поет завдав рішучого удару пануючій тоді в українській літературі шкільній силабіці. І. П. Котляревський повернув українську поезію до її національних джерел, утвердив силабо-тонічний принцип віршування. В українській літературі вперше на повний голос зазвучала мова народу, полтавсько-київська говірка — дзвінка, співуча, жива. І. П. Котляревський розкрив невичерпні скарби народної мови, показав широчезні можливості дальшого розвитку національної літератури на народній основі. Замість старої незграбної книжної мови, пересипаної церковнослов'янськими й полонізмами, письменник утвердив в українській літературі багатоголосу народну мову.

* * *

«Енеїда» була супутницею всього творчого життя письменника: розпочав він її за молодих літ, а остаточно закінчив на схилі віку, коли йому йшов сьомий десяток. Звідси — неоднаковий загальний колорит твору, нерівність у змалюванні окремих образів, характерів; деталі іноді суперечать всьому образу. Сам І. П. Котляревський за час написання «Енеїди» зазнав певної ідейно-естетичної еволюції. Це позначилось і на поемі. Аналізуючи її, можна бачити, як змінювався самий тон твору. «Травестійний стиль» місцями трансформується в останніх частинах намічається певний відхід від травестії до героїчної поеми; автор іде від грубуватого шаржу-бурлеску до героїчних образів і картин, до своєрідних романтичних барв. Загалом же «Енеїда» в усіх частинах зберігає безумовну художню єдність і цільність. Розширювалася художня концепція автора, зазнав змін стиль... Але, як і раніше, сильним лишається патріотичний пафос творчості, глибоке знання народного побуту, лукавий гумор, гостросатиричний підтекст. Поет ніколи не втрачає чарівної безпосередності, свіжості почуття, жадібно сприймає новизну й багатобарвність життя. Це було видатне, справді новаторське явище, яке знаменувало формування в українській літературі нового творчого методу —

художнього реалізму. «Енеїда» І. П. Котляревського, за влучним зауваженням О. Білецького, стала не лише чудовим епілогом стародавньої української літератури, але й блискучим прологом нової, демократичної української літератури XIX ст.

Історичною заслугою І. П. Котляревського як автора «Енеїди» було те, що він перший в українській літературі сміливо і впевнено пішов шляхом народності й національної самобутності. Своєю поемою він відкрив новий етап в її розвитку, виступив зачинателем художньої літератури на широкій народній основі. Він спрямував українську літературу тими шляхами, якими йшла тоді передова російська література. Саме починаючи від І. П. Котляревського все відчутніше, глибше виступає взаємодіяння двох братніх літератур, їх ідейних, філософських і художніх шукань, спорідненість, яка не заважала, а навпаки, сприяла утвердженню національної своєрідності української літератури. Досягнення російської літератури й громадської думки сприяли розв'язанню завдань, що їх висувало і українське культурне життя. Становлення українського романтизму, а пізніше реалізму було органічно пов'язане з головною лінією розвитку російської літератури кінця XVIII — першої половини XIX ст.

Образ народу, талановито, широко, яскраво змальований І. П. Котляревським, став фактом великого суспільного й художнього значення. Перед усім світом перелицьованою «Енеїдою» поет засвідчив велич українського народу, його непоборність.

Гуманізм і патріотизм, демократичність, реалізм художніх образів, яскрава народна мова — все це зумовило популярність «Енеїди» серед читачів, принесло їй визнання широкої громадськості України й Росії. «Вся Україна, — свідчить сучасник Котляревського, — читала «Енеїду» з захопленням. Легкість розповіді, вірність барв, нестримні жарти були в повній мірі нові, чарівні. Списуючи з природи, автор ніде не погрішив проти істини; народність відбивається в поемі, як у дзеркалі». Журнал «Основа» відзначав, що «Енеїда» Котляревського «была принята с восторгом не только в Малороссии, но и в России...»

Оскільки тиражі перших видань «Енеїди» були невеликі, а попит на поему значний, — її переписували, поширювали в списках і варіантах. «Досить буде згадати, — писав І. Франко, — що, крім трьох видань, які появились протягом десяти років, із кожного з тих видань, а навіть із брульйонів Котляревського перед першим виданням, роблено численні копії, з яких деякі заблукали також до Галичини».

Ще за життя Котляревського в українській літературі з'являється ряд більш або менш талановитих наслідувань і переспівів «Енеїди» — П. Білецького-Носенка, К. Думитрашка, П. Кореницького, С. Александрова, пізніше Я. Кухаренка та інших. Певного впливу творчої манери автора «Енеїди» зазнали класики нової української літератури, зокрема П. Гулак-Артемівський, Г. Квітка-Основ'яненко, Є. Гребінка та інші.

Широкий відгук сучасників І. П. Котляревського знайшла «Енеїда» в Білорусії. Так, на початку XIX ст. поширювалась усно і в

рукописних копіях білоруською мовою «Енеїда навыварат». У своїх творчих пошуках українські, російські, білоруські письменники певною мірою спирались на поетичний експеримент І. П. Котляревського. І це було явищем плодотворним.

Вплив поеми І. П. Котляревського позначився і на російській літературі, насамперед на творчості В. Т. Нарезного і М. В. Гоголя. Відчайдушні, горласті бурсаки В. Т. Нарезного нагадують «парубка моторного» Енея з його товаришами, а побутові сцени схожі на описи невивагливих бенкетів у «Енеїді». Художній досвід українського поета був безсумнівно в полі зору М. В. Гоголя. До своєї «Книги всякої всячини» М. В. Гоголь вніс двадцять одну цитату з «Енеїди», маючи намір, очевидно, використати їх як епіграфи до своїх творів (що він і зробив частково в «Сорочинской ярмарке»).

Про роль полум'яного слова І. П. Котляревського в історії української літератури писали декабристи і О. І. Герцен, В. Г. Белінський і М. В. Гоголь, М. М. Коцюбинський і П. А. Грабовський і інші.

Для молодого Т. Шевченка «Енеїда» І. П. Котляревського стала втіленням духовної сили українського народу. Тужачи в царській столиці за Україною, за рідними й близькими, він ототожнює безсмертні образи «Енеїди» з милою серцю батьківщиною.

У повісті «Близнець» Т. Г. Шевченко називає «Енеїду» «знаменною пародією», говорить про виняткову популярність її серед простих людей.

Надзвичайно влучно і образно сказав про славетного письменника Т. Г. Шевченко у вірші «На вічну пам'ять Котляревському»:

Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люди;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть!

І. Я. Франко, високо оцінюючи літературний подвиг І. П. Котляревського, в сонеті «Котляревський» порівнював виступ письменника з пробудженням орла, який, піднявшись із скелі, одвалив снігову брилу, і ця брила, покотившись по схилу кам'яному, викликала могутню лавину, що залунала «дужче грому».

Молода Леся Українка виступила в 1898 р. з поезією «На столітній ювілей української літератури» (у зв'язку із 100-літтям виходу в світ першого видання «Енеїди» Котляревського), в якій наголосила на провідних рисах української літератури, визначених ще І. П. Котляревським, — щирому демократизмові, служінні народу.

«Енеїда» І. П. Котляревського ввійшла дорогоцінним вкладом у літературну спадщину українського народу.

* * *

Великий Жовтень проклав сонячний шлях творчості першого класика української літератури до всіх народів нашої Батьківщини, до всього прогресивного людства.

Традиції І. П. Котляревського живуть і розвиваються.

Разючий, невгамовний сміх, який виражав ставлення народу до потворностей тогочасної дійсності, сміх, сповнений почуття власної гідності і зневажаючий все, що йде проти життя, проти його краси і могутності, ця традиція в українській літературі, беручи початок від «Енеїди» І. П. Котляревського, від критично сприймаючого світ розуму, й до наших днів не втратила свого значення. Нагадаємо, Максим Горький, зустрівшись з українськими радянськими письменниками в 30-х роках, радив їм, використовуючи художні прийоми автора «Енеїди», створити сатиричну поему про буржуазних дипломатів, буржуазних націоналістів — петлюрівців і їм подібних: «Чому б вам не написати такий веселий бурлеск, як, скажімо, є «Енеїда», про наших ворогів?..»

Іскрометні образи й інтонації поеми виразно вчуваються в творах Остапа Вишні і Ю. Яновського, О. Довженка і Я. Галана, О. Ільченка і С. Олійника, О. Ковіньки і Ф. Маківчука, в гнівних інвективах письменників періоду Великої Вітчизняної війни, в творах наших сучасників, спрямованих проти сил міжнародної реакції.

Багато зроблено в справі художнього перекладу творів І. П. Котляревського на російську мову. Переклади ці стали важливим чинником братніх зв'язків української та російської культур, активним засобом для пізнання художніх скарбів українського поета всіма народами нашої країни. Твори І. П. Котляревського, особливо його «Енеїда», все більше привертають увагу культурної громадськості за рубежом: у Польщі, Болгарії, Чехословаччині, Румунії, а також Аргентині, Бразилії, Австралії.

Щедрий таланти І. П. Котляревського сповнений високої моральної чистоти, чарівності поезії. Невмируща творчість письменника, проінфікована гуманізмом, у кращій своїй частині духовно збагачує нові й нові покоління.

Є. Шаблювський, Б. Деркач

*Евгеній Степанович
Шаблювський
Борис Андреевич
Деркач*

ЖЕМЧУЖИНА
УКРАИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Издательство «Дніпро»
(На украинском языке)

Редактор
О. З. Кагарлицька
Художник
П. Т. Вишляк
Художній редактор
А. І. Клименко
Технічний редактор
Б. С. Грінберг
Коректори *Г. І. Кривошук,*
Н. О. Маслова

Информ. бланк № 817
Здано до складання 27.04.79.
Підписано до друку 29.08.79.
Формат 60×100^{1/16}.
Папір друкарський № 1.
Гарнітура літературна.
Друк високий.
Умовн. друк. арк. 1,388.
Обл.-вид. арк. 1,001.
Тираж 10 000. Зам. 9-162.
Ціна комплекту у футлярі
2 крб. 40 к.

Видавництво «Дніпро».
252601, Київ-МСП,
вул. Володимирська, 42.

Київська
книжкова фабрика
«Жовтень»
республіканського
виробничого
об'єднання
«Поліграфкнига».
252053, Київ,
вул. Артема, 23а.